

КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО
ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИШТИНА-ЛЕПОСАВИЧ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ МАХАТМЫ ГАНДИ
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
«ШКОЛА МОЛОДОГО ПОЛИТОЛОГА»

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ
ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА»**

**Сборник научных трудов XXXIX Международного
Харакского форума**

(Ялта, 26-28 апреля 2022 г.)

Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2022

УДК 32 (31)
ББК 74.00
П 50

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).*

Ответственный редактор:

Т.А. Сеньюшкина, доктор политических наук, профессор.

Научный редактор:

Е.А. Сеньюшкин, кандидат политических наук, доцент.

Рецензенты:

Драган Танчич, доктор политических наук, профессор;

Раджив Кумар, доктор политических наук, профессор;

Миодраг Гордич, доктор политических наук, профессор.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 **Политическое пространство и социальное время:**

Стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира. Сборник научных трудов XXXIX Международного Харакского форума 26–28 апреля 2022 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сеньюшкиной; [науч. ред.: Е.А.Сеньюшкин] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – 276 с.
ISBN 978-5-907656-14-7

В сборнике размещены материалы XXXIX Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: Стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира», состоявшегося в г. Ялта 26–28 апреля 2022 г. Раскрываются актуальные проблемы, связанные с анализом стратегических приоритетов России и зарубежных стран в условиях формирования полицентричного мира.

УДК 32 (31)
ББК 74.00

ISBN 978-5-907656-14-7

© Сеньюшкина Т.А., 2022

© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2022

**К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РСФСР И
ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
(К 100-ЛЕТИЮ РАПАЛЛЬСКОГО ДОГОВОРА)**

Афонина А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
студент*

E-mail: afonina0603@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются дипломатические отношения между РСФСР и Веймарской Республикой в 1922 году. Данная статья приурочена к 100-летию Рапалльского договора, подписанного на Генуэзской конференции 16 апреля 1922 года, который дал толчок для эффективного и плодородного сотрудничества на период более 10 лет. Стремление России выйти из дипломатической изоляции и утвердить свою роль на международной арене, экономической кризис в Германской Республике, разоренной огромными репарациями, препятствующими послевоенному восстановлению экономики государства, привели к необходимости проведения политики умиротворения и, как следствие, к подписанию Рапалльского договора. Благодаря анализу взаимоотношений РСФСР и Веймарской Республики в межвоенный период выявлен системообразующий для Европы характер советско-германских отношений. Определен характер дипломатических отношений, основанных на экономическом сотрудничестве и взаимных уступках, урегулировании спорных вопросов.

Ключевые слова: дипломатия, рапалльская политика, Рапалльский договор, РСФСР, Веймарская Республика, международные отношения, торговая дипломатия.

**TO THE QUESTION OF RESTORATION OF DIPLOMATIC
RELATIONS BETWEEN THE RSFSR AND THE WEIMAR
REPUBLIC (ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE TREATY
OF RAPALLO)**

Afonina A. A.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Student*

E-mail: afonina0603@mail.ru

Abstract. *The article examines the diplomatic relations between the RSFSR and the Weimar Republic in 1922. This article is dedicated to the 100th anniversary of the Treaty of Rapallo, signed at the Genoa Conference on April 16, 1922, which gave impetus to effective and fruitful cooperation for a period of more than 10 years. Russia's desire to break out of diplomatic isolation and assert its role in the international arena, the economic crisis in the German Republic, ravaged by indemnities, led to the need for a policy of appeasement and, as a result, to the signing of the Rapallo Treaty. Thanks to the analysis of the relationship between the RSFSR and the Weimar Republic in the interwar period, the system-forming nature of Soviet-German relations for Europe was revealed. The nature of diplomatic relations based on economic cooperation and mutual concessions; settlement of disputed issues has been determined.*

Keywords: *diplomacy, Rapallo policy, Treaty of Rapallo, RSFSR, Weimar Republic, international relations, trade diplomacy.*

Издавна история России и Германии переплеталась довольно тесно, но, за редким исключением, отношения этих государств едва можно было бы назвать союзническими и нацеленными на сотрудничество. Однако после подписания в 1919 году Версальского мирного договора, когда геополитическая картина мира и, в частности, Европы претерпевала изменения, тем самым вызывая напряженную экономическую и политическую обстановку в Германии, а также «отвержение» Советской России от участия в европейской политике – был дан толчок для развития дипломатических отношений между этими двумя государствами.

6 апреля 1922 года министр иностранных дел Германии В. Ратенау и Народный Комиссар по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин подписали Рапальский договор, который ознаменовал начало тесного советско-германского сотрудничества. Необходимо упомянуть, что дипломатическим предшественником Рапальского договора стало временное торговое соглашение, подписанное еще в 1921 году. Соглашение признавало «представительство РСФСР в Германии единственным представительством Российского государства», советскому представительству предоставлялись дипломатические права и привилегии [1, с. 100]. Заключение торгового договора свидетельствовало о нежелании Веймарской Республики следовать по пути экономического бойкота РСФСР и вступать в антисоветский блок.

По всей вероятности, такая позиция Германии была вызвана, прежде всего, абсолютно унижительными для проигравшей стороны

тезисами, прозвучавшими на Парижской конференции и сформировавшими некоторые положения, отраженные в Версальском мирном договоре, которые, по мнению многих историков, вовсе не были нацелены на формирование справедливого мирового порядка и решение репарационного вопроса. Аналогичную мысль в 1933 году высказет А. Шикльгрубер, назвав Версальский договор «несчастьем не только для Германии, но и для других народов».

Обратимся к тексту Официальной программы мира, представленной еще в 1916 году: «Гражданам Германии и ее союзникам не позволять заниматься некоторыми промыслами и ремеслами в каждой данной союзнической стране. Что же касается всего последующего послевоенного времени, то по отношению к нему союзники согласились не допускать зависимости от бывших неприятелей ни в получении сырья, ни в получении фабрикатов» [2, с. 4]. В приведенном отрывке текста прослеживаются контуры расчетов стран антисоветского блока. Акцент сделан только на экономической стороне вопроса, чтобы Советская Россия, заключив сепаратный мир с Германской Республикой, не имела возможности примкнуть к получению репараций.

Итак, приведенные выше факты позволяют заключить, что в данный период положение обоих государств во внешне- и внутривнутриполитическом плане было приблизительно одинаковым: РСФСР была ослаблена революционными событиями подобно тому, как была ослаблена Германская Республика после поражения в войне. В довоенный период Россия представляла собой кладезь сырья и сельскохозяйственной продукции, и в этом смысле прекрасно дополняла промышленную Германию, однако с 1917 года происходит падение сельскохозяйственного производства почти в половину. Стоит отметить, что в обеих странах значительно снизились объемы промышленного производства по сравнению с довоенным уровнем. Веймарская Республика ощутила на себе галолирующую инфляцию, которая к 1923 году достигла своего апогея. Остро стоял вопрос безработицы, которая сложилась из-за резкого сокращения численного состава армии Германии и демилитаризации по условиям Версальского договора.

Постепенно Веймарская Республика и РСФСР пришли к сотрудничеству и взаимопомощи. На переговорах с представителями стран Антанты все чаще возникал вопрос о дипломатическом признании Советской России на мировой арене. Особое беспокойство у премьер-министра Великобритании Д. Ллойда Джорджа вызывал союз России и Германии – он видел в нем враждебную силу.

Г. Киссинджер писал: «Рост сотрудничества между Германией и Советским Союзом был решающим ударом по Версальской системе ...» [3, с. 219]. Многочисленные переговоры на тему «русско-германского» вопроса создали основу для проведения Генуэзской конференции, во время которой будет заключен договор, урегулировавший возникшие ранее спорные вопросы.

Из договора между РСФСР и Германией, подписанного 16 апреля 1922 года, следует: Веймарская Республика и Советская Россия взаимно отказываются от возмещения их военных расходов (в том числе и на военнопленных) и убытков; «Равным образом обе стороны отказываются от возмещения невоенных убытков, причиненных гражданам одной стороны посредством так называемых исключительных военных законов и насильственных мероприятий государственных органов другой стороны ...» [4, с. 223]. Кроме того, согласно статье 4, консульские и дипломатические отношения между этими государствами принято было немедленно восстановить. В торгово-экономических отношениях было принято решение руководствоваться правовым принципом наибольшего благоприятствования, то есть экономической не дискриминации, что в значительной степени благоприятно повлияло на экономику и Германии, и РСФСР. Отмечался прорыв торгово-экономической блокады: «... после подписания договора 30% произведенных станков Германия сбывала России. Если взять электротехническую промышленность, то 20%, то есть одна пятая этой продукции, шла из Германии в Россию ...» [5, с. 41].

Таким образом, условия договора были основаны на взаимных уступках, отказах от претензий. Для Веймарской Республики этот договор предоставил возможность частично избавиться от бремени репараций, но, более того, благодаря «духу Рапалло» стал очевиден факт системообразующего значения Германии и России для мира в Европе. Рапальский договор оказал огромное влияние на дипломатические и торгово-экономические отношения вчерашних стран-изгоев и дал импульс для дальнейшего восстановления и укрепления этих связей на протяжении 11 лет, фактически до момента краха Веймарской республики.

Список литературы

1. Документы внешней политики СССР. Т. IV. М.: Издательство политической литературы, 1960. 105 с.
2. Ключников Ю. В., Сабанин А. Версальский мирный договор. М.: Изд. Литиздата НКВД, 1925. 198 с.
3. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
4. Документы внешней политики СССР. М.: Издательство политической литературы, 1961. Т. V. 224 с.
5. Российско-германские отношения – вчера, сегодня, завтра. К 80-летию Рапальского договора. URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2002/3-2002/rossiysko3-2002.pdf> (дата обращения: 22.02.2022).

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ, ОПОСРЕДОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЕЙ НА ИНДИВИДУАЛЬНУЮ, КУЛЬТУРНУЮ И НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Боривое В. Балтезаревич

*Доктор культурологических наук,
Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, Сербия,
научный сотрудник
E-mail: baltez@yahoо.co.uk*

Марина Д. Миятович

*Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, Сербия,
исследователь - сотрудник
E-mail: marina.mijatovic@gmail.com*

***Аннотация.** Под влиянием тенденций глобализации направленность средств массовой информации, основанных на новых технологиях, объединяет цифровизацию их контента, что имеет как положительные, так и отрицательные эффекты, которым подвержены как отдельные люди, так и общество в целом. Оцифровывая средства массовой информации, культуру, внутриличностное общение и другие аспекты жизни, мы на самом деле оцифровываем человечество и роботизируем органическое существо человека. Цифровизация коммуникации перерастает в дегуманизацию человека, культуры и общества. Технология сделала*

возможным процесс, превращающий культуру сообщества в культуру изоляции. В культуре изоляции деконструируется культурная идентичность личности как фактор культуры общества, и это приводит к кризису идентичности личности и сообщества, где прерывается преемственность воспитанных традиционных культурных ценностей.

Ключевые слова: тенденции глобализации, технология, цифровизация человечества, идентичность, культуры памяти и забвения.

THE IMPACT OF GLOBALIZATION TRENDS MEDIATED BY TECHNOLOGY ON INDIVIDUAL, CULTURAL AND NATIONAL IDENTITY

Borivoe V. Baltezarevich

Doctor of Cultural Sciences,

Institute of Serbian Culture Pristina-Leposavic, Serbia, Researcher

E-mail: baltez;b@yahoo.co.uk

Marina D. Mijatovic

Institute of Serbian Culture Pristina-Leposavic, Serbia,

Researcher - employee

E-mail: marina.mijatovic@gmail.com

Abstract. *Under the influence of globalization trends, the orientation of mass media based on new technologies unites the digitalization of their content, which has both positive and negative effects, to which both individuals and society as a whole are exposed. By digitizing mass media, culture, intrapersonal communication and other aspects of life, we are actually digitizing humanity and robotizing the organic being of man. Digitalization of communication develops into dehumanization of a person, culture and society. Technology has made possible a process that transforms community culture into a culture of isolation. In the culture of isolation, the cultural identity of the individual as a factor of the culture of society is deconstructed, and this leads to a crisis of identity of the individual and the community, where the continuity of educated traditional cultural values is interrupted.*

Key words: *globalization trends, technology, digitalization of humanity, identity, cultures of memory and oblivion.*

«Цивилизационный дискомфорт, возникающий в результате крайней технологизации, способствующей отчуждению от природы в себе и вне себя, от телесности как исходного нексуса, связывающего нас с собой, другими существами, космосом, он находит свое отражение и во все более лихорадочном поиске обновления самобытности и единства тела (чувств) и духа посредством различных альтернативных занятий, таких как акупунктура, восточные навыки, арт-терапия и др. Одновременно с совершенствованием технических средств, протезов, сенсорных усилителей и виртуализации растет жизненная потребность в воссоединении с реальностью, ностальгия по контакту с окружающими и природой» [1, с. 347].

Технология предлагает иллюзию быстрых и простых решений всех недостатков человеческого существования. Но эта иллюзия всегда имеет слишком высокую цену, потому что верная иллюзия близости не то же самое, что реальная близость с риском. Иллюзия дружеского социального общения, контроля и отсроченного потребления — это не то же самое, что дружеские отношения с ответственностью и взаимностью обмена. Технология оцифровала человека, ввергнув его в кризис идентичности и ингибируя механизмы социальной адаптации и общения, сделав восприятие близости и непосредственного общения угрожающими и нежелательными. Возникновение киберкультуры и виртуальной социальной жизни вызвало множество дилемм у ученых и даже у участников этого типа социального взаимодействия. Наши традиционные представления о пространстве, дружбе, любви оспариваются тем, что люди делают в киберпространстве. Является ли это реальностью или совместной галлюцинацией, где находится этот мир, что люди там делают и почему, это некоторые из самых важных вопросов, задаваемых о кибермире [2, с. 1].

Чтобы сохранить культурную самобытность и культурные ценности, как индивидуальные, так и национальные, в контакте с технологиями, мы должны четко определить свои приоритеты и ценности, на которых основана наша личная и социальная идентичность. Большим вызовом является тот факт, что процесс разработки новых технологий идет настолько быстро, что не оставляет места для рефлексии и критического осмысления. Нынешнее состояние зависимости от технологий было объявлено в «Манифесте киборга» Донны Харауэй в середине 1980-х годов: «Тревожно, насколько живы наши машины, в то время как мы становимся пугающе инертными» [3]. Человеческая инерция и соблазнительность технологий становятся еще более тревожными в сфере Интернета,

социальных сетей и виртуальной реальности, поскольку наша сетевая жизнь дает возможность спрятаться от других, в то же время мы взаимосвязаны [4, с. 78] и таким образом мы заменяем реальные отношения и ценности поверхностными отношениями. Новые технологии, сетевое существование и виртуальная реальность приводят к потере ощущения реальности, которое заменяется проекционной действительностью. Теркл Шерри подчеркивает, что в виртуальном пространстве создается ложный образ, который со временем становится нашим реальным исполнением, приводя к деконструкции подлинной личностной и культурной идентичности индивида и социальной общности в физическом мире [4, с. 224] в силу индивидуальной, социальной и культурной диссоциации личности от социальной и культурной идентичности.

Новые технологические изобретения и вытекающие из них медиа стали средством трансформации современной идентичности, потому что вместо реального участия в социальной жизни людям дается суррогат общительности, а культура сообщества трансформируется в культуру изоляции, в которой люди не обращаются к реальным людям, а бестелесным экранам. Мир современных технологий предлагает определенные преимущества и возможности, но при этом меняются приоритеты личности и общества в соответствии с представлением о том, что каждое расширение является одновременно и ампутацией [5].

В культуре изоляции культурная идентичность личности, как фактор культуры общества, «плавает» в виртуальном суррогатном пространстве, не имея возможности опереться на традиционную культуру, из которой она берет свое начало. В симуляции нет дискриминации между хорошим и плохим, потому что выборы внутри нее не имеют последствий для реальной жизни, так что общение становится поверхностным, подверженным влиянию ускоряющегося времени и отсутствию более глубокого анализа и сосредоточенного внимания. Параллельное общество разрывает преемственность личности и группы с возвращенными традиционными культурными ценностями, что приводит к кризису идентичности личности и общности, является введением в их деконструкцию. Человечество хранится в центрах глубокого внимания, поэтому торможение этих центров в мозге приводит к тому, что человек изменяется биологически (исследование пластичности мозга) и вступает в эволюционный регресс. Индивид утрачивает приобретенные цивилизационные и культурные ценности. Преемственность памяти прерывается, без чего культура вступает в деконструкцию [6], где

термин деконструкция рассматривается в буквальном смысле как разложение, разделение, развал, то есть разрушение. Цифровые медиа подразумевают все медиа, которые используют компьютерные технологии в процессе производства, распространения и представления медиаконтента. Средства массовой информации и новые технологии играют решающую роль не только в отказе от традиционной культуры, но и в создании ее цифровой преемницы, некритически принятой грядущими поколениями. Таким образом, средства массовой информации способствуют возникновению и развитию дисконтинуитета культурных ценностей.

Индивид устанавливает отношения со своим окружением и интегрирует культуру данного общества в структуру своей личности. Посредством этого социального взаимодействия индивид из среды берет основу не только своей общительности, но и за точку зрения на самого себя.

Вопрос об идентичности есть вопрос о самой сущности человека. Идентичность обеспечивает ощущение преемственности между прошлым, тем, что было когда-то, что есть сейчас, и тем, кем человек думает, что он будет. Культурная и национальная идентичность указывает на родственные или идентичные культурные элементы, основанные на традиции, которые признаются и передаются через нее, в стремлении определенной группы или сообщества изобрести и установить принципы своей будущей организации. Культура памяти – это общий опыт, который как «историческая память» распространяется на новые поколения и укрепляет самобытность коллектива, придавая ему преемственность во времени и ощущение, что его члены – предки и потомки связаны общей судьбой. Культура памяти содержит паттерны переработки прошлого в обыденном сознании, вытеснении, релятивизации, изобретательстве, планомерном забвении и т. д., представляющие собой индивидуальные и коллективные конструкции, т. е. образы прошлого, которые индивиды и группы создают в определенных ситуациях, чтобы интерпретировать настоящее с помощью прошлого, создать видение будущего, и определить/укрепить собственную идентичность.

Этому понятию следует противопоставить его противоположность, порожденную цифровизацией, — культуру забвения. Цифровое хранение, не ориентированное на долговечность, связано с совершенно новым измерением стирания памяти, что приводит к замене аналоговой информации числовым кодированием компьютеров. Деконструкция личной, национальной и социальной культурной идентичности является следствием «приучения» культуры

к технике, поскольку в процессе делегирования человеческой памяти внешним носителям (HDD, flash, cloud) мы одновременно делегируем и часть собственной гуманности. Виртуальная реальность в антропологическом и социологическом смысле представляет собой техническое средство косвенного производства реальности, устанавливающее полный контроль над человеком и его действиями, что приводит к отчуждению, кризису культурной идентичности и невозможности создания культурных ценностей в функции социальной сплоченности на основе здорового коммуникативного обмена индивид-общество. Следствием ингибции этих процессов является деконструкция и атрофия культурной идентичности и ценностей индивида и общества, поскольку выживание существующих социальных и культурных ценностей и создание новых сталкиваются с симуляцией взаимодействия.

Контекст экзистенциальной незащищенности и прерывистой идентичности в современном обществе препятствует существованию устойчивых жизненных стратегий. Во фрагментированном времени сегодняшний человек не привязан эмоционально к людям и вещам. Сегодняшний социальный и культурный контекст не поощряет откладывание удовлетворения, а, наоборот, продвигает мгновенное удовлетворение как высший «модус вивенди». Сегодняшний потребительский менталитет диктует и требует, чтобы мы хватили все, что можно, прямо сейчас.

«Именно разница между количеством удовлетворения и gratification, требуемой индивидом, и реально реализованной, делает возможным принудительный фактор, препятствующий удовлетворению каким-либо достигнутым положением, но постоянно подталкивающий вперед [7, с. 60], где этот традиционно признаваемый инстинкт постоянного и немедленного удовлетворения иллюстрируется цитатой из Гёте (Johann Wolfgang von Goethe) «Фауста»: «тот инстинкт, который всегда неудержимо толкает вперед». Фрейд указывает, что построение идентичности обусловлено откладыванием удовлетворения в непрерывном процессе движения к недостижимым идеализациям эго и последовательном столкновении с реалиями действительности. Однако сегодня прочная идентичность стала препятствием, поскольку в постмодернистском контексте акцент делается не на построении идентичности, а на избегании фиксации.

Время, в которое мы живем с развитием цифровых медиа, все больше следует за тенденцией «делегирования памяти» (outsourcing) внешним носителям (flash, hdd, sdd, cloud и т. д.) и фактически является ключевым моментом, который, если мы позволим этому

произойти без участия нашего критического сознания и информации о его последствиях, это, безусловно, приблизит нас к роботам, повернув эволюционное развитие человека на эволюционный путь, на котором эмоции, эмпатия и идентичность считаются ненужными. Делегируя свою память, мы на самом деле делегируем часть нашей органической способности к памяти, особенно долговременной памяти, в которой заключена суть того, чем мы являемся как индивиды и как общество, наша индивидуальная и социальная идентичность. Ингибируя идентичность в процессе оцифровки памяти, мы подавляем способность развивать и возвращать ключевые черты, составляющие основные цивилизационные и культурные ценности, унаследованные на протяжении веков. То, что отличает человека от других животных, это наличие абстрактного и критического сознания. Вместо пассивного переживания мы должны понимать, что у нас есть возможность выбора, которая заключается в том, что мы, как сознательные существа, способны выбирать, на что направлять свое внимание, а также как формировать смысл на основе пережитого опыта. Как, наконец, указывает Николас Карр в книге «The Shallows» [6], Интернет и новые технологии создают большую нагрузку на оперативную память, препятствуя концептуализации информации из кратковременной памяти, отвлекая ресурсы, необходимые для стабилизации долгосрочной памяти. Интернет - технология забвения, и используя его как универсальное средство мы больше всего теряем богатство связей в мозгу, потому что эти связи живы и не только представляют доступ к памяти, но и составляют ее. «Когда мы делегируем нашу память машине, мы также делегируем очень важную часть нашего интеллекта или нашей личности.»

Маклюэн [8] понимал, что эта алиенация была неизбежным следствием использования технологий. Он зашел так далеко, что назвал последующий процесс использования технологии термином «самоампутация». Всякий раз, когда мы используем инструмент для управления миром в большей степени, наши отношения с миром и самими собой меняются. Как природа и природные элементы (огонь и вода) сами по себе не являются нашими врагами, то же самое можно сказать и о технике. Однако в дополнение ко всем преимуществам, которые дает технология, необходимо развивать критическое осознание того, что, с другой стороны, теряется в результате нашего принятия ее использования. Решающее значение для нашего выживания как мыслящего вида, эмпатически чувствующего себя и других и осмысленно принадлежащего к сообществу, — это поддержание внутреннего критического отношения, которое

постоянно отслеживает наше использование и подверженность технологиям с присутствующим осознанием их последствий на нас.

Список литературы

1. Milivojević, Tatjana, (2013), Tjelesnost i virtualnost, In *Medias Res*, vol.2(3) (332-349).
2. Hamman, Robin, (1998). One Hour in the eWorld *Hot Tub*: a brief ethnographic project in cyberspace, *Cybersoc | Cybersociology Magazine*, electronic edition.
3. Haraway, Donna, (1985). Manifesto for Cyborgs: science, technology, and socialist feminism in the 80s', *Socialist Review* no. 80: 65-108.
4. Turkle, Sherry, (2008) *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*, Simon & Schuster.
5. McLuhan, Marshall, (1969). *Understanding Media*, The MIT Press; Reprint edition (October 20, 1994).
6. Carr, Nicholas, (2010). *The Shallows*, New York: Norton.
7. Freud, Sigmund, (2013). *Beyond the Pleasure Principle*, The International Psycho-Analytical Press.
8. McLuhan, Marshall, (1969). *Understanding Media*, The MIT Press; Reprint edition (October 20, 1994)

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК И БУДУЩЕЕ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ VS ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Баранецкий А.Н.

Кандидат философских наук

*Государственное автономное образовательное учреждение профессионального образования города Севастополя «Институт развития образования», преподаватель
E-mail: ross60@mail.ru*

Аннотация. *Сущность глобальных процессов – это смена архетипов мироотношения. Диагноз глобальной геополитической ситуации: архетип мироотношения рабовладельческого качества уступает архетипу мироотношения феодально – средневекового. Переход к модернизированному феодально-средневековому миру – самый существенный политический процесс. Термин*

«политтехнологии» получил негативную окраску. Знания о социуме использовать для разрушения социума не запрещено. Социальные знания превратились в оружие. Новая информационная война стала психоделической. Она идёт по законам эстетики и подменяет прекрасное, возвышенное низменным и безобразным так, чтобы новое поколение привыкло к профанации наук и искусств, всей культуры, не видело связи эстетики с истинностью, этикой и моралью. Сущность субъекта, сеющего социальное зло: это синтез двух влюблённостей: в имидж своей «нации» и влюблённость в имидж лично самого себя. Это нацистская нарциссо-кратия: власть самовлюблённых. Но опыт педагогов, психологов и социологов XX века даёт шанс спасти общество от катастрофы.

Ключевые слова: *власть нацистской нарциссо-кратии; социологическое оружие; психоделическая война; эстетика как оружие; архетипы мироотношения, русофобия*

THE NEW WORLD ORDER AND THE FUTURE OF THE POLYCENTRIC WORLD: POLITICAL TECHNOLOGIES VS POLITICAL PROCESSES

Baranetsky A. N.

*Teacher of the 1st category, Candidate of Philosophical Sciences
The State autonomous educational institution of professional
education of the city of Sevastopol "Institute of Education Development".
E-mail: ross60@mail.ru*

Abstract. *The essence of global processes is the change of the archetypes of the world attitude. Diagnosis of the global geopolitical situation: the archetype of the slaveholding quality of the world relation is inferior to the archetype of the feudal –medieval world relation. The transition to a modernized feudal-medieval world is the most significant political process. The term "political technologies" has received a negative connotation. It is not forbidden to use knowledge about society to destroy society. Social knowledge has become a weapon. The new information war has become psychedelic. It follows the laws of aesthetics and replaces the beautiful, the sublime with the base and ugly so that the new generation gets used to the profanation of sciences and arts, the whole culture, does not see the connection of aesthetics with truth, ethics and morality. The essence of the subject sowing social evil: it is a synthesis of two infatuations: in the image of his "nation" and in love with the image of*

himself personally. This is Nazi narcissism: the power of narcissists. But the experience of teachers, psychologists and sociologists of the twentieth century gives a chance to save society from disaster.

Keywords: *the power of Nazi narcissism; sociological weapons; psychedelic war; aesthetics as a weapon; archetypes of world relations, Russophobia.*

Для контекста всех идей доклада предлагается понимание места идеи так называемого «линейного» прогресса в представлениях о развитии человечества, его истории. В СМИ по умолчанию Западу делают имидж «прогрессивного». Но в докладах на Харакском форуме я уже выступал с утверждением о том, что фальстарт — это не прогресс. Запад Европы вне истории и над историей не может находиться. Цикл подъёма меняет цикл спада.

Миропорядок таков, что на оружие мир тратит больше средств, чем на детей.

Термин «политтехнологии» получил негативную окраску. Проф. Вассоевич А.Л. описывает, как знания об обществе используются для уничтожения общества. Взрыв дезинформацией международного информационного контекста «заставит человечество оценить... ситуацию с точностью до наоборот» [1, с. 49].

Оружие холодное — это механика. Физический и химический уровни сложности реальности привели к гонке вооружений в XX в. Это привело к запрету химического и «бак» оружия. Опаснее бактериологического оружия — вмешательство в социум, в духовный мир.

Но знания о социуме использовать для разрушения социума не запрещено. Знания медицины и фармакологии использовать для убийства или принесения болезней в судьбы народов — проще и дешевле, чем лечить. Так и социология с психологией и педагогикой дешевле и проще используются для социального взрыва, для распространения психозов, раздражения, навязчивых неврозов. Срез одностороннего воспитания даёт в работе «Диалектика эстетического процесса» Канарский А.С.: «да, это подло, низко, безобразно, преступно. Но для зловещих замыслов уничтожения культуры и цивилизации — очень эффективно, практично, дешево, разрушительно [2, с.139]. Анти-педагоги внушают детям идею нигилистов: «Что сгнило — должно умереть» [3, с.176]. Удерживать эту ситуацию старые педагоги смогут не более 15 лет, поколение вымирает [3, с.177]. Это грозит «тотальным уничтожением человека, общества, культуры» [4, с. 92].

Как появился субъект, сеющий зло? Это синтез двух влюблённостей: влюблённость в очаровательный **имидж** своей «нации» и влюблённость в очаровательный **имидж** лично самого себя восхитительного. В СМИ очень редко напоминают о законе истории: любая форма духовной жизни сначала рождалась внутри духовного мира племени, только потом в личном духовном мире. Самовлюблённость целой нации накладывается на самовлюблённость личную, у тех, кого купают в лучах славы: президенты и госсекретари США, президенты и министры Польши, Украины. И под их «идеал», под их покровительство готовят тысячи будущих лидеров и менеджеров для власти над покорёнными народами.

А кто не в восторге — сам безобразен!

Контент и принцип их дискурса: всё, что о России и русских сказано безобразного и низкого, преподносить как правду-истину, а если некий позитив про Россию и русских мелькнул — это клеймить как ложь, вымыслы, фейки, пропагандистское фразёрство.

Чёткая технологичная однозначность не нуждается в связях с реальностью.

Любые потоки информации наполняются только той идеей, что «Карфаген должен быть разрушен» и служат только этой идее.

А страна — вассал должна управляться людьми с «комплексом Санчо-Пансы», это почти не требует денег. Чтобы людей бесплатно заполучить в число верноподданных вассалов — надо применить приём Дон-Кихота: он пообещал Санчо Пансе, что назначит его губернатором завоёванного острова.

В соответствии с этой мечтой — прямо по украинской поговорке — «обещание — обещанием, а дураку радость...» за 20 - 25 лет в каждом городе Украины появилась совсем не слабая прослойка государственных чиновников и будущих лидеров политических проектов, которым по секрету обещано, что они займут очень высокие государственные должности и в Ялте, и в Симферополе, и в Феодосии, и в Евпатории. Для тех, кто амбициозен — их американцы сделают мэрами Москвы и Петербурга, Сочи ...

Это же не просто Санчо Панса. Это уже целая тайная фабрика скрытых будущих градоначальников. Если в 100 городах по 100 мечтателей, то это 10 000.

Но в любом городе около 50 должностей привлекательны. Поэтому умножаем 10 000 на 50 и получаем в одной только Украине до 500 000 «клонов» Санчо Пансы.

Никто не помешает и внутри России заполучить столько же мечтателей занять чужие должности внутри самой же России. В Белоруссии им работать труднее, но процессы идут.

А чем занимаются тысячи работников посольства США в Армении, в Казахстане?

Они готовят правящую элиту для России из граждан Армении и Казахстана.

И все эти армии живут мечтой о распаде России.

И в одном пункте эти тинейджеры дадут фору почти всем мудрым лидерам России: они гораздо моложе, они всех мудрых перезирут. И они знают это.

И ждут если не победы, то просто смерти.

Автор этих строк сам наблюдал работу их социологов. Кое кто уже граждане США, влюблённые в США, были выпускниками вузов России, что примечательно. Дети «советских людей». И в самовлюблённости этим социологам тоже не откажешь. И они охотно идут – при наличии гражданства – в движение «Лидеры России», рисуются как патриоты, кто-то там им составит протекже. Так что перед нами не просто «нацизм».

Перед нами уже его новая форма – *нацистская нарциссократия*.

Американско-польско-украинское сообщество гламурных нацистов.

Готовится казахский, армянский и белорусский легионы. Прямо в Вузах и готовят.

Интернационал транс-гуманистов во плоти. Для «безобидного» имиджа трансгуманизм прикрывается гомосексуализмом и разнузданным развратом, но, в сущности, это новая редакция РАСИЗМА. И она менее уязвима перед критикой биологов. Они не «готовая» раса, они добьются права на генную инженерию и создадут из себя эту расу: «...монстры очаровывают» - говорят авторы работы о срастании нарциссизма, гламура и власти [5, с. 201].

Если идеологическая или информационная война требует прицеливаться и бить без промаха, то термин «руссофобия» вынуждает нас хронически бить мимо цели.

«Фобия» это – страх. Но огромное количество беспардонных наглых и циничных высказываний западных или прозападных политиков даже тени страха не содержат. Их фразы и позы говорят о высокомерном омерзении, о запредельном отвращении. И даже студенты отечественных университетов о себе лично более высокого мнения, чем о министрах.

Плоскость психоделической войны начинается внутри эстетики и завершается там же, а научность, доводы, аргументы – отбрасываются с отвращением.

Есть трагикомедия «Не смотри вверх». Сущность инфантильных бюрократов США там обличили сами же американцы. (В главных ролях Леонардо Ди Каприо, Мерил Стрип).

Архетип мироотношения вождизма в истории уступает место архетипу мироотношения рабовладельцев. И модернизированное рабовладение сумел создать политический класс США. Атрибут этого порядка – монополия на любые права и на распределение прав. В таком контексте любой вождизм – архаичен и обречён. Поэтому и вожди СССР были обречены. Диагностика миропорядка для текущего момента – это переход от архетипов мироотношения экзистенциальных рабовладельцев в духе «пакс американа» к ступенному, но неуклонному распространению архетипов мироотношения феодально – средневекового качества. Это основной и самый существенный политический процесс.

Во всех типах войн рано или поздно профессионалы сумеют победить разнообразных «ремесленников» своего дела. Без профессионализма полицентричный мир не состоится.

Будущее Средневековье требует новой плановости экономики.

Любые технологии – это итог внедрения научных открытий или даже отдельных идей в профессиональную практику. Профессионализм финансиста в том, чтобы вкладывать ресурсы для роста темпов развития экономики. Так как мировая экономика уходит в минус – значит у её руля не профессионалы, а профильные финансовые бюрократы. Конечно, деградация мировой финансовой элиты тоже закономерна и тоже отражает абстрактность и безжизненность схем «линейного» прогресса. И технологии экономического прогресса зависят от общего архетипа мироотношения этого субъекта всемирной истории, как и выбор новой религии, сохранение традиционной религии.

Новая эпоха потребует создавать законы о кадровых технологиях. Для этого субъект истории создаёт особую систему наук об изучении людей. В XX веке в истории отечественной педагогики и психологии были совершены сотни гениальных открытий об изучении детей и развитии их задатков. Созданы десятки методик поддержки и воспитания творческих способностей будущего поколения. Но даже политики и сами учителя перестают их читать!

Рано или поздно профессионалы в педагогике, психологии и социологии снова вырастят миллионы умных, добрых и честных граждан своей страны.

Будет ли это после большой геополитической катастрофы или же благодаря педагогам, социологам и психологам не все цивилизации планеты рухнут в катастрофические провалы – это покажет время.

Объективно говоря, феодализм существенно более прогрессивная формация, чем рабовладение, хотя в СМИ опять «впечатления», «имидж» заслоняют сущность. И кошмар рабства заслоняют образами античных шедевров, а имидж феодализма принижают через образ мрачного периода. Действительно же на планете Земля в Средние Века расцвели десятки новых культур, сотни народов создали свои государства.

В том числе и Русь.

Алгоритмы и формы Средних веков, архетипы мироотношения феодальной эпохи органичны для Руси. Это позволяет предположить, что у Руси есть много беспрецедентных возможностей избежать участи античных цивилизаций, не проваливаться в водоворот их кризисов и мутаций от потери самобытности до полного краха.

Список литературы

1. Вассоевич А.Л. Политтехнологии, которые потрясли мир // Очень УМ. 2005. №6. С 48-56.
2. Канарский А.С. Диалектика эстетического процесса. - Киев.: Издательство при КГУ изд.объединения «Вища школа», 1979. - 216 с.
3. Четверикова О.Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. – М.: Книжный мир, 2018. – 384 с.
4. Булавка-Бузгалина Л.А. Культура как потенциал модернизации // Философские науки. 2017. № 11. С 90-95.
5. Маклаков А.О., Шевченко А.К. Непристойные наслаждения. - Киев.: СПД Моляр С.В., 2010. - 412 с.

ПРОЕКТЫ ПОЛИТИКО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Баранов А.В.

Доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
заведующий кафедрой политологии и политического управления
E-mail: baranovandrew@mail.ru*

Аннотация. *Статья посвящена сравнительному анализу проектов политико-территориального переустройства Украины в 2004–2022 гг., выдвигаемых сторонниками децентрализации, федерализации или распада страны. Методологической основой работы выбрана концепция глубоко расколотых обществ, модель социокультурных размежеваний С.М. Липсета – С. Роккана. Выявляется историческая и идентификационная аргументация создания новых государственных образований на постукраинском пространстве. Определены факторы идейно-политической поляризации регионов Украины в контексте геополитического давления акторов мировой политики и формирования нового мирового порядка. Прогнозируются варианты политического развития Донецкой и Луганской Народных Республик вследствие их признания Российской Федерацией и начала специальной военной операции по денацификации Украины. Оцениваются возможности обретения государственного статуса рядом областей Юга и Востока Украины. Сделан вывод о слабости потенциала сохранения унитарной Украины при варианте её денацификации.*

Ключевые слова: *политико-территориальное переустройство, проекты, Украина, новый мировой порядок.*

PROJECTS OF POLITICAL AND TERRITORIAL REORGANIZATION OF UKRAINE IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A NEW WORLD ORDER

Baranov A.V.

D.Sc. (Politics), D.Sc. (History), professor.

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kuban State University”, Head of the Department of Political Science and
Political Management*

Abstract. *The article is devoted to a comparative analysis of projects for the political and territorial reorganization of Ukraine in 2004–2022, put forward by supporters of decentralization, federalization or the collapse of the country. The methodological basis of the work is the concept of deeply divided societies, the model of sociocultural divisions by S.M. Lipset – S. Rokkan. The historical and identification arguments for the creation of new state formations in the post-Ukrainian space are revealed. The factors of the ideological and political polarization of the Ukrainian regions in the context of the geopolitical pressure of the world politics' actors and the formation of a new world order are determined. Options for the political development of the Donetsk and Luhansk People's Republics are predicted as a result of their recognition by the Russian Federation and the start of a special military operation to denazify Ukraine. The possibilities of acquiring state status by a number of regions of the Southern and Eastern Ukraine are assessed. The conclusion is made about the weakness of the potential for preserving a unitary Ukraine with the option of its denazification.*

Key words: *political and territorial reorganization, projects, Ukraine, new world order.*

Актуальность темы вызвана тенденциями 2014–2022 гг. Растёт актуальность альтернативных проектов политико-территориального переустройства пространства, являющегося лимитрофным в отношении России. Наряду с прикладными мотивами, исследование имеет и теоретическое значение. Случай Украины важен для развития концепций многосоставного общества (по А. Лейпхарту [1]) и теории глубоко разделённого общества (А. Гелке [2], А. Маккалох [3]).

Тема статьи исследована недостаточно. Внимание к политизации социокультурных размежеваний на Украине возросло в начале 2000-х гг. вследствие роста этнократии. Можно упомянуть монографию А.В. Мальгина [4], аргументы которой получили развитие в коллективном исследовании В.Е. Григорьянца, С.С. Жильцова, А.В. Ишина и А.В. Мальгина [5]. Накануне «евромайданного» переворота новые проявления дезинтеграции Украины выявлены коллективом под руководством М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго [6]. Глубокая разнородность политического пространства, альтернативность векторов развития его сегментов признавалась и сторонниками сохранения «соборной» Украины (М.С. Днистрянским [7], О.В. Кривицкой [8]). После государственного переворота ряд исследователей (А.В. Марчуков [9], О.Б. Неменский [10], А.В. Баранов [11]) аргументировал начало нациестроительства и

государствообразования в Новороссии. Но подавление Русской весны в большинстве регионов и переход конфликта в Донбассе в позиционную фазу весной 2015 г. ослабили внимание к теме.

Методологической основой работы выбрана концепция глубоко расколотых обществ [2; 3], модель социокультурных размежеваний С.М. Липсета – С. Роккана [12].

Проекты политико-территориального переустройства Украины за 2004–2022 гг. выдвигаются сторонниками децентрализации, федерализации или распада страны. Аргументация создания новых государственных образований на постукраинском пространстве чаще всего опирается на исторические и идентификационные аргументы. Популярно упоминание краткости существования Украинского государства, молодости его границ. Отмечается длительная принадлежность Запада Украины Польше, Закарпатья – Венгрии, Северной Буковины и Буджака – Румынии, Северной земли и Новороссии – Российскому государству [13]. Исследователи указывают на слабость украинской национальной идентичности, особенно – в южных и восточных областях страны. Это подтверждается анкетными опросами, проведёнными Киевским международным институтом социологии и Украинским центром экономических и политических исследований имени А. Разумкова. Так, в мае 2020 г. треть опрошенных жителей Украины сожалела о распаде СССР [14]. Центр Разумкова в опросе 2016 г. выявил, что гордятся Украиной и поддерживал её независимость 70% респондентов; считали украинский язык родным 60%; поддерживали статус украинского языка как единственного официального 56%. Необходимость знания всеми гражданами страны украинского языка одобряли от 86% жителей Запада до 59% жителей оккупированных Украиной местностей ДНР и ЛНР. Центр Разумкова вынужден признать, что негативное отношение к украинскому национализму преобладало на Юге страны, а в местностях Донбасса негативное отношение проявили 32% [15]. Исследования использования языков жителями Украины в социальных сетях, электронной почте и бытовом общении подтверждали примерное равенство говорящих на русском и украинском языках (по 45%) [16]. Массированная пропаганда и запрет преподавания русского языка привели к росту использования украинского языка до 55%, а признания его родным до 70% (опрос Центра Разумкова, 2018 г.) [17].

Факторы идейно-политической поляризации регионов Украины долгосрочны. В их числе – геополитическое давление стран Запада, экономическое тяготение регионов к зарубежным центрам влияния,

историческая память региональных сообществ, контрастный этнический и языковой состав населения, наличие влиятельных субнациональных элит. Выборы 1990–2012 гг. подтверждали устойчивый раскол между Западом и Центром Украины, с одной стороны, и Югом и Востоком – с другой [18]. Даже в условиях этноцентрического режима выборы подтверждали раскол. Но вследствие более чем 8 лет нацистского правления сообщества Юга и Востока страны испытали жёсткие репрессии, и надеяться на возрождение их требований федерализации без освобождения Вооружёнными Силами РФ нельзя.

Варианты развития ДНР и ЛНР в период их признания Российской Федерацией и начала специальной военной операции по денацификации Украины кардинально изменились. Выбор – между статусом независимых государств в союзе с РФ, интеграцией в состав РФ и возвращением в состав денацифицированной Украины. Судя по итогам анкетных опросов в Донбассе, предпочтителен второй вариант. Так, опрос 2019 г. Украинского института будущего, киевского издания «Зеркало недели» и компании «Нью имидж маркетинг групп» дал 64% сторонников включения в состав РФ, 18% - возвращения в состав Украины и 17% - статуса независимых государств [19].

СВО на Украине привела к освобождению большей части Донбасса, Херсонской и Запорожской областей, части Харьковской области. Остро встал вопрос о будущем статусе регионов. 28 февраля 2022 г. опубликован манифест об образовании нового государства – Федеративной Республики Украина путём добровольного договора регионов, которые этого пожелают [20]. Но инициатива не получила развития, и на наш взгляд, зря, поскольку с киевским режимом переговоры могут вестись об одном – о капитуляции Украины и её денацификации. Другая перспектива – провозглашение в освобождённых регионах независимых республик с их последующим добровольным вхождением в состав РФ либо независимым развитием в виде пророссийских государств. Такой сценарий подтверждается введением рубля в Херсонской области и отставкой проукраинских губернаторов и мэров, вывешиванием российских флагов. В Херсонской и Запорожской областях созданы военно-гражданские администрации [21]. Представляет интерес и будущее западных регионов Украины, не имеющих историко-культурного и политического тяготения к России. Российские публицисты высказывают три мнения о будущем этих областей. Либо они будут оккупированы своими бывшими владельцами (Польшей, Венгрией и Румынией), либо составят территорию «остаточной»

националистической Украины после завершения военных действий компромиссом между РФ и Западом, либо будут денацифицированы вместе с остальными частями Украины [22]. При любой военной возможности предпочтителен вариант освобождения всей Украины и создания жёсткой линии разграничения РФ – НАТО по нынешней западной границе Украины. В противном случае вероятно втягивание «остаточной» Украины в НАТО.

Итак, успешная денацификация Украины должна привести к её радикальной децентрализации. Предпочтителен путь федерализации освобождённых территорий с провозглашением в них ряда ориентированных на Россию политических образований и последующая «перезагрузка» постукраинского пространства. Медлить с этим нельзя, нынешний киевский режим не должен признаваться легитимным с точки зрения российских интересов.

Список литературы

1. Лейпхарт А. Демократия в многообразных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. 286 с.
2. Guelke A. Politics in Deeply Divided Societies. Cambridge: Polity Press, 2012. 172 p.
3. McCulloch A. Power-Sharing and Political Stability in Deeply Divided Societies. Hoboken: Taylor and Francis, 2014. 188 p.
4. Мальгин А.В. Украина: Соборность и регионализм. Симферополь: СОНАТ, 2005. 280 с.
5. Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. М.: Восток – Запад, 2011. 228 с.
6. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. М.: Весь мир, 2013. 400 с.
7. Днистрянский М.С. Политико-административное устройство Украины (географические проблемы формирования и совершенствования): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Львов, 1995. 27 с.
8. Кривицька О.В. Демаркаційні лінії в етнополітичному просторі України. Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2015. 328 с.

9. Марчуков А.В. Новороссия: формирование национальных идентичностей (XVIII – XX вв.). М.: Кучково поле, 2018. 510, 1 с.
10. Неменский О.Б. Эволюция русской и украинской идентичности на Украине после Евромайдана // [Вопросы национализма](#). 2015. № 4(24). С. 26-34.
11. Баранов А.В. Политическая идентичность Новороссии: состояние и ресурсы конструирования // [Каспийский регион: политика, экономика, культура](#). Астрахань, 2015. № 2(43). С. 98-106.
12. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction // S.M. Lipset, S. Rokkan (eds.). Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. New York: Free Press, 1967. P. 1–67.
13. История Новороссии / отв. ред. В.Н. Захаров. СПб.; М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 863 с., 16 л.
14. Каждый третий украинец жалеет, что Советский Союз распался – соцопрос. URL: <https://rusvesna.su/news/1592820824>
15. Козлюк С. Центр Разумкова представил результаты исследования «Идентичность граждан», связанного с самоопределением украинцев. URL: <https://ru.exrus.eu/Tsentr-Razumkova-predstavil-rezultaty-issledovaniya-Identichnost-grazhda-id5788b25cae2015ba197c7620/main>
16. Petro N.N., Cohen J. Ukraine's Government Is Failing to Unite Ukrainians. URL: <http://nationalinterest.org/feature/ukraines-government-failing-unite-ukrainians-20915?page=show>
17. Дранник А. Украинцам готовят новые правила языка // Вести. 2018. 23 авг.
18. Выборы народных депутатов Украины 2012. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2012/wp001>
19. Чернышёв Е. Две трети населения ДНР и ЛНР хотят воссоединения с Россией, показал украинский опрос. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2019/11/09/22557707/>
20. Маржецкий С. Военная операция на Украине: Работа над первыми ошибками. URL: <https://topcor.ru/24281-voennaja-operacija-na-ukraine-rabota-nad-pervymi-oshibkami.html>

21. Марков С. О Херсонской Народной Республике. URL: <https://rusvesna.su/news/1650127284>
22. Кирпичёв В. Надо ли Львовскую волость «отдавать» Польше? URL: <https://rusvesna.su/news/1649706052>

**СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ: «ФИЗИЧЕСКОЕ ВЫЖИВАНИЕ – ЭТО
ИМПЕРАТИВ, ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ – РОСКОШЬ»**

Баранов Н.А.

Доктор политических наук

*Северо-Западный институт управления РАНХиГС, профессор
кафедры международных отношений*

E-mail: nicbar@mail.ru

***Аннотация.** В связи с кардинальными переменами в современном мире происходит переосмысление приоритетов общественного развития. Стратегический вектор развития смещается в сторону физического выживания и безопасности, все больше игнорируя демократические и либеральные ценности. В эпоху неопределенности все чаще возникают аномальные события, выходящие за пределы привычного понимания происходящего. Нервная реакция на такие события свидетельствует о неспособности человечества эффективно реагировать на существующие угрозы. Рост влияния западных стран снижает роль идеологизированной повестки, заменяя ее на наиболее востребованные форматы взаимоотношений. Таким образом, парадигма общественного развития становится более рациональной.*

***Ключевые слова:** либеральные ценности, западные страны, «нервные государства», «черные лебеди», эмоциональная политика.*

**STRATEGIC VECTOR OF SOCIAL DEVELOPMENT:
"PHYSICAL SURVIVAL IS AN IMPERATIVE, EVERYTHING
ELSE IS A LUXURY"**

Baranov N.A.

*North-Western Institute of Management RANEPА, Professor of the
Department of International Relations*

Abstract. *In connection with cardinal changes in the modern world, there is a rethinking of the priorities of social development. The strategic vector of development is shifting towards physical survival and security, increasingly ignoring democratic and liberal values. In an era of uncertainty, anomalous events are increasingly occurring that go beyond the usual understanding of what is happening. The nervous reaction to such events testifies to the inability of mankind to effectively respond to existing threats. The growing influence of non-Western countries reduces the role of the ideological agenda, replacing it with the most popular formats of relationships. Thus, the paradigm of social development becomes more rational.*

Keywords: *liberal values, non-Western countries, "nervous states", "black swans", emotional politics.*

Наступившее тысячелетие отличает непредсказуемость и неопределенность мирового общественного развития, выражающееся в достаточно частом появлении, по выражению Нассима Талеба, «черных лебедей» - аномальных событий с огромной силой воздействия на мировые процессы [1, с. 14]. Одно из таких событий – пандемия COVID-19 – продемонстрировало приоритеты человеческого развития, которые ярко выразил Адам Шеворский: «Физическое выживание – это императив, все остальное – роскошь» [2]. Западный мир на фоне неопределенности отказывается от либеральных ценностей: свободы печати и распространения информации, от поддержки этнических меньшинств, вводя тотальные запреты в либеральных демократических странах, не решающие проблемы борьбы с пандемией или противостояния терроризму. Пандемия ослабила либеральный исторический оптимизм, подорвала легитимность различных политических режимов. На международной арене торжествует технология постправды, результатом которой стало создание международного общественного мнения определенной направленности и боязнь высказать собственную позицию из-за обвинения в подрыве единства западного, либерального, арабского и т. д. мира. Уильям Дэвис полагает, что миром стали править эмоции, поэтому появились «нервные государства». В сложившейся ситуации необходимо выработать новый международный консенсус относительно приоритетов общественного развития, возвратив политику в рациональное начало.

В сложившихся условиях общественное развитие определяется следующими факторами.

1) Кризис демократии в эпоху пандемии.

Профессор Нью-Йоркского университета Адам Шеворский, характеризуя начало периода борьбы с ковидом, пишет о том, что западные общества готовы отказаться, по крайней мере на время, от демократии [2].

Как заметил английский политолог и историк Дэвид Рансиман, демократии находятся в трудном положении и им предстоит трудный выбор. Демократии редко действовали на упреждение, обычно они доводили ситуацию до отсутствия выбора, а затем приспосабливались к сложившимся условиям. Поэтому демократические страны в случаях, подобных пандемии, всегда будут запаздывать [3].

Пандемия сделала очевидным кризис западного общества и его либерально-демократической глобализации, показала обесценивание его идеологии, декларативность прав и свобод. Фрэнсис Фукуяма пишет о широком распространении феномена «нелиберальных демократий», о которых писал в начале века Фарид Закария [4], применительно, в том числе, к европейским и западным странам: легально избранные лидеры стран - Виктор Орбан, Ярослав Качиньский, Жаир Болсанару, Реджеп Тайип Эрдоган и Дональд Трамп – использовали и используют свои избирательные мандаты для атаки на либеральные институты, к которым относятся суды и система правосудия, беспартийная государственная бюрократия, независимые СМИ и другие органы, ограничивающие исполнительную власть системой сдержек и противовесов. «Если у вас есть только демократия, считает Ф. Фукуяма, - она имеет тенденцию разрушать либерализм, а затем это имеет тенденцию разрушать саму демократию» [5].

Кризис либеральных ценностей.

Анатоль Ливен, профессор Джорджтаунского университета в Катаре, утверждает, что пандемия коронавируса ослабила либеральный оптимизм, подорвала легитимность различных политических режимов, способствовала созданию культурной и психологической основы для экстремизма [6]. Более жестко вопрос о состоятельности западного общества ставит российский политолог, профессор Йельского университета (США) Борис Капустин. Он утверждает, что пандемия коронавируса показала глобальную капиталистическую цивилизацию как фантастический блеф. «Наиболее зримо, – пишет он, – характер нашей цивилизации как блефа обнаружился на уровне ее “ценностей” и “нормативных

оснований”. “Единство Европы”, “атлантическая солидарность”, “общие ценности”, “гуманизм” и всё прочее в этом духе оказались жалкими фальшивками на фоне животного эгоистического страха каждого отдельного национального образования за свое сепаратное выживание» [7].

В западном мире происходит массовый отказ от либеральных ценностей:

– Отказ от свободы печати и распространения информации. Препятствия в деятельности российских каналов RT и Sputnik, а также запрет российских телевизионных каналов в ближнем зарубежье получили зеркальный ответ в российском информационном пространстве в виде ограничения деятельности СМИ ряда стран;

– Отказ от поддержки этнических меньшинств (в Украине – венгры, русские, поляки; в Латвии и Эстонии – русские; в Косово - сербы);

– Двойные стандарты в предоставлении независимости народам – право народов на самоопределение (Косово, Абхазия, Южная Осетия, Палестина, Курдистан и др.). Возникает вопрос: кто определяет – кому можно создавать собственную государственность путем выхода из состава государства, а кому нельзя, и какие механизмы являются легальными и легитимными? Запад предпочитает оставить такое право за собой, Россия предлагала данный вопрос решать в рамках Совбеза ООН;

– Тотальные запреты в эпоху пандемии, которые практически не влияют на распространение заболевания (Израиль, Япония, Франция). В то же время опыт Швеции и Белоруссии показал, что акцент на личную ответственность граждан при минимальных ограничениях приносит положительные результаты и является менее обременительным как для граждан, так и для государства.

Автор концепции «конца истории» и победы либерализма Фрэнсис Фукуяма в 2022 году опубликовал книгу под названием «Либерализм и его беды», в которой пишет, что «либерализм сегодня находится под серьезной угрозой во всем мире» [8, р. VII]. Такое признание от классика либеральной мысли свидетельствует о серьезных проблемах либеральной идеологии.

2) Эмоциональная политика.

Влияние на формирование мировой повестки оказывают как сложно предсказуемые события, так и представления, складывающиеся под настойчивым влиянием ведущих стран Запада: создание международного общественного мнения определенной направленности вокруг значимых событий; боязнь высказать

собственную позицию из-за обвинения в подрыве единства (западного, либерального, арабского); односторонний взгляд на специальную военную операцию России на Украине, на миграционные процессы и их причины.

Можно согласиться с точкой зрения английского социолога Уильяма Дэвиса, который в своей книге «Нервные государства» написал: «Чувства становятся источником информации, своего рода маяком... В условиях отсутствия фактов, пользующихся общим согласием, каждой из сторон приходится полагаться на сочетание собственных сведений и инстинктов» [9, с. 190]. Причем желание направлять эмоции и человеческие инстинкты в политических целях определяется, скорее враждой, чем желанием мира.

3) Влияние социальных сетей.

Роль социальных сетей и мессенджеров в коммуникационном пространстве велика: они в значительной степени создают тренды современного общества, правила, которых вынуждены придерживаться люди – участники коммуникации. Запрет для одних участников социальных сетей на экстремистские с точки зрения их владельцев высказывания и разрешение для других, придерживающихся определенных взглядов, точно таких же экстремистских высказываний, но направленных против идеологических противников и конкурентов, как это произошло с Фейсбуком – это реалии наших дней. IT-компании становятся монополистами в создании определенных правил игры в огромном коммуникационном поле, влияющем на формирование мнения больших масс людей.

4) Незападное восприятие мира.

В условиях доминирования Запада в странах, не согласных с западно-центричным миром, появляются представления о развитии по незападному сценарию. Альтернативой западному пониманию мира служит Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии, принятое 4 февраля 2022 года и подписанное руководителями двух стран. Стороны, в частности, выступают против вмешательства внешних сил в свои внутренние дела, отмечают ключевую роль ООН и его Совета Безопасности в решении современных мировых проблем, поддерживают углубление стратегического партнерства в рамках БРИКС, содействуют расширению сотрудничества по трем основным направлениям: политика и безопасность, экономика и финансы, гуманитарные обмены; нацелены на дальнейшее повышение роли

ШОС в формировании полицентричного миропорядка, намерены развивать сотрудничество в рамках формата «Россия – Индия – Китай» [10].

Среди других проблем, влияющих на общественное развитие, отмечаются следующие: сокращение рождаемости на планете, развитие искусственного интеллекта, рост религиозного экстремизма, несправедливость, неравенство, недоверие, расизм и дискриминация. Заявляя о приоритетах в деятельности Генерального секретаря ООН на 2022 год Антониу Гутерриш акцентировал внимание на утрате доверия людей к институтам, которые также теряют веру в ценности, лежащие в их основе [11].

Таким образом, мы наблюдаем кардинальные изменения в мире, связанные с реакцией на аномальные события, неспособностью человечества эффективно противостоять существующим угрозам, нежеланием договариваться друг с другом, попытками продвигать идеологизированные проекты, с которыми не согласна существенная часть современных государств. Становление нового мирового порядка, рост влияния незападных стран на мирополитические процессы, неспособность стран западной цивилизации предложить миру жизнеутверждающую не идеологизированную повестку определяет стратегический вектор развития человечества, в основе которого лежит способность к выживанию и эффективному решению вызовов и угроз в глобальном мире.

Список литературы

1. Талей Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2-е изд., доп. / Пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 736 с.
2. Пшеворский А. Физическое выживание – императив, все остальное – роскошь // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/fizicheskoe-vyzhivanie-imperativ/> (дата обращения: 20.04.2022).
3. Runciman David. Coronavirus has not suspended politics – it has revealed the nature of power // The Guardian. March 27 2020. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/27/coronavirus-politics-lockdown-hobbes> (дата обращения: 20.04.2022).
4. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2004. 383 с.

5. Francis Fukuyama on Ukraine, liberalism and identity politics. ‘Vladimir Putin is going to be remembered as one of the fathers of the Ukrainian nation’ // The Spectator. 21.03.2022. <https://www.spectator.co.uk/article/francis-fukuyama-on-liberalism-ukraine-and-identity-politics> (дата обращения: 20.04.2022).
6. Ливен А. Коронавирус как зеркало: что мы видим? // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/korona-zerkalo-obshhestva/> (дата обращения: 20.04.2022).
7. Капустин Б. Цивилизация блефа // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/civilizaciya-blefa/> (дата обращения: 20.04.2022).
8. Fukuyama F. Liberalism and Its Discontents. London, Profile Books Ltd. 2022. 171 p.
9. Дэвис У. Нервные государства [пер. с англ. Д. Лебедева]. Москва: Издательство АСТ, 2021. 352 с.
10. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Официальный сайт Президента России. 04.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 25.04.2022).
11. Гутерриш А. Вступительное слово Генерального секретаря для обсуждения его приоритетов на 2022 год // Официальный сайт ООН. 21.01.2022. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2022-01-21/opening-remarks-press-his-priorities-for-2022> (дата обращения: 20.04.2022).

ПАНДЕМИЯ КОВИД: НОВЕЙШИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА И ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Буркова Е.И.

Кандидат политических наук

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова, Российская Академия Наук, с.н.с.

e-mail: lenchen007@rambler.ru

Аннотация. Доклад посвящен реакции мира политического на пандемию КОВИД (ПКОВИД), которая предстает как глобальная проблема. Рассмотрен политический ответ государства на вызов ПКОВИД, уяснено, как он трансформирует нынешний миропорядок. Цели работы: выявить направление политических изменений под действием пандемии, уяснить факторы успешного ее преодоления некоторыми странами, суть необходимой реформы принятия решений. Рассмотрены вопросы эффективности государственного управления в противостоянии ПКОВИД, соотношения политических ценностей и целей в ПКОВИД политике в разных политических системах, своеобразие процесса политики, выявившееся в пандемию, и институтов миропорядка. В связи с трансформациями миропорядка затронута тема глобального неравенства. Рассмотрен прогресс государств в борьбе с ПКОВИД, дается оценка места России в процессе. Подведены первые политические итоги и уроки пандемии. В заключении - о политических возможностях, открытых на этапе завершения пандемии, ее последствиях для наций и государств.

Ключевые слова: пандемия, миропорядок, политическое развитие, патология развития, модели принятия политических решений, потенциал государства.

THE COVID PANDEMIC: THE LATEST TRANSFORMATIONS OF THE WORLD ORDER AND FACTORS OF POLITICAL DEVELOPMENT

Burkova E.I.

E.M. Primakov Institute of World Economy and International Relations (Russian Academy of Sciences), Senior Researcher

e-mail: lenchen007@rambler.ru

Abstract. The report is devoted to the reaction of the political world to the COVID pandemic, which appears here as a global problem. It was necessary to consider the political response of the nation state to the challenge of the PCOVID and to understand how the it transforms the current world order. Among the objectives of the work is to identify the direction of political changes under the influence of the pandemic, to understand the factors of its successful overcoming by some countries, the essence of the national reform of political decision-making necessary for this. The issues of the effectiveness of public administration to confront PCOVID, the correlation of political values and goals in the PCOVID policy in the conditions of different political systems, the uniqueness of the policy process revealed in the pandemic, including functioning of the institutions of the world order are considered. In connection with the transformations of the world order, the topic of global inequality is touched upon. The progress of some states in the fight against PCOVID is reviewed, and Russia's place and role in the process are assessed. The first political results of the pandemic are summed up and the lessons of it are given. In conclusion, a few words about the political opportunities at the end of the pandemic and its consequences for the nation-state are said.

Keywords: pandemic, world order, political development, pathology of development, models of policy-making, state capacity.

15 мая 2018 года в США прошло пандемическое учение. Сценарий предполагал вспышку абсолютно нового вируса парагриппа семейства респираторных вирусов Clade. Заболевание могло протекать в легкой и тяжелой форме. Вирус был создан людьми в лаборатории, но покинул ее из-за нештатной ситуации. Согласно модели, число погибших в итоге составит 900 млн., 10% жителей Земли. Вирусу противостоит новейший противовирусный препарат, и он помогает, но не всем и не всегда. Вакцину от Clade человечество не создаст.

Американские чиновники реагировали на происходящее по-настоящему, используя ресурсы, имеющиеся на тот момент. В итоге они не смогли организовать ответ, научно обоснованные политики, озвучить эффективные грамотные формулировки политики пандемии. Было выявлено: реактивность, некомпетентность, непрофессионализм, неразбериха в структурах управления [1]. А через год в китайском Ухане была зафиксирована вспышка инфекции коронавируса SARS-CoV-2. 30 января 2020 г. Всемирная Организация Здравоохранения объявила чрезвычайную ситуацию, а 11 марта - заявила о начале пандемии КОВИД-19.

ПКОВИД имеет антропогенное происхождение, объективно имеет планетарный характер, представляет угрозу для выживания человечества. Чтобы ее разрешить, необходимы планетарные усилия, и мобилизация всех политических сил на планете. КОВИД – этап в череде растущих бактериологических опасностей на фоне роста зоонозных инфекций, передающихся от животных к людям, и глобального изменения климата. Прогнозировали, что общим направлением политических перемен на этапе КОВИД будет: усиление авторитаризма, административно-командных мер, полицейского контроля, передачи силовым структурам экстренных, исключительных функций, рост отчуждения между людьми с непрогнозируемыми социальными последствиями. Борьба мажоритарной демократии и «демократией участия» отходит на 2-й план. ПКОВИД со всей очевидностью обнажила проблему мирового неравенства, неравномерности развития. Но возрос потенциал международного сотрудничества с общей опасностью, это - опасность, равная для всех [2].

На 25 апреля 2022 года, в мире, по официальным данным, заразилось 510 239 938 человек, а скончалось - 6 220 718. [3] На конец апреля 2022 года, в США заразилось 81 043 315 человек, скончалось 991 609. Индия - на 2-м месте с числом заразившихся 43 060 097 и 522 223 умерших. Бразилия – на 3-м, с 30 355 919 заболевшими и 662 964 умершими. [3] На момент конца апреля 2022 года, в России заразилось 18 151 895 человек, скончалось 375 тыс., или 2%. По числу заразившихся Россия находится на 6-м, а по числу умерших - на 4 месте [3].

Числа заболевших и умерших не является высоким в развивающихся странах и низким – в развитых. Жертвами вируса в первые четыре месяца пандемии стали страны с высокими национальными расходами на здравоохранение: Италия (8,9% ВВП идет на здравоохранение), Испания (9%), Франция (11%), а смертность составила в Испании - 6,1%, а в Италия - 9,3% от числа заболевших. [4] [5] Статистика сильно отличается даже в соседних странах, где живут этнически и культурно близкие народы. У тех, кто не признавал проблему и призывал вести обычный образ жизни, у тех, кто объявил полный локдаун и чрезвычайное положение, у тех, кто предложил своим медслужбам действовать в свободном режиме – порой, одни результаты. Антирейтинг смертности от КОВИД: предсказуемо, 1-е место – Йемен с 18% смертей, 2-е – Судан – с 8%, затем - Сирия и Мексика с 5, 7%, Сомали, Египет, Афганистан, Эквадор. Но затем - большое число стран с более-менее одинаковыми

процентами смертей. У Германии – 2, 4%, у России – 2%, у Италии - 2,9% [4], [3].

У США – 1-е место и по заболевшим, и по смертям. Но, согласно международному рейтингу, оценивающему состояние медицинской отрасли, США - лидер по показателю безопасности медицинской сферы, ассигнованиям в медицину, готовности к оперативному реагированию всплескам инфекционных заболеваний (Global Health Security Index, GHS). Штаты разработали серию часто меняющихся добровольных принципов социаль дистанцирования, много передав местным властям, которые разработали кто – действенные, кто – бесполезные, меры. Но люди ведь переезжают! Популизм, приоритет риторики над действиями, невысокий уровень планирования, отсутствие политического лидерства, безответственность – черты их политической реакции [6], [7]. У РФ противоэпидемическая служба осталась от СССР. Но «оптимизация» медотрасли ее развалила. Роль науки упала [5]. Пандемия усилила ее позиции, выросло финансирование медицинского ведомства, престиж нашего ученого.

Понять подлинный успех в борьбе с КОВИД может соотношение числа тестов к населению. Больше всего тестов у США, Индии, Великобритании, Испании, Австрии и на 6-м - Россия с 288,6 млн. тестов [8], [9]. Но, на душу населения, 1-е место у США, 2-е – у Германии, а 3-е – у России! Одной Москвой проведено 44 млн. 200 тыс. тестов [9]. А ведь в России плотность населения низкая, а в Москве, – высочайшая, 5 тыс. на 1 кв. км. (в Италии – 200 человек на 1 кв. км., в Великобритании – 272 человек на 1 кв. км.) [10]. Высокие цифры инфицированных, и, даже умерших – скорее, свидетельство качества работы ее служб.

Как победить ПКОВИД? Инновационным характером политики, умением действовать вопреки рутинам и шаблонам, скоростью принятия решений, оперативностью. Дезинтеграция управления между центром и регионами, неповоротливость управления и финансирования систем медпомощи, безответственность чиновников и их отказ действовать в нештатных ситуациях – главные пороки [6]. Все вместе это - **потенциал государства** (*state capacity*). В понятие входит и социальное доверие. Социальное расслоение, высокая внутренняя конфликтность, отсутствие общенационального консенсуса, - минусы [6]. Независимо от типа политики, режима, структуры исполнительной власти в госуправлении принципиальны: 1. Соотношение между **экспертом и чиновником**, действующим на основе политических предпочтений. 2. **Проактивность** политики, *упреждение опасностей*, планирование и прогнозирование

деятельности, долгосрочные временные рамки. 3. Там, где всецело доминируют индустриальные элиты, принятие решений национального характера, в т.ч., по ПКОВИД, затруднено [11]. Их отсутствие связаны прямо с провалами власти, «government failure» (по аналогии с «market failure»). Присутствие – со степенью развития постматериальной культуры. Связь этих факторов с политическим режимом и системой непрямая. А прямая – с характером, *патологиями политического развития*.

ПКОВИД – предвестник грозных перемен миропорядка. Страны должны разработать строгие программы, национальные концепции биологической безопасности в качестве составляющей версии национальной безопасности, которых у России нет. Пандемия еще идет. Основная работа по формулировке политического ответа на ПКОВИД впереди.

Список литературы

1. Ученые смоделировали смертоносность от нового вируса парагриппа. 2018. URL: <https://yandex.ru/turbo/hightech.fm/s/2018/07/29/pandemic-2>
2. Най Дж. С. На руинах миропорядка. 17 июля 2020 г. URL: <https://www.ipg-journal.io/rubriki/vneshnjaja-politika-i-bezopasnost/statja/show/na-ruinakhmiroporjadka-1109/>
3. Статистика коронавируса в мире 2021. URL: <https://gogov.ru/covid-19/world>
4. Коронавирус COVID-19. Статистика в России и мире за сегодня. URL: <https://covid19-global.ru/>
5. М. Журавлева, И. Резник. Как COVID-19 изменит систему здравоохранения. 29 июля 2020, выпуск 8. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f0d0b7c7a8aa9187eb1b492>
6. Fukuyama Francis. The Pandemic and Political Order. It Takes a State. It is not a matter of regime type. Foreign Affairs. V. 99. 2020. №4. July-August.
7. Lee Christopher T., Frieden, Tom. Why Even Well-Prepared Countries Failed the Pandemic Test. Bad Politics Can Undermine Good Public Health. Foreign Affairs. V. 100. 2021. №2. March 29.
8. Коронавирус в мире. Таблица. График.
9. Выяснилось, где в России больше всего тестов на коронавирус. 2022. URL:

mk.ru/social/health/2022/04/20/vyyasnilos-gde-v-rossii-sdelali-bolshe-vsego-testov-na-koronavirus.html/

10. Эпидемиолог рассказал, почему Россия выглядит островком стабильности во время пандемии COVID-19. М. 2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/27266.5/4399379/>
11. Глушенкова Е.И. Экополитология. М.: МНЭПУ, 2010. 260 с.

РОЛЬ РОССИИ И АРМЕНИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

Гзогян А. А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, студентка
E-mail: annagzogan@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассмотрена роль Российской Федерации и Армении в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта. Нагорно-Карабахский конфликт имеет давнюю историю, которая идет еще со времен СССР. Результатом второй карабахской войны стала победа Азербайджана, которую он одержал благодаря помощи Турции. После второй карабахской войны ситуация изменилась не в пользу Армении. Целью исследования является проанализировать роль России в урегулировании данного конфликта. В статье будут перечислены различные способы решения конфликта, в частности формат «3+3», переговоры лидеров Армении, Российской Федерации и Азербайджана, двусторонние контакты лидеров Армении и России. Актуальность исследования заключается в том, что от обстановки в Нагорном-Карабахе зависит безопасность и стабильность как в регионе, так и на южных границах РФ.*

***Ключевые слова:** Российская Федерация, Армения, Нагорный Карабах, Турция, Азербайджан, конфликт, урегулирование.*

THE ROLE OF RUSSIA AND ARMENIA IN THE SETTLEMENT OF THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT

Gzogian A. A.

Saint Petersburg State University of Economics,
student
E-mail: annagzogan@gmail.com

Abstract. *The article examines the role of the Russian Federation and Armenia in the settlement of the Nagorno-Karabakh conflict. The Nagorno-Karabakh conflict has a long history dating back to the Soviet era. The result of the second Karabakh war was the victory of Azerbaijan, which it won thanks to the help of Turkey. After the second Karabakh war, the situation changed not in favor of Armenia. The purpose of the study is to analyze the role of Russia in the settlement of this conflict. The article will list various ways to resolve the conflict, in particular the "3+3" format, negotiations between the leaders of Armenia, the Russian Federation and Azerbaijan, bilateral contacts between the leaders of Armenia and Russia. The relevance of the study lies in the fact that security and stability both in the region and on the southern borders of the Russian Federation depend on the situation in Nagorno-Karabakh.*

Keywords: *Russian Federation, Armenia, Nagorno-Karabakh, Turkey, Azerbaijan, conflict, settlement.*

Для евразийской интеграции на данный момент особую важность представляют процессы на Южном Кавказе, в частности в Нагорном Карабахе. Данный регион является частью «Евразийских Балкан» на постсоветском пространстве. Он имеет выгодное географическое положение между Европой, Ближним и Средним Востоком. Также Кавказ богат ресурсами. По мнению Г. Н. Нурышева и В. Г. Когута, «Ряд аналитиков оценивают только запасы нефти от 13–22 до 50 млрд т» [1].

Что касается ситуации в Нагорном Карабахе, то несмотря на то, что США и Франция пытались остановить войну, их попытки не увенчались успехом. Боевые действия прекратились благодаря подписанию трехстороннего договора при посредничестве России между Арменией и Азербайджаном 10 ноября 2020 года. На территорию Карабаха были введены российские миротворцы. Этим договором были недовольны обе враждующие стороны. В Армении восприняли трехсторонний договор как геополитическое поражение, в Турции и Азербайджане были недовольны тем, что им не дали отвоёвать весь Карабах и выселить оттуда всех армян.

Данное соглашение позволяет России вернуть лидирующую роль на Южном Кавказе. Для Москвы данная модель благоприятна, потому что она осталась главным игроком в регионе. Армения стала более зависимой от РФ [9].

11 января 2021 года прошла встреча президентов РФ, Армении и Азербайджана в Москве. Итогом встречи стало совместное заявление для дальнейшей реализации пункта 9 Трёхстороннего заявления от 10

ноября 2020 года. В п. 9 рассказывалось о «разблокировании всех экономических и транспортных связей в регионе» [5], о транспортном сообщении между Азербайджаном и Нахичеванью. В Азербайджане итоги встречи восприняли как очередную победу. В Армении - как поражение. Армения в переговорах заняла слабую пассивную позицию, даже не определяя тематику переговоров. Армянская сторона пыталась поднять такие вопросы как возвращение военнопленных, будущий статус Нагорного Карабаха.

26 ноября 2021 года прошла встреча президентов России, Азербайджана с премьер-министром Армении в Сочи. Встреча была приурочена к годовщине подписания соглашения о прекращении огня в Нагорном Карабахе. Во время переговоров главы государств договорились о создании комиссии по делимитации армяно-азербайджанской границы.

На данный момент Россия является единственным гарантом безопасности для армян из Карабаха. Российские миротворцы гарантируют безопасность связи Армении и Нагорного Карабаха через Лачинский коридор. Открытие коммуникаций соответствует интересам Азербайджана, РФ и Армении, хотя рынок Еревана не велик. Это может вполне соответствовать интересам Турции, потому что она получает в свое распоряжение несколько транспортных коридоров.

Что касается предпосылок победы Азербайджана, то Баку ответственно подошел к новой войне, добился больших успехов на дипломатической арене. Азербайджан заключил союзнические отношения с Израилем, Турцией и Пакистаном. Они поддерживали страну военными и дипломатическими способами во время боевых действий. Баку удалось добиться серьезных технических достижений и профессионализации состава вооруженных сил, благодаря военным учениям с Турцией.

По итогам войны Азербайджан вернул под свой контроль семь районов и половину бывшей НКАО (Нагорно-Карабахская автономная область), включая стратегический город Шуша.

Существует несколько планов обеспечения безопасности на Южном Кавказе: 1. Сотрудничество в сфере безопасности между тремя странами Закавказья. 2. Версия Азербайджана «3+3+2» (сотрудничество между Грузией, Арменией, Азербайджаном, Россией, Турцией, Ираном, США и Евросоюзом). 3. Сотрудничество РФ, Турции со странами Южного Кавказа (предложено Турцией). 4. Сотрудничество, предложенное Арменией и Ираном, (три закавказские республики, Россия и Иран). 5. Идея России по

обеспечению безопасности на Южном Кавказе «3+1» (три южнокавказские страны и Российская Федерация) [2].

На данный момент существует платформа 3+3. Туда входят Армения, Азербайджан, Грузия, Россия, Турция, Иран, хотя Грузия неоднократно отказывалась участвовать в данной платформе из-за конфликта с РФ по Абхазии и Южной Осетии. Инициаторами данного сотрудничества выступали изначально Турция и Азербайджан. В декабре 2021 года прошло первое заседание консультативной региональной платформы «3+3» под председательством заместителей министров иностранных дел Российской Федерации, Азербайджана, Турции, Армении и гендиректора МИД Ирана. Премьер-министр Армении Н. Пашинян был доволен первой встречей, но отметил, что Армения может отказаться от сотрудничества в рамках платформы, если она не будет соответствовать интересам Республики.

Россия будет вовлечена в процесс заключения мирного договора между Арменией и Азербайджаном. «Предложенные Баку «Базовые принципы для установления межгосударственных отношений между Азербайджаном и Арменией» и поступившая на них реакция Еревана призваны послужить основой для начала азербайджано-армянских переговоров по мирному договору» – прокомментировала официальный представитель МИД РФ М. Захарова [10]. По словам дипломата данная тема обсуждалась 9 апреля 2022 года во время телефонного разговора президента РФ В. Путина с президентом Азербайджана И. Алиевым и премьер-министром Армении Н. Пашиняном. Официальный представитель МИД РФ также отметила, что 24 февраля 2022 года США и Франция прекратили сотрудничество с Россией в рамках тройки сопредседателей Минской группы ОБСЕ. Хотя в реальной обстановке на Южном Кавказе паузы не допустимы. В урегулировании конфликта требуются постепенные шаги по восстановлению мира и стабильности. Посол по особым поручениям И. Ховаев начал работу в качестве специального представителя министра иностранных дел РФ по вопросам содействия нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией. Он будет уделять внимание подготовке мирного договора.

Возможное подписание мирного договора не подразумевает вывод российских миротворцев из Нагорного Карабаха [8]. Москва не раз заявляла, что заинтересована в мире и безопасности в регионе, также в содействии делимитации и демаркации границы.

13 апреля 2022 года премьер-министр Армении Никол Пашинян заявил, что Армения и Азербайджан должны подписать мирный договор. «На трехсторонней встрече в Брюсселе (с президентом

Азербайджана и председателем Европейского Совета) я согласился, что МИД Армении и Азербайджана должны начать подготовку к соглашению о мире. Сроки и формат должны быть уточнены и обсуждены. Но подписание соглашения как можно скорее входит в наши планы», — сказал Пашинян, выступая в парламенте [11].

19 апреля 2022 года премьер-министр Армении Никол Пашинян прибыл в Москву с официальным визитом. Визит был приурочен к 30-летию дипломатических отношений между государствами. Помимо встречи с В. В. Путиным, он встретился с председателем правительства Российской Федерации М. В. Мишустинным, спикером Государственной Думы В. Володиным и председателем Совета Федерации В. Матвиенко. Главной целью визита было обсуждение ситуации в Нагорном Карабахе. В Карабахе все чаще фиксируют попытки эскалации. К тому же призывы Пашиняна снизить планку ожиданий по статусу Нагорного Карабаха и вхождение региона в состав Азербайджана вызвали протест как в обществе, так и у руководителей непризнанной Нагорно-Карабахской республики. Главным арбитром, способным решить проблему безопасности НКР, является Россия.

В заключении хотелось бы отметить, что после второй карабахской войны статус-кво сильно изменился, и обеспечить автономию НКР невозможно. На данный момент главный вопрос – это безопасность, которую обеспечивают российские миротворцы. Нынешние реалии воспринимаются крайне болезненно армянским обществом. На сегодняшний день Россия является посредником, который помогает урегулировать конфликт.

Список литературы

1. Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Карабахский узел геополитических противоречий на Южном Кавказе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. №1 (35).
2. Кудаяров К. А. Турция и Нагорно-Карабахский конфликт // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2021. №2.
3. Рахимов Р. Инициатива «Платформа сотрудничества 3 + 3 на Южном Кавказе»: Новые Возможности со Старыми Противоречиями // РСМД. 2021.

4. РФ и Турция настроены содействовать стабилизации в Закавказье и формату "3+3". URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/rf-i-turtsiya-nastroeny-sodeystvovat-stabilizatsii-v-zakavkaze-i-formatu-3-3/> (дата обращения: 25.04.2022).
5. Скаков А. Новый этап нагорно-карабахского урегулирования // РСМД. 2021.
6. Мовсесян А.С. Нагорный Карабах – одна партия большой игры // Скиф. 2021. №1 (53).
7. Армения назвала главных ответственных за процесс карабахского урегулирования. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/04/22/armeniya-nazvala-glavnyh-otvetstvennyh-za-process-karabahskogo-uregulirovaniya> (дата обращения: 26.04.2022).
8. Россия будет вовлечена в подписание мира между Арменией и Азербайджаном. URL: <https://www.interfax.ru/world/837297> (дата обращения: 26.04.2022).
9. Битву за Карабах выиграли Россия и Турция. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/11/11/5faa0bfb9a79472d1159c5e8> (дата обращения: 26.04.2022).
10. Захарова: РФ готова содействовать заключению мирного договора между Ереваном и Баку. URL: https://tass.ru/politika/14381481?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 26.04.2022).
11. Пашинян заявил о необходимости срочно заключить соглашение о мире с Азербайджаном. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5305743> (дата обращения: 26.04.2022).
12. Коридоры и границы. О чем договорились Россия, Армения и Азербайджан. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/11/26_a_14250619.shtml (дата обращения: 26.04.2022).
13. «Иначе — национальная трагедия». Какое решение Пашинян ищет в Москве. URL: <https://ria.ru/20220420/armeniya-1784360285.html> (дата обращения: 26.04.2022).
14. Никол Пашинян ищет мира в Москве. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5315816> (дата обращения: 26.04.2022).

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ ИЛИ ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ СМУТА: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ И ПОНИМАНИИ СМЫСЛОВ (К 100-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)

Гончаренко Л.Н.

доктор исторических наук

*Балтийский гуманитарный институт, кафедра гуманитарных
и социально-экономических дисциплин, профессор*

E-mail: lngksp@rambler.ru

Авакова Э.Б.

кандидат социологических наук

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра
Великого, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с
общественностью; Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий и дизайна, кафедра рекламы
и связей с общественностью, доцент*

E-mail: elina_avakova@mail.ru

***Аннотация.** Авторы рассматривают период в истории России с 1917 г. до начала 20-х годов XX века, характеризующийся глубокой цивилизационной, политической, экономической и культурной трансформацией общества, носившей как мирный, так и насильственный характер. Происходившие в те времена события, по мнению авторов выходят далеко за рамки устоявшихся терминов, которыми было принято обозначать, а именно: Великая Октябрьская социалистическая революция, Гражданская война и военная интервенция в СССР, Великая русская революция. В статье обосновывается целесообразность введения в оборот термина «Великая Российская Смута», который, как представляется авторам, способен подвести человека, изучающего российскую историю, к осознанию трагизма той эпохи, ее многомерности, многовариантности и хаотической сущности.*

***Ключевые слова:** Гражданская война, революция, Россия, исторические уроки.*

THE CIVIL WAR IN RUSSIA OR THE GREAT RUSSIAN UNREST: TO THE QUESTION OF TERMINOLOGY AND UNDERSTANDING OF MEANINGS (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE END OF THE CIVIL WAR)

Goncharenko L.N.

Baltic Institute of Humanities

E-mail: lngksp@rambler.ru

Avakova E.B.

*Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University,
Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and
Design*

E-mail: elina_avakova@mail.ru

Abstract. *The authors analyze the period in the history of Russia from 1917 to the early 20s of the twentieth century. This period included a deep civilizational, political, economic and cultural transformation of society that was both peaceful and violent. The events that took place at that time go far beyond the established terms that people used, namely: the Great October Socialist Revolution, the Civil War and military intervention in the USSR, the Great Russian Revolution. The article substantiates the expediency of introducing «the Great Russian Unrest» into circulation that, as it seems to the authors, is able to bring a person studying Russian history to the realization of the tragedy of that era, its multidimensionality, multivariance and chaotic essence.*

Keywords: *The Civil War, revolution, Russia, historical lessons.*

Памятные и знаменательные даты, разного рода юбилеи, годовщины тех или иных событий сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Одни из них радуют, вызывают чувство гордости, восхищения, желание торжественно их отметить, другие заставляют задуматься, подвести некие итоги, проанализировать события минувшего. Есть в истории даты и события, которые нельзя не воспринимать без чувства сожаления, разочарования и даже ужаса. Наиболее крупные и трагические из них вызывают смешанные чувства, заставляющие вновь и вновь обращаться к минувшему для того, чтобы наконец понять, что, как и почему произошло, возможно ли было если не избежать, то хотя бы направить исторический процесс в иное русло, существовали ли реальные альтернативы произошедшему. Суждения о таких событиях часто носят

неоднозначный характер, вызывая порой дискуссии и даже ожесточенные споры. Именно к таким спорным темам относятся события 1917–начала 1920-х гг. в России, многочисленные юбилеи которых время от времени всплывают в современной жизни.

Период крайней социальной нестабильности, военных столкновений противоборствующих сил, сопровождавшийся распадом страны и иностранной военной интервенцией, продолжался дольше, чем такие судьбоносные события российской истории как Отечественная война 1812 г. вместе с последующим заграничным походом русской армии и даже более продолжительное время, чем длилась Великая Отечественная война. Великое противостояние охватило всю территорию бывшей Российской империи, сопровождалось массовой гибелью людей и породило такие феномены как социальная сегрегация населения и эмиграция миллионов людей из России. Смута положила начало распаду исторической территории страны, собираемой и расширяемой многими поколениями россиян, начиная с далекой эпохи возвышения Москвы. После завершения прямых военных столкновений различных противоборствующих сил, народных восстаний и разного рода экспериментов в экономике, победителям потребовалось приложить еще немало сил для того, чтобы подавлять периодически вспыхивающие очаги сопротивления: в Сибири и на Дальнем Востоке, в Средней Азии, Закавказье, а также бороться с разного рода антиправительственными центрами как внутри страны, так и за ее рубежами. Характерны названия литературных произведений, посвященных этому периоду в истории России: «Хождение по мукам», «Окаянные дни», «Очерки русской смуты», «Бег».

Итоги Великого российского противостояния имели всемирно-историческое значение, они ознаменовались вступлением России в совершенно новый этап цивилизационного развития, осуществлявшегося под руководством партии большевиков, переименованной в 1952 г. в КПСС. Память о пережитом гражданском столкновении навсегда вошла в сознание граждан государства под названием СССР. Сегодня уже нет ни государства под этим названием, ни партии, стоящей во главе него. Очевидно, что это следствие не только ошибок политических руководителей, но и взрывов тех сильнейших зарядов, которые были заложены под страну и общество в период становления его советской модели. Часть из них уже взорвалась, а многие еще ждут своего часа. Произойдут ли новые взрывы? Предотвратить это может только всесторонний теоретический анализ произошедших в тот период событий и их

глубинных смыслов, а также способность новых поколений российских граждан извлекать из них исторические уроки.

В свое время вожди Красных и Белых, их сторонники и попутчики, а также многие свидетели этой социальной драмы, в том числе и наблюдавшие за ней из-за рубежа, дали ей свои оценки [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Однако историческое знание имеет свою специфику, которая заключается, в частности, в том, что каждое новое поколение обладает своим видением минувшего и нуждается в его новой оценке с учетом приобретенного опыта и вновь открытых для научного анализа фактов. Опираясь на исторические документы и наработки своих предшественников, современные исследователи не только могут, но и должны формировать новые понимания происходивших в прошлом процессов и заново осознавать их глубинные смыслы.

Период в истории России с 1917 г. и до начала 20-х годов XX века в исторической науке назывался по-разному: Великая Октябрьская социалистическая революция, Гражданская война и военная интервенция в СССР, Великая русская революция [10; 11; 12; 13; 14]. Все эти названия безусловно отражают события и процессы, происходившие в данный период, однако страдают известной односторонностью восприятия и приверженностью к историческим стереотипам. Между тем, в 1917 г.-начале 1920-х в России происходила глубокая цивилизационная, политическая, экономическая и культурная трансформация общества, носившая как мирный, так и насильственный характер. Это время, безусловно, включало в себя и войну, и революцию, и интервенцию, однако происходившие тогда события и процессы всем этим не ограничивались и выходили за рамки устоявшихся терминов, которыми их было принято обозначать. Одна из сторон конфликта – большевики, выступали за осуществление радикальных изменений в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны, а затем и всего мира, которые должны были быть осуществлены в результате пролетарской революции и привести к построению принципиально нового общества под названием коммунизм. Их противники преследовали иные цели: консервативные, либеральные, часть из них стремилась к социалистическому переустройству жизни на принципах, отличавшихся от тех, которые исповедовали сторонники Ленина. Свои интересы и цели имели и многочисленные зарубежные участники этой драмы, организовавшие интервенцию в Россию, а также разного рода силы, выступавшие за дезинтеграцию страны по этническому или иным принципам. Все это придавало развернувшемуся противостоянию особое значение и

ожесточенность, порождало сочетание и переплетение самых разных форм борьбы: военной, идейной, политической, террористической и др. Выделяя лишь один из исторических трендов, абсолютизируя тот или иной процесс или фактор, исследователи невольно грешат упрощением содержания той судьбоносной эпохи.

На наш взгляд, наиболее правильным было бы назвать период, а вернее сказать целую историческую эпоху, когда в России происходили все эти события – Великой Российской Смутой. Этот термин переключается со Смутой начала XVII в. Кроме того, в российской истории существуют термины Великая Отечественная война и Отечественная война 1812 г. Название Великая Российская Смута подводит человека, изучающего российскую историю, к осознанию трагизма той эпохи, ее многомерности, многовариантности и хаотической сущности. Это понятие включает в себя:

- смену общественного строя на территориях, подконтрольных тем или иным силам;
- военные действия по всей территории России;
- иностранную интервенцию;
- дезинтеграцию страны по национальному и политическому признакам;
- повсеместные народные, прежде всего, крестьянские восстания;
- соперничество политических элит за право управлять страной;
- геноцид населения по социальному признаку, в том числе и убийство бывшего императора и его семьи;
- богоборчество в самых радикальных его проявлениях;
- природные катаклизмы в виде засух и неурожая;
- тяжелейший экономический кризис;
- массовую эмиграцию из страны целых социальных групп населения;
- тотальное обнищание населения, массовый голод и эпидемии.

Только такой комплексный подход к обозначению и изучению данной эпохи, а также экстраполяция всего происходившего тогда на последующие события вплоть до современности, позволяют дать объективную оценку всем участникам тех событий, их взглядов и планов на будущее, а также целесообразности жертв, принесенных страной и ее народом во имя осуществления их представлений о будущем.

В свое время М. Вебер писал, что историческая наука должна представлять разные возможности развития, выявлять последствия

«иных решений», ставить вопрос о тождественности результатов действий при изменении каузальных компонентов [15, с. 470.]. Комплексный подход к изучению Великой Российской Смуты позволяет выявить и осознать имевшие место в тот период исторические альтернативы. Дискуссии о существовании в истории альтернатив уже давно ведутся в научном сообществе [16, с. 49-56.]. События и процессы, разворачивавшиеся в тот период на пространствах России и мира как нельзя лучше свидетельствуют о правоте сторонников их существования. Более того, этот период дает самые яркие примеры таких альтернатив, выступавших своеобразной пружиной исторической динамики того времени. События Смуты – яркая иллюстрация сложности, многовариантности, многофакторности и многомерности исторического процесса. Борьба того времени за альтернативы исторического развития страны и мира, как воплощенные в жизнь, так и оставшиеся не сбывшимися, показывают каких чудовищных масштабов и ожесточения может приобретать борьба за их практическую реализацию и свидетельствуют о возможности прихода к власти сил, вынашивающих самые радикальные и даже фантастические сценарии общественного развития.

Трагедия Великой Российской Смуты требует не только фактологической реконструкции, в чем преуспели многие поколения исследователей с разными мировоззренческими позициями и политическими взглядами, но и позволяет извлечь исторические уроки. События Смуты являются ярчайшим доказательством того факта, что насильственное разрешение социально-политических и экономических конфликтов, волевое вмешательство в естественно-исторические процессы представляют собой абсолютное социальное зло и являются самой страшной катастрофой для страны, избравшей такой путь в истории. Этот урок представляется наиболее значимым, поскольку Смута произошла в стране, стоявшей на пороге победы в Первой мировой войне, не имевшей себе равных в мире по своей территории, ресурсному и культурному потенциалу, занимавшей пятое место в мире по уровню промышленного производства и третье по национальному богатству. Не менее важным представляется вопрос о том, кто несет ответственность за произошедшую трагедию? А самое главное, как исключить повторения такого рода событий в будущем? Ответы на все эти вопросы лежат на путях беспристрастного и комплексного подхода к изучению событий той эпохи, сложного взаимодействия объективных и субъективных факторов, укладывающихся в понятие «Великая Российская Смута».

Чем дальше уходят от нас события тех лет, тем больше становятся понятными смыслы минувших столкновений, а также возникает возможность оценить результаты и последствия этого великого противостояния в контексте произошедших с тех пор изменений, понять истинную ценность идей, целей и обещаний участников этой национальной трагедии. Очевидно, что уроки из этого социального катаклизма необходимо извлекать с учетом тех кардинальных изменений, которые произошли в России за последние 30 лет [17; 18; 19; 20]. Вновь заработала рыночная экономика, воссоздана и продолжает укрепляться российская буржуазия, на смену советской власти пришла парламентская демократия, Россия развивается как государство с президентской формой правления и сильной вертикалью власти. Все эти неоспоримые реалии предопределяют и новые подходы к изучению событий Великой Российской Смуты и на этой основе формированию консолидированного взгляда молодого поколения российских граждан на историю своей страны.

Сегодня очевидно, что современный мир не менее противоречив и конфликтен, чем это было в начале XX века. Появились новые социальные и политические вызовы и противоречия, различными силами и мыслителями выдвинуты разного рода новаторские и далеко не бесспорные идеи в области социального конструирования и совершенствования природы человека, существуют мощные идейно-политические течения, борющиеся за реализацию самых разных, в том числе и фундаменталистских социальных проектов, никуда не делись и амбиции радикальных политических партий, движений и их лидеров. В этой связи исторический опыт и уроки минувшего, изучение механизмов нарастания социальных противоречий и острых политических кризисов на материалах российской истории начала XX века, могут сослужить хорошую службу и оказаться полезными для российского общества на новых этапах его развития.

Список литературы

1. Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. М.: Политиздат, 1987. 206 с.
2. Гражданская война в СССР в 2-х т. / под общ. ред. Н.Н. Азовцева. М.: Воениздат, 1986.
3. Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2-х т. М.: Политиздат, 1990.
4. Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: в 3-х т. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001.

5. Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2007. 634 с.
6. Архив русской революции: в 22 т. М.: Терра. Политиздат, 1991–1993.
7. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. 358 с.
8. Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М.: НП «Посев», 2008. 747 с.
9. Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. 317 с.
10. Мандрик И.В. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года - одно из ключевых политических событий XX ст. // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2017. Т. 23. С. 5-12.
11. Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. – М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
12. Морозова Е.Н. Великая русская революция 1917 года: от февральских событий до Октябрьского переворота // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. №1. С. 35-44. DOI 10.18500/1819-4907-2018-18-1-35-44.
13. Романченко В.Я. Великая русская революция как политический процесс (о некоторых методологических подходах) // Россия и мир в пространстве глобальных потрясений и нового мироустройства. XX-XXI вв.: коллективная монография. К 100-летию Великой русской революции 1917 г. Саратов: ООО "Центр социальных агроинноваций СГАУ", 2018. С. 11-26.
14. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Гл. ред. С.С. Хромов. М.: Сов. энцикл., 1983. 703 с.
15. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
16. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
17. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. Гражданская война и российское общество: рецидивы противостояния и этапы национального примирения (к 100-летию окончания

- Гражданской войны в России) // Управленческое консультирование. 2022. № 2(158). С. 139-152. DOI 10.22394/1726-1139-2022-2-139-152.
18. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б., Кузнецов А.А. Гражданская война и современная Россия: социальные уроки и политика обретения исторического единства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. №1. С. 174-178. DOI 10.22394/2079-1690-2022-1-1-174-178.
 19. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б., Кузнецов А.А. Гражданская война и современная Россия: восстановление общенационального согласия // Информация–Коммуникация–Общество. 2022. Т. 1. С. 58-62.
 20. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. К 100-летию окончания Гражданской войны в России: уроки социального раскола и задачи национального примирения // Морская стратегия и политика России в контексте обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в XXI веке: сборник научных трудов. Севастополь: ЧВВМУ имени П.С. Нахимова, 2021. С. 28-35.

ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ ЭТНИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО СООБЩЕСТВА: ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ

Гриценко Г.Д.

Доктор философских наук

Федеральный исследовательский центр

Южного научного центра РАН, главный научный сотрудник

E-mail: dissovet@rambler.ru

***Аннотация.** Представлены результаты экспертной оценки состояния, рисков и ресурсов политизации/деполитизации этничности в субъектах Российской Федерации на территории СКФО. Полученный исследовательский материал позволил провести углубленный анализ тенденций этнизации/деэтнизации социально-политической жизни северокавказского сообщества. Выявлено наличие политизированной этничности в полиэтничном регионе, которая, как утверждает большинство представителей*

экспертного сообщества, может быть источником региональных конфликтов. Представлены мнения экспертов о причинах политизации этничности, основной из которых названа неэффективность федеральной политики идентичности. Сравнительный анализ оценок экспертов позволил выделить самые болевые точки политики идентичности: это наличие этнических административно-территориальных образований; это не учет мнения этносов о принципе добровольного изучения родных языков; это «недоучет» особенностей исторической памяти народов региона; это игнорирование эволюции «исламского фактора». Дано понимание экспертов о возможных путях деполитизации этничности с точки зрения интегрированности северокавказского региона в цивилизационное пространство Российской Федерации.

Ключевые слова: экспертные оценки, политизированная этничность, причины политизации этничности, пути деполитизации этничности

POLITICIZED ETHNICITY IN THE SOCIAL LIFE OF THE NORTH CAUCASIAN COMMUNITY: EXPERT ASSESSMENTS

Gritsenko G.D.

Doctor of philosophical science

*Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences, Chief Researcher*

E-mail: dissovet@rambler.ru

Abstract. *The results of an expert assessment of the state, risks and resources of politicization/depolicitization of ethnicity in the constituent entities of the Russian Federation on the territory of the North Caucasus Federal District are presented. The obtained research material made it possible to conduct an in-depth analysis of ethnicization/de-ethnicization trends in the socio-political life of the North Caucasian community. The presence of politicized ethnicity in a polyethnic region is revealed, which, according to the majority of representatives of the expert community, can be a source of regional conflicts. The opinions of experts on the reasons for the politicization of ethnicity are presented, the main of which is the ineffectiveness of the federal identity policy. A comparative analysis of expert assessments made it possible to identify the most painful points of identity politics: this is the presence of ethnic administrative-territorial formations; this is not taking into account the opinion of ethnic groups*

about the principle of voluntary study of native languages; this is an "underestimation" of the peculiarities of the historical memory of the peoples of the region; this is ignoring the evolution of the "Islamic factor". The understanding of experts about possible ways of depoliticization of ethnicity from the point of view of the integration of the North Caucasian region into the civilizational space of the Russian Federation is given.

Key words: *expert assessments, politicized ethnicity, reasons for the politicization of ethnicity, ways of depoliticization of ethnicity.*

Введение. Северный Кавказ в последнее годы перестал быть регионом конфликтов и серьезной этнополитической нестабильности. Постепенно он преобразовывается в регион, активно интегрирующим в российское цивилизационное пространство. О наличии свидетельственной стабилизации этнополитической ситуации в регионе свидетельствуют разработанные Минэкономразвития совместно с регионами Северного Кавказа модели их экономического развития, которые, по словам премьер-министра М. Мишустина, должны стать основой для управленческих решений по полному раскрытию всего потенциала округа [1]. Позитивные изменения в этносоциальной и этнополитической сферах северокавказского общества подтверждаются и результатами исследований, проводимых в данном макрорегионе [2]. Однако на Северном Кавказе по-прежнему сохраняют свою актуальность «замороженные» риски и угрозы, обостряется геополитическая ситуация на южном стратегическом направлении. Это ведет к тому, что положительные изменения в этнополитической ситуации СКФО не носят устойчивого долговременного характера [3]. В этих условиях важно систематически проводить мониторинг этнополитической ситуации в северокавказском макрорегионе. Без этого невозможно обеспечить стабильность и безопасность в регионе, гарантировать дальнейшую интеграцию северокавказского региона в российское социокультурное пространство. Важно понять, насколько этничность на Северном Кавказе политизирована, каковы причины ее политизации, каковы пути снижения этнополитической нестабильности в регионе. Именно эти вопросы стали целью и задачами исследовательского проекта и данной статьи.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели исследования в качестве одного из социологических методов был использован опрос экспертов. Именно благодаря экспертному опросу создается возможность расширить знания об этнизации / деэтнозации социальной жизни северокавказского сообщества; о роли этничности в

его социально-политической сфере. В качестве экспертов были привлечены специалисты высшей квалификации, работающие практически во всех субъектах федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа, и некоторых субъектов федерации, входящих в состав Южного федерального округа. Все они известны в научном сообществе макрорегиона и имеют серьезный опыт как научно-практической, экспертно-аналитической работы, так и значительную практику участия в исследовательских проектах. Опрос был проведен в ноябре 2020 года. В нем приняли участие 20 экспертов, которые представляли три русскоязычных региона: Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, и четыре наиболее многонациональные республики: Дагестан, Северную Осетию-Аланию, Адыгею и Карачаево-Черкесию.

Результаты. Прежде всего, важно было понять, насколько политизированная этничность, с точки зрения экспертов, является распространенным явлением на Северном Кавказе. Большинство экспертов (18 аналитиков из 20) отвечают на этот вопрос утвердительно, при этом часть из них концептуально обосновывают свой ответ, другая часть – иллюстрируют на конкретных примерах. Среди первой группы следует выделить рассуждения, в которых обосновывается наличие политизированной этничности в полиэтничном регионе объективностью, закономерностью общественного развития: вне политического процесса функционирование этничности невозможно. Как полагают эксперты второй группы, политизированная этничность на Северном Кавказе реализуется через национально-территориальные образования, кадровую политику и закрепляется с помощью традиционных социальных институтов, таких как: язык, семья, поселенческая община, обычаи, формы материальной культуры.

Зафиксировав факт распространенности политизированной этничности в северокавказском сообществе, необходимо было узнать, как оценивают эксперты данный феномен. С точки зрения абсолютного большинства участников опроса (15 из 20), политизированная этничность является непосредственным источником этнополитических конфликтов. В то же время эксперты констатируют: *«сама по себе этничность и этническое многообразие не конфликтогенны»*; этничность становится политизированной, а, следовательно, конфликтной *«в результате протестной активности, мобилизации этнических масс»*, превращаясь в *«продукт этнического национализма, который порождает сепаратизм, территориальные и*

статусные претензии к государству, региону, соседним этническим сообществам».

Каковы же причины живучести политизированной этничности, которая оценивается многими представителями экспертного сообщества в качестве конфликтогенного фактора? Вся совокупность факторов можно объединить в один блок – неэффективность федеральной политики идентичности. Верхнюю строчку в этом блоке занимает «наличие национально-территориальных образований» как одной из форм федеративного устройства государства. Как отмечает представитель экспертного сообщества: *«Посредством наличия этнических административно-территориальных образований, отождествление с которыми способствует развитию у населения «регионально-этнического» уровня национальной идентичности»*, воспроизводится и поддерживается «политизированная этничность» на Северном Кавказе.

Следующим проявлением неуспешности политики идентичности, по мнению экспертов, является *«внесение изменений в законодательство России о языках, предполагающих добровольное изучение национальных языков»*. Соглашаясь с тем, что *«сам по себе языковой фактор не является фактором политизации»*, часть участников экспертного опроса убеждены, что *«в русле “обид” на государство, которое не может или не хочет обеспечить реализацию права обучения на родном языке, языковой фактор может способствовать политизации этничности»*.

Важным фактором этого же процесса, с точки зрения аналитического сообщества, становится историческая память людей. По этому поводу, в частности, было отмечено: *«в исторической памяти людей все равно останутся границы: это наше село, это наше пастбище, это наш лес, наше кладбище и пр.»*. И в условиях сохранения территориальных споров между различными этносами, политизация этничности неизбежна.

Участники экспертного опроса констатируют, что *«одной из основных характеристик картины мира в XXI в. выступает активная политизация религиозного (конфессионального) фактора, представляющая собой сложное явление, непосредственно связанное с применением религиозных ценностей и идеалов в политических целях... политизация религии на Северном Кавказе уже состоялась»*. Именно поэтому религиозный компонент общественно-политической жизни северокавказского общества является фактором распространенности политизированной этничности.

Итак, с точки зрения преобладающего большинства экспертов, участвующих в исследовании, причины актуализации политизированной этничности как источника конфликтов на Северном Кавказе концентрируются в концепции государственной политики идентичности и ее реализации в южнороссийском макрорегионе.

В этих условиях возникает вопрос о нахождении механизмов достижения и поддержания социальной стабильности в регионе и снижения межэтнической, межконфессиональной и этнополитической напряженности. Как полагает большая часть участников экспертного опроса, вести речь о деполитизации этничности или деэтнизации политической жизни в северокавказском регионе в сущностном смысле этих процессов нецелесообразно, даже невозможно, поскольку в полиэтничном регионе субъект политической деятельности всегда имеют этническую принадлежность и, следовательно, полностью убрать этничность из политической жизни региона невозможно. Скорее всего, по убеждению экспертов, речь должна идти о *«формирование / конструирование и укрепление российской национальной / гражданской идентичности»*. И для того, чтобы получить искомый результат, *«необходимо помнить, что процессы, происходящие в государстве, нелинейны и не всегда объясняются причинно-следственными связями»*, что *«всегда необходим комплексный, взвешенный подход. Резкие, не подкрепленные научной проработанностью действия способны привести к обратному эффекту»*. *«Каждая ситуация, каждый конфликт, каждое взаимодействие нужно рассматривать в особом порядке. Следовательно, отличаться будут и способы управления процессами. Различные этнические группы в этнической идентификации и консолидации используют дифференцированные ценности консолидации, коренные и существенные формы идентичности могут быть различны. Хотя, безусловно, должны быть определены ориентиры, «стандарты» политики идентичности, выработанный понятный на государственном и муниципальном уровнях управления комплекс мер»*. Более того, политологи предупреждают, *«нужно всегда помнить»*, что реализация политики идентичности несет *«в себе определенные риски, связанные с непредсказуемым и, возможно, довольно остро воспринятым необходимыми изменениями со стороны как местных политических элит, так и местного населения, среди большей части которого за многие десятилетия уже успела сформироваться очень крепкая по своему характеру регионально-этническая идентичность»*. Эксперты убеждены, что *«разумное*

применение политики идентичности будет способствовать» дальнейшей *«интеграции северокавказских республик в общероссийское социокультурное пространство»* и как результат – реальной стабилизации этнополитических процессов на Северном Кавказе.

Выводы. В ходе экспертного опроса было установлено, что, во-первых, на Северном Кавказе сохраняет свою актуальность политизированная этничность как источник этнополитической напряженности и конфликтов. Во-вторых, материализация государственной политики идентичности, с одной стороны, привела к определенным положительным изменениям, способствующим деполитизации этничности, с другой стороны, показала ее непродуманность и непоследовательность, а, значит, обязательность корректировки.

Список литературы

1. Мишустин считает, что у СКФО есть потенциал по развитию туризма, АПК и промышленности // ТАСС. 2021. 26 ноября. URL: https://tass.ru/ekonomika/13034921?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 05.03.2022).
2. Аствацатурова М.А. Позитивы и проблемы государственной национальной политики РФ в Северо-Кавказском федеральном округе // Республиканские общественно-политические Гусаевские чтения: сборник материалов конференции. Махачкала: Изд-во Мин-ва по национальной политике и делам религий Республики Дагестан, 2021. С. 40-49.
3. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в конфликтах на Северном Кавказе: тенденции третьего десятилетия XXI века // Конфликтология. 2021. Т. 16. № 2. С. 81-93.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Дан-Чин-Ю Е.Ю.

Кандидат политических наук

Российский университет транспорта (МИИТ), доцент

E-mail: danchinyuelena@yandex.ru

Аннотация. Важнейшим фактором формирования молодежи как устойчивой группы выступает молодежная политика государства. Создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитие потенциала молодежи и его использование в интересах инновационного развития страны – цели, которым служит реализация молодежной политики на территории Российской Федерации. Поддержка молодежных инициатив и деятельности молодежных объединений являются важнейшей сферой молодежной политики. В данной статье описаны универсальные принципы оценки эффективности молодежных социальных проектов. Ключевая задача оценки социального проектирования состоит в улучшении процесса, который позволит разработать качественный продукт в форме социального проекта.

Ключевые слова: Молодежная политика, молодежь, социальное проектирование, механизм оценки эффективности, молодежные инициативы.

THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL PROJECTS AS A STRATEGIC DIRECTION OF YOUTH POLICY

Dan-Chin-Yu Ye.Yu.

Candidate of Political Sciences

Russian University of Transport (MIIT), Associate Professor

E-mail: danchinyuelena@yandex.ru

Abstract. The most important factor in the formation of youth as a stable group is the youth policy of the state. Creating conditions for successful socialization and effective self-realization of youth, developing the potential of youth and its use in the interests of innovative development of the country are the goals that are served by the implementation of youth policy on the territory of the Russian Federation. Support for youth

initiatives and the activities of youth associations is the most important area of youth policy. This article describes the universal principles of evaluating the effectiveness of youth social projects. The key task of evaluating social design is to improve the process that will allow you to develop a quality product in the form of a social project.

Keywords: Youth policy, youth, social design, efficiency evaluation mechanism, youth initiatives.

Молодежная политика государства является одним из основных направлений развития гражданского общества. Привлечение к решению социально значимых проблем способствуют большей интеграции молодежи в общественно политическое пространство. Сформированный механизм включения молодежи предполагает реализацию молодежных социальных проектов.

Основной целью поддержки молодежных социальных проектов является создание условий и возможностей для успешного социального развития молодежи в результате самореализации ее человеческого потенциала в интересах инновационного социально-экономического развития региона.

Поддержка молодежных социальных проектов происходит на нескольких уровнях: федеральном, региональном, муниципальном.

На Федеральном уровне крупнейшим звеном реализации молодежной политики является Федеральное агентство по делам молодежи. Целью проведения грантовых конкурсов служит повышение конкурентоспособности российской молодежи посредством увеличения числа молодых людей, обладающих набором важнейших компетенций: способностью генерировать инновации, наличием предпринимательских навыков, осознанным и ответственным социальным поведением, активным гражданским участием в общественной жизни, умением управлять проектами, талантливая молодежь в области искусства и культуры. [1]

Ежегодно Федеральное агентство по делам молодежи проводит Всероссийский конкурс молодежных проектов для физических лиц по различным направлениям. Крупнейшим является заочный конкурс, который в 2021 году уже прошел, и 29 апреля подведены итоги и озвучены имена победителей. В 2021 году Всероссийский конкурс молодежных проектов прошел по следующим номинациям:

- Студенческие инициативы;
- Добровольчество;
- Развитие социальных лифтов;
- Инициативы творческой молодежи;

- Патриотическое воспитание;
- Спорт, ЗОЖ, туризм;
- Профилактика негативных проявлений в молодежной среде и межнациональное взаимодействие;
- Укрепление семейных ценностей;
- Молодежные медиа.

От Ярославской области подано 62 проекта физических лиц, 20 из которых явились победителями конкурса с общим выигрышем на сумму 25 800 000 рублей. [2]

Кроме заочного конкурса Федеральным агентством по делам молодежи проводится масштабная форумная кампания, в рамках которой есть возможность очно представить собственный молодежный социальный проект и выиграть на него финансирование. В 2021 году на следующих форумах можно выиграть грант: Молодежный форум «Алтай», Форум молодых деятелей культуры и искусств «Таврида», Межрегиональный молодежный форум «Ладога», Всероссийский Молодежный образовательный форум «Территория смыслов», Молодежный форум «Иволга», Молодежный форум «Утро», Международный молодежный форум «Евразия Global», Всероссийский молодежный патриотический слет «ОстроVa», Молодежный форум «Байкал», Северо-Кавказский молодежный форум «Машук», Молодежный форум «СЕЛИАС», Молодежный форум «Ростов», Всероссийский форум «серебряных» добровольцев, Всероссийский научно-образовательный форум по профилактике социально-негативных явлений в молодежной среде «Социальный десант», Форум «Сильные идеи для нового времени», «Всероссийский фестиваль добровольчества в сфере студенческого спорта и здорового образа жизни «Формула жизни», Фестиваль фестивалей «ART – Таврида»

На региональном уровне все задачи по поддержке молодежных социальных проектов Ярославской области решаются областными законодательными и исполнительными органами государственной власти Ярославской области, федеральными и региональными общественными объединениями и некоммерческими организациями, образовательными учреждениями федерального и регионального подчинения. Организационную основу

В постановлении Правительства Ярославской области от 28 апреля 2016 года N 513-п «Об утверждении региональной программы «Государственная поддержка гражданских инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций в Ярославской

области» на 2016 - 2020 годы» (с изменениями на 30 декабря 2020 года) говорится о механизмах поддержки молодежных социальных проектов. Однако, стоит заметить, что поддержка на правительственном уровне осуществляется только социально-ориентированным общественным организациям и молодежным, и детским общественным объединениям, входящим в реестр детских и молодежных общественных объединений Ярославской области. То есть активному гражданину для получения государственной региональной финансовой поддержки необходимо был включенным в деятельность одной из организаций.

Следующие конкурсы проводятся для молодежных и детских общественных объединений, а также социально-ориентированных некоммерческих организаций:

- конкурс программ (проектов) СО НКО в сфере молодежной политики;
- конкурс проектов СО НКО в сфере духовно-нравственного и патриотического воспитания

С 2014 года в Ярославской области проводится конкурс муниципальных программ поддержки СОНКО. Администрациям муниципальных образований Ярославской области, победившим в данном конкурсе, предоставляются субсидии из областного бюджета на реализацию муниципальных программ поддержки СОНКО. Например, в Ярославском муниципальном районе проводится конкурсный отбор социально ориентированных некоммерческих организаций (в 2020 году Постановление Администрации Ярославского муниципального района от 22.07.2020 №1255). По итогам конкурса 4 муниципальным общественным организациям выделено финансирование на молодежные социальные проекты общим объемом 339 888 рублей [3].

Для повышения уровня реализации молодежных социальных проектов, необходимо отслеживать качество проводимых проектов, а для этого важной задачей становится оценка эффективности социальных проектов как результатов социального проектирования [4, с.182]. Социальное проектирование является особым видом инновационной полифункциональной деятельности, посредством которой вносятся позитивные изменения в развитие социума, перестраивается система организации социальной работы [5, с. 6]. Ключевая задача оценки социального проектирования — улучшить процесс, который позволит разработать качественный продукт в форме социального проекта, ключевая задача оценки социального проекта — улучшить сам продукт.

Существует несколько подходов к определению социального эффекта. В общем виде социальный эффект реализации проекта – это эффект, относящийся к «широкому спектру неэкономических результатов, влияющих на благополучие людей и сообществ, социальный капитал и окружающую среду» [6, с. 26]. Представления о социальном эффекте помогают повысить управленческую и производственную эффективность. Полученные данные служат мотивацией для сотрудников, являются важным фактором при привлечении новых участников в проект. Знания социального эффекта облегчают взаимодействие с органами государственной власти, дают возможность оправдать затраченные средства на проект.

Формирование адекватного механизма оценки эффективности невозможно без правильного подбора, точной формулировки показателей эффективности. Показатели эффективности играют важную роль в качестве ключевого показателя эффективности проекта в отношении выявленных, требуемых и согласованных стратегических целей. Без ключевых показателей эффективности невозможно определение успеха проектов.

В оценке эффективности молодежных социальных проектов важным звеном является не только эффективность, но и оценка проектов. Эффективность проекта – это получение максимально возможной пользы имеющимися ресурсами, а также соответствие документа требованиям оформления проекта.

Основными определениями понятия оценки являются: количественная величина, характеризующая потенциальную эффективность проекта при его реализации, необходимая для выявления наиболее эффективных проектов, претендующих на получение государственной финансовой поддержки; процесс определения этой величины экспертом по установленным критериям по итогам экспертизы проекта; деятельность по обеспечению условий реализации процесса определения оценки как величины.

Оценивание проектов происходит по базовым принципам:

– принцип прогрессивности – ориентация критериев и требований оценивания на передовые достижения отечественной и мировой практики в области социального проектирования;

– принцип открытости или прозрачности – все показатели, критерии, процедуры оценивания должны быть заранее известны всем субъектам оценивания, а также стейкхолдерам;

– принцип объективности – в процессе оценивания необходимо опираться на оценочную базу, методы, средства, технологии, которые

способны обеспечить максимальную объективность получаемых выводов и заключений;

– принцип позитивного стимулирования – процесс и результат оценивания призваны служить стимулированию профессионального развития разработчиков проекта, мотивации обеспечения качества реализуемых социальных проектов и программ;

– принцип добровольности – субъекты оценивания добровольно принимают решение об участии в процессе оценивания;

– принцип компетентности – оценивание должно осуществляться субъектами, имеющими высокий уровень профессиональной компетентности в области социального проектирования, с привлечением обученных и сертифицированных экспертов и использованием современных научно обоснованных методов;

– принцип независимости – привлечение к оцениванию качества социальных проектов независимых экспертов;

– Вышеизложенные подходы и принципы являются универсальным инструментом оценки молодежных проектов, хотя существуют особенности при оценке проектов различными грантодателями.

Список литературы

1. Об агентстве — Росмолодежь [Электронный ресурс] - fadm.gov.ru
2. Российская Федерация. Законы. Приказ Федерального агентства по делам молодежи от 29 апреля 2021 года №137 «Об утверждении списка победителей Всероссийского конкурса молодежных проектов среди физических лиц в рамках заочного конкурса и молодежных образовательных форумов в 2021 году.
3. Российская Федерация. Законы. Постановление Администрации Ярославского муниципального района от 13.10.2020 №1726 «О предоставлении субсидий организациям - победителям конкурсного отбора социально ориентированных некоммерческих организаций в 2020 году»
4. Гарашкина Н. В. Дидактическое проектирование подготовки специалистов социальной работы в вузе: автореф. дис. докт. пед. наук. Тамбов, 2004.
5. Социальное проектирование в образовании и практике социальной работы: учеб. пособие / А. В. Старшинова и

др.; [под общ. ред. А. В. Старшиновой]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 6.

6. Рождественская Н.В., Богуславская С.Б., Боброва О.С.: Оценка эффективности проектов некоммерческих организаций, социального предпринимательства и гражданских инициатив.—СПб: Издательство Политехнического университета, 2016. С. 26.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ИНДИЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Дас Прити

*Доктор философских наук
Университет им.Джавахарлала Неру, доцент,
г.Нью-Дели, Индия*

Аннотация. Целью статьи является освещение ключевых проблем индийско-российского стратегического партнерства и выдвижение подходов к активизации сотрудничества между двумя странами. Во время глобального кризиса страны встали на сторону друг друга. Недавнее сбалансированное заявление Индии в Совете Безопасности ООН приветствовало посольство России. Во время нынешнего кризиса обе страны считают, что любого шага, который усиливает напряженность, лучше всего избежать. Статья является попыткой критически оценить нынешнюю ситуацию.

Ключевые слова: Россия-Индия, стратегические отношения, международная политика, культура.

STRATEGIC DEVELOPMENT PRIORITIES: INDIA – RUSSIA RELATIONS

Das Preeti D.

*PHD
Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India*

Abstract. The article aims to highlight key concerns of India-Russia strategic partnership and puts forward the approaches to enhance the cooperation between the two countries. At the time of global crisis the countries have stood in support of the other. Recently India's balanced

statement at the United Nations Security Council was welcomed by the Russian Embassy. At the time of present crisis both countries believe that any step that increase tension may best be avoided. The paper is an attempt to critically evaluate the present situation.

Key words: Russia – India, Strategic Relations, Foreign policy, Culture.

Многовековые российско-индийские отношения стали играть решающую роль на международной арене. Их геополитическое значение можно считать уникальным в глобальном масштабе. Если Индия ценит политическую, а также дипломатическую поддержку, которую ей оказывает Россия, то Россия ценит Индию как одного из самых надежных партнеров. Уникальность индийско-российских отношений заключается в том, что они выделялись не на каком-то определенном этапе развития человеческой цивилизации, но они были уникальными на различных этапах мирового развития. Во время возникновения новых стратегий, моделей взаимодействия и изменений в политике суверенных государств в результате глобальной трансформации международной системы конца 80-х начала 90-х годов прошлого века, темпы индийско-российских взаимоотношений немного замедлились в политической и экономической сферах, но в сфере культуры они продолжались на таком же глубоком уровне, как и прежде.

Начиная с разрушения биполярной системы формат международных отношений постоянно изменялся, что привело к возникновению новых форм организации мирового порядка. В частности, новейшие события продолжают постоянно добавлять всё новые очертания в дискуссию о новом формате будущего мироустройства. Если характеристикой бывшего миропорядка (После распада СССР) можно считать смягчение идеологического противостояния и усиление технологического и финансово-экономического факторов, то позиция по отношению к изоляции России или, наоборот, к поддержке России, будет иметь влияние на будущий мировой порядок. Спецоперация России заставила переосмыслить заново в мировом масштабе характер и особенности взаимодействия конкретного государства с мировыми финансово-промышленными группами и корпорациями, технологическую адаптивность, а также отношения с Европейскими странами.

Новейшие события не только повлияли на смену внутренне- и внешнеполитических стратегий государств в глобальном и региональном измерениях, но также оказали воздействие на характер

двусторонних отношений. Состояние взаимоотношений между Республикой Индия и Российской Федерацией в последнее время были в центре внимания, и это важно, так как после распада Советского Союза отношения Индии с Европейским Союзом и США существенно изменились. Эффективность, взаимовыгодность и будущее индийско-российских отношений зависит от того, насколько успешно будут согласованы национальные интересы двух стран.

Индия прошла непростой путь развития с момента обретения независимости. Этот путь можно кратко описать как конструирование современной политико-правовой модели в условиях глобализирующегося мира, с опорой на традиционную социокультурную парадигму, свойственную индийской цивилизации. Политика неприсоединения ни к одному из двух противоборствующих идеологических лагерей как альтернативный проект продолжается и сегодня, когда Индия решила воздержаться в ООН при голосовании по резолюции, направленной против России.

В рамках биполярной системы Республика Индия сумела не просто сохранить международную субъектность, но и значительно усилила свое влияние в мире. И главный вопрос, который возникает сейчас - сможет ли Индия сохранить свои позиции, и если да, то как долго? С одной стороны, индийское государство планомерно и успешно продвигается к мировому лидерству, но в то же время, в ситуации пандемии, глобального экономического кризиса, роста влияния правой философии в Индии с её традиционным укладом жизни, обострилась ситуация в сфере экономики, фиксируется высокий уровень безработицы, наблюдаются проблемы в сфере здравоохранения.

Если за годы независимости Индия смогла создать, в том числе и с помощью СССР, базовые отрасли промышленности, далеко продвинуться в социально-экономическом и научно-техническом развитии, то переформатирование мировой системы конца 80-х начала 90-х гг. Индия встретила серьезными внутренними изменениями в политической, экономической и культурной жизни общества.

Разразившийся глубокий внутренний финансовый кризис 1991-го года как результат глобальных кризисных явлений и, одновременно, внутренних противоречий разного уровня и характера, повлек за собой не просто корректировку внутренней социально-экономической политики, но и существенное переосмысление ключевых положений внешнеэкономической стратегии, а вместе с этим, пересмотр приоритетов во внешнеполитической деятельности.

Политика диверсификации, начиная с 1991-го года изменила отношения Индии с западными странами. Хотя объявленный в середине 1991 г. пакет реформ не менял принципиальных основ действовавшей в Индии экономической модели, сохраняя приоритет роста, а также взаимодействие государственного и частного сектора. Несмотря на ранее провозглашенное стратегическое партнёрство, Индия и Россия продолжали занимать далеко не главные места во внешней политике и экономическом сотрудничестве двух стран.

Эта проблемная для двух стран тенденция начала меняться только с 2014-го года. В новых геополитических условиях, в которых оказалась Российская Федерация, существующая модель индийско-российского взаимодействия во многом себя исчерпала, что поставило на повестку дня вопрос о новой динамике стратегического партнёрства и его конкретном содержании, особенно с учетом слабой экономической базы взаимодействия двух стран.

Несмотря на то, что к 2025-му году Индия и Россия планируют поднять товарооборот между странами до 25 млрд. долларов в год и продолжают переговоры по соглашению о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Республикой Индия, в 2014-2019 гг. не произошло существенного усиления экономических связей.

Наряду с этим, также осуществлялись и продолжают осуществляться общегосударственные программы развития инфраструктуры, активно разрабатываются Программы развития страны с учетом целей устойчивого развития, декларируемых ООН, эффективно реализуются стратегии и планы, разработанные с привлечением экспертов и принимаемые после широких общественных обсуждений.

На фоне Движения неприсоединения Индия продвинулась в поиске иных форматов и стратегий защиты и продвижения национальных интересов и укрепления своих международных позиций. При этом важным вопросом для Индии является вопрос о том, каковы будут стратегические приоритеты Российско-Индийских отношений в будущем?

Россия была и остаётся самым надёжным партнёром Индии, но специалисты обсуждают вопрос о том, что, если война продолжится долго, Индия должна будет принять какую-то сторону. Какой выбор у Индии есть? Исторический опыт Ирака, Афганистана, показывает, какую судьбу имели страны, оказавшиеся между двумя великими державами. При этом следует учитывать, что Индия всегда имела не

только дружеские отношения с Россией, но и намного более глубокие отношения, чем с любыми другими странами.

Также следует заметить, что США пока не ввели санкции против Индии, так как не хотят оттолкнуть Индию в сторону России. Всё вышесказанное позволяет нам утверждать, что сейчас уже пора более чётко формулировать стратегические приоритеты России и Индии в направлении укрепления Российско-Индийских отношений.

Список литературы

1. “Raghavan, P. S., (2016), “*India –Russia Strategic partnership – a mutual Commitment*”, *Indian Foreign Affairs Journal*, October- December, Vol.11, No - 4.
2. Bhatt, A., (2002) “*Indo-Russian Strategic Partnership*”, *the Pioneer*, New Delhi, 5th December 2002.
3. Foshko Katherine, (2011), “*Re-energising the India-Russia Relationship Opportunities and Challenges for the 21st Century*”, *Russia Studies Fellow Geoeconomics Studies*, Gateway House Research Paper No. 3, September 2011.
4. Gidadhubli, R.G. (2001), “*Indo-Russian Economic Relations: Challenges and Opportunities*”, in Shams-Ud-Din (eds.), *India and Russia: Towards Strategic Partnership*, New Delhi: Lancer’s Book.
5. Kundu, N. D. (2008), “*Basic Trends of Indo-Russian Strategic Partnership during Vladimir Putin’s Presidency*”, in V.D. Chopara (eds) *Significance of Indo-Russian Relations in 21st Century*, Delhi: Kalpaz Publications.
6. Lounev, S. (2008), “*Soviet-Indian Relations (1955-1971): The Birth of Friendship*”, in Dash, P.L and Andrei M. Nazarkin (eds.), *Indo- Russian Diplomatic Relations: Sixty Years of Enduring Legacy*, Delhi: Academic Excellence.

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Донцев С. П.

Кандидат политических наук

*Российский государственный гуманитарный университет,
доцент*

E-mail: dontsev@gmail.com

Аннотация. *межрелигиозные отношения на постсоветском пространстве изучаются в контексте коммуникации между государственными и религиозными институтами. Межрелигиозный диалог рассматривается в его институциональном аспекте в форматах межрелигиозных советов и форумов как на национальном (в пределах одного государства), так и наднациональном уровнях. Анализируется специфика организации межрелигиозных советов как институтов гражданского общества, а также как вспомогательного института при государственных органах. Показаны функции институтов межрелигиозного диалога в общественно-политических процессах на постсоветском пространстве.*

Ключевые слова: *межрелигиозный диалог, государственно-конфессиональные отношения, постсоветское пространство, религиозная политика, религиозные институты.*

INTERRELIGIOUS DIALOGUE IN THE POST-SOVIET SPACE IN THE INSTITUTIONAL DIMENSION

Dontsev S.P.

Russian State University for the Humanities

E-mail: dontsev@gmail.com

Abstract. *interreligious relations in the post-Soviet space are studied in the context of communication between state and religious institutions. Interreligious dialogue is considered in its institutional aspect in the formats of interreligious councils and forums both at the national (within one State) and international levels. The article analyzes the specifics of the organization of interreligious councils as institutions of civil society, as well as as an auxiliary institution under state bodies. The functions and role*

of the institutions of interreligious dialogue in the socio-political processes in the post-Soviet space are shown.

Key words: *interreligious dialogue, state-religious relations, post-Soviet space, religious policy, religious institutions.*

Межрелигиозный диалог в государствах постсоветского пространства характеризуется тем, что выступает в качестве института, определяющего специфику государственно-религиозных отношений в отдельно взятом государстве, он также позволяет согласовывать позиции крупнейших религиозных организаций на международном уровне.

Как правило, исследователи межрелигиозного диалога в постсоветский период отмечают в качестве ключевой причины его появления и последующей институционализации в формате специализированных диалоговых площадок (различных межрелигиозных советов и форумов) - обострение межнациональных и межрелигиозных противоречий в позднесоветский период и в первые годы существования новых независимых государств, следствием чего стало появление постоянно действующих структур с участием духовных лидеров, которым делегировались полномочия по предотвращению данных конфликтов [см., например: 1, с. 177]. Безусловно, миротворческая повестка межрелигиозного диалога весьма заметна. Здесь можно упомянуть традицию межрелигиозных встреч с участием религиозных лидеров России, Армении и Азербайджана по урегулированию карабахского конфликта, традиция проведения которых восходит к 1988 г. Однако помимо миротворческой функции следует обратить внимание также и на другие особенности диалоговых межрелигиозных структур постсоветского пространства. Они, как правило, являются продуцентами традиционалистского дискурса, связанного с защитой традиционных институтов и ценностей. В связи с этим межрелигиозные структуры можно рассматривать как так называемых «нормативных предпринимателей» (*norm entrepreneur*), т.е. акторов, участвующих в продвижении определенных норм. Обычно эти действия рассматриваются в условиях транснациональных режимов управления и, как правило, при поддержке государственных институтов. Как показала К. Штекль, нормативное предпринимательство осуществляется на трех уровнях – продвигателей норм, организационных платформ и государственных деятелей, оказывающих поддержку этим акторам, при этом отмечается, что эти уровни при анализе конкретной ситуации

остаются нередко неразличенными [2, с. 236-237]. Межрелигиозные советы (как на национальном, так и наднациональном уровнях), а также межрелигиозные форумы могут выступать в качестве организационных платформ, на которых религиозные организации выступают в качестве «продвигателей норм».

Еще один аспект работы межрелигиозных форумов и советов заключается в том, что в их повестке могут быть сюжеты, по которым у его участников – религиозных организаций - есть консенсус несмотря на то, что по другим вопросам они могут находиться в состоянии острого конфликта. В данном случае Советы выступают своеобразными группами интересов, оказывающими влияние на религиозную политику государства. Общие интересы религиозного сообщества могут наблюдаться в социальной, экономической и политической сферах несмотря на противоречия между отдельными религиозными организациями. Особенно это показательно на Украине, где Украинская православная церковь Московского Патриархата с момента обретения Украиной независимости находится в состоянии практически полного разрыва формальных отношений с иными православными юрисдикциями страны, но при этом участвует вместе с ними в работе Всеукраинского Совета Церквей и религиозных организаций и выступает соучастником коллективных решений и деклараций Совета, исходящих от лица всего религиозного сообщества Украины. Именно наличие общих проблем, актуальных для всех религиозных организаций Украины, и предопределяет основу для межрелигиозного диалога. К их числу относятся вопросы регулирования деятельности религиозных организаций со стороны государства, регистрации, налогообложения т.п. В остальных государствах, в которых действуют межрелигиозные структуры национального уровня, настолько острых конфликтов между их членами, не наблюдается.

Следует также отметить, что межрелигиозный диалог в государствах постсоветского пространства институализирован, и сформированные диалоговые площадки являются частью институциональной среды, в рамках которой осуществляется коммуникация между государственными и религиозными структурами. В этой коммуникации участвуют государственные институты, отвечающие за реализацию религиозной политики, непосредственно религиозные организации, являющимися как объектами этой политики, так и в ряде случаев - субъектами, а также специализированные межрелигиозные институты, созданные для коммуникации между представителями различных религиозных

структур. Данные структуры могут иметь различный правовой статус. Они могут быть исключительно институтом гражданского общества и именно в этом качестве осуществлять коммуникацию с государством. В этом случае у них нет никаких формальных связей с государственными институтами, они существуют автономно от них, но могут вступать с ними в какие-либо партнерские отношения, выступать с инициативами, обращенными к государственным органам и т.п. Примерами таких институтов является Межрелигиозный Совет России, работающий как общественная организация, и Всеукраинский Совет Церквей, зарегистрированный как общественный союз. С другой стороны, существуют межрелигиозные институты, создание которых инициировано государством и/или которые являются консультативно-совещательными органами при структурах исполнительной и законодательной власти. Например, в Беларуси Консультативный межконфессиональный совет действует при Уполномоченном по делам религий и национальностей – основном государственном институте, разрабатывающим и реализующим государственную политику в этноконфессиональной сфере [3]. В Кыргызстане именно по инициативе государства в 2016 г. был создан первый межрелигиозный совет. В Казахстане при поддержке Министерства информации и общественного развития на ежеквартальной основе действует Собрание представителей религиозных объединений, целью которого является продвижение казахстанской модели межконфессионального согласия [4]. При этом консультативные межрелигиозные советы при государственных органах могут существовать одновременно с советами, являющимися частью гражданского общества. Например, в России, помимо уже упомянутого Межрелигиозного Совета, существует Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте, персональный состав которого формируется Администрацией президента. Изначально в нем помимо представителей религиозных организаций были также, и представители федеральных министерств и ведомств из-за чего он отчасти дублировал функции правительственной Комиссии по вопросам религиозных объединений, однако в 2001 г., он был реформирован, и в нем остались только религиозные деятели и в значительно меньшем количестве члены экспертного сообщества.

Представительство в Советах также весьма различно. Некоторые из них включают только наиболее крупные и влиятельные религиозные организации (так, в высший орган управления Межрелигиозного Совета России - Президиум Совета входят главы

только восьми религиозных организаций, представляющих традиционные религии страны, упомянутые в преамбуле закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» [5]. В Кыргызстане Межрелигиозный Совет, включает в себя только лидеров мусульманских, христианских, еврейских и буддистских общин. Иной принцип формирования предполагает включение в подобные Советы максимальное количество зарегистрированных религиозных объединений. Так, в украинском Совете состоят 15 церквей и религиозных организаций и 1 межцерковная организация, что представляет более 95% всех религиозных организаций Украины [6]. В межрелигиозных объединениях, создание которых инициируется государством, представлены именно те религиозные объединения, которые государство видит в качестве партнеров, и это представительство может быть достаточно релевантным реальной религиозной ситуации в стране. Так, в Белоруссии в Консультативном межконфессиональном совете присутствуют представители 16 наиболее значимых белорусских религиозных организаций [7].

На постсоветском пространстве особое значение имеют также структуры наднационального уровня, обеспечивающие межрелигиозное сотрудничество. Первой такой масштабной площадкой, объединившей более 300 участников, представляющих традиционные религиозные общины всех стран СНГ, стал 1-й Межрелигиозный миротворческий форум, прошедший в ноябре 2000 г. в Москве. Инициатором его проведения стал Межрелигиозный совет России. Безусловно межконфессиональный диалог шел и ранее, но преимущественно в форматах различных конференций, а также в рамках существующих на постсоветском пространстве авторитетных межконфессиональных диалоговых площадок (например, в созданном в 1993 г. Христианском межконфессиональном консультативном комитете стран СНГ и Балтии), однако межрелигиозные коммуникации осуществлялись в основном только в форматах встреч отдельных религиозных лидеров. Таких же масштабных площадок межрелигиозного диалога как Межрелигиозный миротворческий форум на постсоветском пространстве ранее не было. На 2-м Межрелигиозном миротворческом форуме в 2004 г. был учрежден Межрелигиозный совет СНГ (учредителями стали 14 религиозных организаций, из них восемь исламских структур, две православных церкви - Русская и Грузинская (Грузия вышла из состава СНГ в 2009 г.), две иудейских структуры, Армянская Апостольская Церковь и Буддийская традиционная сангха России). Совет создавался как площадка выработки единой позиции традиционных религиозных

организаций на вызовы современности, но его основное значение представляется в реализации символической функции демонстрации опыта мирного сосуществования и взаимодействия традиционных религий. Из международных площадок, на которых осуществлялся диалог религиозных лидеров постсоветского пространства также следует отметить Всемирные саммиты религиозных лидеров, проходившие в 2006 г. в Москве, в 2010 г. в Баку и в 2013 г. в Ереване, а также Съезды лидеров мировых и традиционных религий, проходящие в Казахстане при поддержке президента и правительства Казахстана и ставшие важным элементом евразийской интеграции. Если говорить о форматах межрелигиозного диалога на этих площадках, то его можно отнести к т.н. «диалогу-сотрудничеству» или «секулярному диалогу», в котором не затрагиваются вопросы вероучения, не стоит задача установления истины, а делается акцент на разрешении каких-либо общих проблем и утверждении общих ценностей [8, с.7], по классификации же В. Мельника данный диалог попадает в категорию «партнерский», причем из всех сфер совместной деятельности доминирует «общество» и «человек» [8, сс. 314-325]. В целом, можно говорить, что институты межрелигиозного диалога на постсоветском пространстве сложились и позволяют реализовывать различные форматы межрелигиозных коммуникаций, однако их субъектность в качестве акторов, оказывающих реальные воздействия на общественно-политические процессы, недостаточна и проявляется в первую очередь в формировании символической подсистемы, демонстрации бесконфликтного сосуществования традиционных религий.

Список литературы

1. Силантьев Р. А. Исламо-христианский диалог в новейший период // Вопросы философии. - 2010. - № 9. С.177-183.
2. Штёкль К. Постсекулярные конфликты и глобальная борьба за традиционные ценности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. - 2016. - №4. - С. 222–240.
3. Положения об Уполномоченном по делам религий и национальностей и его аппарате / Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2006 г. № 891. URL: <https://belarus21.by/Articles/1417433557> (дата обращения: 20.04.2022).

4. Комитет по делам религий Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан / Взаимодействие с религиозными объединениями. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/din/activities/1071?lang=ru&parentId=141> (дата обращения: 20.04.2022).
5. Межрелигиозный Совет России. Официальный сайт. URL: <http://interreligious.ru/about/> (дата обращения: 20.04.2022).
6. Всеукраинский Совет Церквей и религиозных организаций. Официальный сайт. URL: <https://vrciro.org.ua/ru/council/info> (дата обращения: 20.04.2022).
7. Состав Консультативного межконфессионального совета при Уполномоченном по делам религий и национальностей. URL: https://belarus21.by/Articles/kon_kos_sostav (дата обращения: 20.04.2022).
8. Шмидт В.В., Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: принципы организации и опыт (к 15-летию Межрелигиозного совета России) // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2014. – №2(25). – С. 5-31.
9. Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации : монография / С.В. Мельник ; РАН. ИНИОН, Отд. философии ; отв. ред. Хлебников Г.В. – Москва, 2022. – 398 с.

ГРУППОВОЕ ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ В ВУЗЕ И РАЗВИТИЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Зиновьева В.И.

*Кандидат исторических наук
ФБГОУ ВО Томский государственный университет систем
управления и радиоэлектроники,
старший научный сотрудник НОЦ ИСР
E-mail: valentina.i.zinoveva@tusur.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема формирования инклюзивной культуры в вузовской среде. Обращается внимание на традиции, заложенные в ментальности общества еще с

дореволюционного периода, стремление оказать помощь нуждающимся людям без извлечения собственной выгоды. Государственная поддержка инвалидов, коллективизм и уравнительность советской эпохи сформировали осознание единства всего общества. Формирование инклюзивной культуры в высших образовательных учреждениях, выравнивания прав лиц с ограниченными возможностями на современном этапе могут быть реализованы через развитие группового проектного обучения в вузе, которое ведет к росту активности и инициативы студентов в различных массовых мероприятиях, появлению новых личностных смыслов в среде молодежи. В статье дается характеристика деятельности проектных групп в рамках инклюзии на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

Ключевые слова: инклюзивная культура, групповое обучение на основе проектов, инвалиды.

GROUP PROJECT-BASED LEARNING AT THE UNIVERSITY AND THE DEVELOPMENT OF AN INCLUSIVE CULTURE

Zinovieva V. I.

Candidate of Historical Sciences

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR), Senior Researcher at the Scientific and Educational Center of the Department of History and Social Work

valentina.i.zinoveva@tusur.ru

Abstract. *The problem of the creation of an inclusive culture in the university environment is considered. The author draws the attention to the traditions embedded in the mentality of society since the pre-revolutionary period, the desire to help people in need without deriving the benefit. State support for the disabled persons, collectivism and equalization of the Soviet era formed an awareness of the unity of the whole society. The creation of an inclusive culture in higher educational institutions, as well as the alignment of the rights of persons with special needs, can be implemented through the development of group project-based learning. This form of learning is associated with an increase in the activity and initiative of students in various mass events that affect new personal meanings among young people. The article gives a description of the activities of project*

teams within the framework of inclusion on the example of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.

Key words: *Inclusive culture, group project-based learning, disabled persons.*

Инклюзивная культура выступает как часть общенациональной культуры населения любой страны в контексте формулирования отношения к социальной группе инвалидов и реализуется в формировании устойчивых стереотипов поведения. В ее основе ментальные ценности, традиции, психологический склад характера народа, его самосознание. Современные авторы определяют признание инклюзии ценностным фактором культуры. Так, И.М. Яковлева рассматривает вариативность подготовки педагогических кадров к инклюзивному образованию с точки зрения овладения ими «системой определенных ценностей, важных для взаимодействия, обучения и воспитания человека» [1, с. 371-374]. Практика преодоления социальных барьеров и формирование новых личностных смыслов рассматривается в статье Е.В. Александровой [2, с. 15-16]. Н.Ю. Моргалева анализирует роль активности в структурной организации субъективности личности для достижения системной целостности человека [3, с. 40-49]. Основы проектного обучения и фактор инклюзии рассматривают в своей работе Берсенев М. В., Мусабиров И. Л. [4, с.188-191]. Цель данной работы: рассмотреть ресурс группового проектного обучения в формировании инклюзивной культуры на примере одного из вузов – Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР).

С древнейших времен известно, что в России, подавая нищему по общественным представлениям, человек спасал свою душу. Общество протестовало против запрета подаяний во времена Петра I, несмотря на серьезные штрафы и наказания. К началу XX в. в идеологии буржуазной элиты общества в особенности, вышедшей из числа старообрядцев, также сильны были идеи возврата долга народу через благотворительность и меценатство.

В советский период истории была создана система социального обеспечения, выделены группы людей с инвалидностью, для них были установлены пенсии и оказывалась помощь в трудоустройстве. К настоящему времени в российском обществе большинство людей на ментальном уровне готово оказывать помощь этим людям. Однако на современном этапе недостаточно рассматривать инвалидов, как беспомощных людей, которым нужна преимущественно социально-

бытовая помощь. Перед обществом стоит задача включения их в общую жизнедеятельность на условиях равноправия. Это означает, что сегодня им нужно повышать образовательный уровень, развивать профессиональные компетенции и это наиболее актуально именно в молодом возрасте. Завершение перехода к инклюзивному образованию на современном этапе становится принципом деятельности образовательных учреждений и фактором новой культуры.

Одним из проводников инклюзии в вузе является групповое проектное обучение. Проект (в переводе – брошенный вперед), по мнению В. Лукова, это «мыслительная конструкция какого-нибудь изменения, которое заранее спланировано» [5, с. 35]. В академических группах ТУСУРа лучшие студенты формирует проектные группы. Вместе с научным руководителем они в течение 4-х семестров выполняют последовательно этапы проекта: 1) аналитический (поиск информации, обоснование проблем, определение ресурсов); 2) исследовательский (социологические исследования, психологические методики); 3) апробация полученных результатов (практическая социальная работа); 4) – презентация полученных результатов. В рамках темы «инклюзивное образование» в ТУСУРе студентами было выполнено несколько проектов: по проблемам социальной адаптации лиц с инвалидностью, сопровождения их в образовательном процессе, интеграции их в социально-активную деятельность и т.п. Работа в проектных группах требует написания студентами статей, выступлений на конференциях, а также – освоения методов практической социальной работы: индивидуального, группового и работы в микросоциальной среде. Групповая работа проводится обычно с немногочисленной аудиторией, к примеру, на заседаниях киноклуба совместно обсуждаются просмотренные фильмы не инвалидами и молодыми людьми с инвалидностью. При проведении мероприятий в микросоциальной среде вуза устраиваются информационные площадки с викторинами и интерактивные встречи на территории различных учебных корпусов. Так, практически неизвестная в вузе тема в ТУСУРе стала обсуждаться, т.е. в соответствии с теорией социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, начался этап перехода к новому социальному знанию, которое формируется на основе совместного обсуждения проблем и приводит к новой реальности, «люди создают человеческую окружающую среду во всей совокупности ее социокультурных и психологических образований» [6, с. 86].

Тема инклюзии в рамках проектного обучения способствует развитию морально-нравственных установок. Практика прямого взаимодействия дает жизненный опыт, студенты приобретают умение управлять групповой динамикой, проявлять поддержку. У них формируется интернальность, как способность брать на себя ответственность за поступки и эмпатия, как способность поставить себя на место другого человека, находящегося в неблагоприятной ситуации.

В 2021-22 учебном году в академических группах студентов ТУСУРа был проведен анкетный опрос по методике, предложенной Н.П. Фетискиным, В.В. Козловым и Г.М. Мануйловым [7] по диагностике коммуникативной социальной компетентности (КСК). Гипотезой исследования было предположение, что у студентов, в целом, сформированы основы коммуникативной социальной компетентности. На основе полученных результатов было выявлено, что по фактору общительности («А») высокие показатели – (16 - 20 баллов) имеют 12 человек; а также были выявлены те, у которых общительность преобладает над замкнутостью -26 чел. Кроме того, к этой группе оказались близки те, кто в меру открыт, в меру замкнут, их было 46 человек. Таким образом, 84 студента (83% от числа всех принявших участие в исследовании) показали высокий и средний уровень общительности, что подтверждает достаточную основу для социального взаимодействия, принятия идей инклюзии и формирования инклюзивной культуры.

Формирование инклюзии в контексте выравнивания прав лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья становится одной из культурных ценностей общества. Проектная деятельность в университетах в тех или иных формах является привлекательной для студентов, способствует их социальной активности, росту ответственности, распространению принципов инклюзии и нового социального знания в обществе.

Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука» FEWM-2020-0036.

Список литературы

1. Яковлева И.М. Вариативность подготовки педагогических кадров к инклюзивному образованию // Инклюзивное образование и общество: стратегии, практики, ресурсы. Материалы VI Международной научно-практической конференции (Москва, 20-21 октября 2021 г.) /гл. ред. С.В.

- Алехина; ред. совет Е.Н. Кутепова, Е.В. Самсонова. – М.: МГППУ, 2021. 376 с.
2. Александрова Е.В. Основные социальные барьеры и их взаимосвязь с моделями инвалидности в современном российском обществе /Человек. Общество Инклюзия. 2017. № 3. С. 15-16.
 3. Моргалева Н.Ю. Активность и ее роль в структурной организации субъективности личности // Психология обучения. 2015. №2. С. 40-49.
 4. Берсенев М. В., Мусабилов И. Л. Центр сопровождения студентов с инвалидностью как проектный офис: основные практики и рекомендации // Вестник Томского гос. ун-та. Серия История. 2011. № 3 (15). С. 188–191.
 5. Луков В.А. Социальное проектирование: учеб. пособие. – 7-е изд., - М.: Изд-во Московского гуманитарного университета: Флинта, 2007. 240 с.
 6. Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Московский философский фонд,
 7. «Akademia-Центр», «Медиум», 1995. 322 с.
 8. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.В. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во института психотерапии. 2009. 544 с.

**КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ
ИДЕНТИФИКАЦИИ FAKE NEW И СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ
В УСЛОВИЯХ VUCA-МИРА**

Иванкина Л.И.

Доктор философских наук

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, профессор

E-mail: ivankina@tpu.ru

***Аннотация.** В статье анализируется критическое мышление как способ восприятия информации и организации знаний, обеспечивающий идентификацию воспринятого и реального. Критически мыслить означает осознанно работать с информацией, подвергая ее сомнению, проверяя на объективность и соответствие*

реальности. Обоснована потребность современного человека в условиях интегрирования виртуального контента в реальный мир, усложняющего оценку объективности сообщения, в критическом анализе, в развитии и совершенствовании навыков критического мышления с целью их корректного применения для верификации соответствия или не соответствия информационного онлайн-сообщения действительности. Навыки критического мышления являются ментальным инструментом аналитического мониторинга информационных продуктов, создаваемых в виртуальной среде. Показана связь намеренной, осознанной когнитивной активности со способностью распознавать, обозначать и решать проблемные задачи, закрепляющейся в стиле работы с информацией – в индивидуальной информационной инфраструктуре. Сделан вывод, что высокий интеллектуальный потенциал не является гарантом чувствительности к проблемным ситуациям.

***Ключевые слова:** критическое мышление, виртуальная реальность, реальность, идентификация, информационный фейк, информационная стрессоустойчивость.*

**RITICAL THINKING AS A FAKE NEW IDENTIFICATION
TOOL AND A WAY TO INCREASE INFORMATION STRESS
TOLERANCE IN THE VUCA WORLD**

Ivankina L.I.

DSc

National Research Tomsk Polytechnic University, Professor

E-mail: ivankina@tpu.ru

***Abstract.** The article analyzes critical thinking as a way of perceiving information and organizing knowledge, providing the identification of perceived and real. To think critically means to work consciously with information, questioning it, checking for objectivity and compliance with reality. The need of a modern person in the conditions of integrating virtual content into the real world, complicating the assessment of the objectivity of the message, in critical analysis, in the development and improvement of critical thinking skills in order to correctly apply them to verify the correspondence or non-correspondence of the information online message to reality is substantiated. Critical thinking skills are a mental tool for analytical monitoring of information products created in a virtual environment. The connection of intentional, conscious cognitive activity*

with the ability to recognize, designate and solve problematic tasks is shown, which is fixed in the style of working with information – in an individual information infrastructure. It is concluded that high intellectual potential is not a guarantee of sensitivity to problematic situations.

Key words: *critical thinking, intellectual potential, virtual reality, reality, identification, information fake, information stress tolerance.*

Почему одной из нервирующих проблем современности становится проблема правды-истины, не свидетельствует ли это о том, что внутренняя человеческая природа протестует против насильственной информационной фальсификации, навязывающей определенные формы идентификации, необходимые для функционирования специфических форм ментальности? В современном мире, определяемом аббревиатурой VUCA-мир как неустойчивый (volatility), неопределенный (uncertainty), сложный (complexity), неоднозначный (ambiguity), доминирующей тенденцией становится резко нарастающий неуправляемый информационный поток реальных событий и фактов наряду с вымыслами и намеренной дезинформацией, искажениями и другими формами имитирования истины, в котором ориентироваться можно лишь в состоянии осознанного анализа и размышления и человек еще в большей степени заинтересован в объективности картины мира, ее верификации – как такое возможно и возможно ли?

Современный человек, вовлеченный в систему сетей интернет-сообществ как особый тип виртуального сетевого субъекта, формируется в формате новых параметров культуры, которую М. Кастельс определил как культуру виртуальной реальности, «пространство потоков и вневременное время, ...где выдуманный мир есть выдумка в процессе своего создания» [1, с. 353]. Особенности нового формата информационного пространства, создаваемого мультимедийностью и возможностью мгновенной обратной связи, Ф.Н. Гуров характеризует как шоу-пространство, формируемое по закону соучастия, с отсутствием различий между исполняющим и воспринимающим. «При этом, – отмечает Ф.Н. Гуров, – красочность и эмоциональный посыл оказываются порою важнее смысловых коннотаций. В таком случае информационный продукт не обязан иметь заверченный характер, а вопрос достоверности выносится за скобки. Внутри шоу происходит подмена реальности образами массовой культуры и поп-культуры» [2, с. 10]. В новой информационной реальности, трансформирующей пространство, время, территориальные, культурные, социальные и иные границы, в разы

возрастает актуальность в верификации сообщений и проверке их на соответствие или несоответствие действительности. В разговорной речи и в профессиональном сообществе широкое распространение получил термин информационный фейк (fake news), являющийся плодом воображения, искусственно созданным информационным продуктом. Степень распространения информационных фейков убедительно демонстрирует даже один пример. Летом 2018 г. по инициативе канадской газеты «Toronto Star» журналисты проверили 1,3 млн. слов публично сказанных и написанных Д. Трампом за первые полтора года президентства, и было выявлено 1972 ложных утверждения и 68928 неправдивых слов [3].

Применение информации для производства новой информации в условиях мозаичной культуры (А. Моль) случайных и плохо связанных смысловых пространств становится столь же гуманистически значимым событием, как это было в эпоху Возрождения, вернувшей человеку самого себя, возвращение человека в фокус философствующего дискурса. Почему именно философский дискурс? Прежде всего, по причине метода, способствующего развитию навыков мыслительной деятельности человека разумного, способного к рефлексивному анализу воспринимаемой информации с разных сторон – к сомнению. Склонность к сомнению древние философы называли отличительной особенностью человека любознательного. В философском дискурсе способы и процесс достижения истины (истина – ст.-слав., от греч. alitheia, akriveia – нескрываемость, правда, точность) составляет цель познания, поскольку отражение познающим субъектом предметов и явлений, соответствующее их сущности, и есть истина.

Интерпретация и понимание критического подхода в мыслительных практиках от И. Канта к К. Попперу эволюционировало от обоснования критики как предварительного этапа, необходимого для дальнейшего построения единственно истинной метафизики, к определению критического мышления и критической традиции в качестве ядра всякого рационального мышления [4, с. 29]. Рефлексивно-оценочный компонент критического мышления имеет отношение к смысловому анализу информации, позволяет минимизировать влияние автоматизма когнитивных искажений, производных от дисфункциональных убеждений. Критическая традиция, состоящая в проверке фактической точности и логической последовательности информационного сообщения, включает ответ на ключевой вопрос: насколько информация фактически точна?

Традиция критического мышления, сформировавшаяся в истоках философского дискурса, обновляется и развивается в новом понимании его природы и способов развития, сохраняя, при всем многообразии определений самого понятия [5], базовый компонент: критического мышления – прежде всего, способность размышлять как живое личностное знание происходящего, навык мыслить о смысле, о своем мышлении, о правдивой или ложной информации. Точно и просто сущность критического мышления сформулировал Р.Д. Киплинг в стихотворении «Есть у меня шестерка слуг проворных». Постановка вопросов и поиск ответов на «как», «зачем», «почему», «кто», «что», «когда», «где» и многие, многие другие в полной мере соответствует практикам формирования и применения навыков критического мышления – любознательности, исследовательского интереса, наблюдательности, аналитической гибкости и др. Сегодня система вопросов проверки информации широко применяется в методике «5W+H» (группируются вокруг 5 ключевых вопросов – кто, каковы, где, когда, почему).

Применив понимание критического мышления, данное Д. Халперн, как целенаправленной деятельности [6], его можно в полной мере отнести к целерациональному действию (М. Вебер), поддерживаемому бессознательным (например, рефлекс цели) и осознанным способами. Возможность развития критичности восприятия сигналов имманентно присутствует в инстинкте самосохранения, помогающему человеку делать адекватный сигналу выбор ответа, неразрывно связанному с интеллектом. Опыт жизни, базирующийся в первую очередь на чувстве тела и приспособлении к внешней среде, закрепляется в автоматизме убежденности в естественности чувств, переживаний, правдивости происходящего, помогая действовать и принимать решения стереотипно, по привычке. Но только факта наличия задатка, предрасположенности недостаточно для обработки информации, требуется намеренное развитие навыков мыслительной деятельности. Параллель в необходимости развития критического мышления проведем, используя в качестве аргумента уничтожение книг, о чем повествует Р. Брэдли в романе «451 градус по Фаренгейту» (1953), которым была объявлена война и появилась для этого специальная профессия, закончившаяся потерей не только интереса к чтению, но и способности к размышлению. Так же и с критическим подходом, если воспринимать любую информацию без аналитических фильтров, то отделить истинное от ложного будет невозможно и мысль об этом в принципе не возникнет.

Открытость восприятия формирует критическую традицию проверки фактической точности и ее непротиворечивости.

Индивидуальная умственная картина события строится с учетом ряда параметров. Развитие навыков критического мышления на базовом уровне – на уровне чувства тела, реализуется в адаптируемости человека к жизненным условиям ситуации, в которой он находится, осуществляющей на этом уровне действий субъекта обдуманную поисковую активность ответа на вопрос: принять ее, отвергнуть или отложить действие.

Являясь субъектом восприятия информации, человек не может знать всех деталей, которые могли бы позволить сделать полную оценку фактов, нюансов, крупных и мелких деталей события и т.д. Наличие адекватного понятийного представления о воспринимаемом событии имеет критическое значение, выступая фундаментом для последующих объединений, сокращений, трансформаций информации. Прежде всего, важны особенности распределения внимания, какие элементы оцениваемой ситуации воспринимаются как релевантные. Во-вторых, важен объем времени, затраченного на ознакомление с ситуацией. В-третьих, в какой форме вербального и сенсорного восприятия данная ситуация зафиксирована, и, наконец, какие вопросы человек задает себе и задает ли при ее восприятии.

Критическое мышление развивается в процессе соизмерения, оценивания и выбора, и чтобы данный процесс происходил, требуется наличие определенного знания, как и что включается в мыслительный процесс, не имея представления об этом, сложно тестировать мыслительные особенности и влиять на их параметры в результате мыслительных практик. Репрезентация создается не на пустом месте, а на различных структурах знаний, находящихся в долговременной памяти. Чаще всего, в памяти уже есть готовая схема – алгоритм реагирования. Затруднения восприятия информации связаны с ошибочной или громоздкой формой репрезентации, когда в хаотическом смешении представлений в информации не удается выделить ее релевантные признаки. В условиях нарастающего разнообразия информации, включающей одновременно об одном и том же событии реальные факты и их искажение, принимать решение, не обдумывая и не усомнившись в объективности сообщения, становится признаком интеллектуального слабоумия, для которого характерным является снижение способности устанавливать связи между явлениями, отделять главное от второстепенного.

Развитие навыка критического мышления как интегрированной совокупности сопутствующих навыков, как и любой другой, может

быть измерен по шкале выраженности от низкого к среднему и высокому уровню развития. Низкий уровень данного навыка проявляется в отсутствии сомнений в воспринимаемой информации, восприятие ее как должной, такой, какая и есть, правильной, анализ ее на противоречивость, логичность не проявляется. Низкий уровень критического мышления на распространенном жаргонном языке получило стигму «пипл хавает».

С целью исследования чувствительности к проблемам, способности ее выделить, обозначить и предложить варианты решения у студентов с высоким интеллектуальным потенциалом в ходе тестирования была применена методика Н.Л. Элиавы (специально составленный текст, содержащий противоречие в скрытом виде). В обследовании участвовали студенты 3–5 курсов (всего 166 чел.), обучающиеся в техническом университете одновременно по программам профильной специализации и элитного обучения [7, с. 313]. Была выявлена достоверная связь чувствительности к проблеме со способностью ее обнаружить, обозначить и решить. В зависимости от параметров реагирования были выделены следующие группы [7, с. 315–316]:

1 – способные самостоятельно обнаружить, сформулировать и начать решать проблему (24%);

2 – способные самостоятельно обнаружить и сформулировать проблему, к решению которой приступают при небольшом «толчке» извне (24%);

3 – способные обнаружить проблему и ее решать только после соответствующей инструкции (13%);

4 – при мобилизации активности извне способные обнаружить противоречие и его решать (16%);

5 – неспособные обнаружить проблему даже после соответствующих инструкций и подсказок (21%).

Как показали результаты эмпирического исследования, наличие высокого уровня интеллектуального потенциала не является гарантией применения навыков критического мышления в работе с информацией. В современной информационной среде человеку необходимо формировать собственный алгоритм развития навыков критического мышления, среди которых в качестве базовых – знать и применять методики проверки информации, распознавать искажения, в том числе информационные пузыри (логические несоответствия, манипуляции, подмена понятий и т.п.). Образовательный идеал 21 столетия, включающий четыре задачи-навыка – учиться учиться; учиться делать; учиться жить; учиться жить вместе, необходимо

дополнить пятой задачей – навыком учиться критически мыслить. Мыслить критически означает действовать сверх задач адаптивности, поскольку любое психологическое действие стремится к простому и быстрому завершению, критическое же мышление предполагает стратегию роста и развития для выработки привычки и способности к наблюдательности, чуткости к правдивому и ложному, к сомнению, разумному скептицизму.

Последствия неспособности к систематизации и критическому анализу информации имеют значительный вес в современном информационно-технологизируемом обществе, рождающем спрос на компетенции и навыки критического анализа в восприятии информации. Конкурирующим категории «осознанность» сегодня применяется термин «майндфулнес», означающий способность наблюдать за собой и окружающим миром с интересом и доброжелательностью. Быть открытым новому предполагает любознательность человека, являющуюся, прежде всего, установкой на развитие, характерную для мышления роста.

Важно намеренно формировать критический оценочный ракурс восприятия информации, создавая, практически, когнитивную карту эксперта, которая отличается от когнитивной карты не эксперта по ключевому параметру – учету количества факторов и взаимосвязей. Парадокс эксперта заключается в том, что используемые им когнитивные схемы на практике показывают свою эффективность и постепенно сплавиваются в единый конструкт, который по мере применения становится все более точным и вероятность получения ошибочного ответа снижается.

Критическое мышление не остановит поток фейковой информации, ошибки аргументации и пр., но на индивидуальном уровне анализ информации поможет не вовлекаться в фейки, избегая, тем самым, дополнительных информационных перегрузок – информационного стресса.

Исследование выполнено на базе Томского государственного педагогического университета при финансовой поддержке РФФИ, грант 19-29-07445 мк «Разработка модели когнитивной сферы личности и программного обеспечения для мониторинга когнитивных процессов у обучающихся в полиэтнокультурной образовательной среде».

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Гуров Ф.Н. Опыт социально-философского осмысления проблемы «фейков» и «пузырей фильтров» в сети // Проблемы современного образования. 2019. № 3. С. 9–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-sotsialno-filosofskogo-osmysleniya-problemy-feykov-i-puzyrey-filtrov-v-seti> (дата обращения: 02.02. 2022).
3. Как критическое мышление помогает противостоять манипуляциям. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/603781109a79478051dd8fb7> (дата обращения: 07.02. 2022).
4. Брюшинкин В.Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация: Сборник статей. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 29–30.
5. Ивунина Е.Е. О различных подходах к понятию «критическое мышление» // Молодой ученый. 2009. №11. С.170–174; Сорова Г.В. Критическое мышление: история и современный статус // Вестник Московского ун-та. Сер. 7: Философия. 2003. № 6. С. 98–111.
6. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
7. Иванкина Л.И., Солодовникова О.М. Исследование психологических особенностей студентов с высоким интеллектуальным потенциалом // Общественные науки. 2011. № 3. С. 311–321.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО БРЕНДИНГА

Кнухова Ж.Н.

*Кандидат социологических наук
Карачаево-Черкесский ордена «Знак почёта» институт
гуманитарных исследований при Правительстве КЧР,
ст.н.с. отдела социально-политических исследований
E-mail: jknuhova@yandex.ru*

***Аннотация.** Данная статья рассматривает вопрос сохранения историко-культурного наследия народов Российской Федерации как*

фактор культурного разнообразия и межнационального согласия, выход его на уровень общегосударственной проблемы. Автор полагает, что одним из эффективных способов решения данной проблемы может стать применение маркетингового инструментария – стратегии территориального брендинга, содержащего значительную долю этнокультурного компонента. Подобная деятельность с разной степенью эффективности достаточно широко реализуется сегодня на территории РФ, наиболее активно, согласно средствам массовой информации, - в Ингушетии, Туве, Татарстане и Алтае. Карачаево-Черкесия, как показывает анализ теоретических источников, СМИ, Интернет-ресурсов, в этом отношении находится в числе аутсайдеров. У республики нет на данный момент ни регионального бренда, ни системных практик применения стратегии территориального брендинга, тогда как регион обладает мощным инвестиционным потенциалом, не используемым в данный момент в достаточном объёме. Соответственно, делается вывод о необходимости создания программы формирования и последующего продвижения бренда Карачаево-Черкесской Республики, отражающего всю уникальность территории.

***Ключевые слова:** бренд территории, региональный этнокультурный брендинг, конкурентное преимущество территории.*

ETHNOCULTURAL COMPONENT OF TERRITORIAL BRANDING

Knukhova Zhanna

Ph.D.

*Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Research of the Badge of Honor Order under the Government of the Karachay-Cherkess Republics, Senior Researcher Department of Socio-Political Research
E-mail: jknuhova@yandex.ru*

***Abstract.** This article considers the issue of preserving the historical and cultural heritage of the peoples of the Russian Federation as a factor of cultural diversity and interethnic harmony, its exit to the level of a national problem. The author believes that one of the effective ways to solve this problem can be the use of marketing tools - a territorial branding strategy that contains a significant proportion of the ethno-cultural component.*

Such activities with varying degrees of efficiency are widely implemented today on the territory of the Russian Federation, most actively, according to the media, in Ingushetia, Tuva, Tatarstan and Altai. Karachay-Cherkessia, as the analysis of theoretical sources, media, Internet resources shows, is among the outsiders in this respect. At the moment, the republic does not have either a regional brand or systematic practices for applying the strategy of territorial branding, while the region has a powerful investment potential that is not currently used in sufficient volume. Accordingly, it is concluded that it is necessary to create a program for the formation and subsequent promotion of the brand of the Karachay-Cherkess Republic, reflecting the entire uniqueness of the territory.

Key words: *territory brand, regional ethno-cultural branding, competitive advantage of the territory.*

В условиях конкуренции за привлечение инвесторов и потребителей, при решении задачи реализации экономического курса на «импортозамещение» и на развитие внутреннего туризма, вопрос демонстрации конкурентных преимуществ и уникальности отдельной территориальной единицы с целью занять свою нишу на рынке приобретает все большую остроту. Особенно для тех российских регионов, которые отличаются высоким уровнем дотационности, безработицы и низким уровнем притока инвестиций и объема производства.

Кроме того, вследствие процессов глобализации возникает реальная угроза утери традиционных этнических культур, что особенно актуально в отношении малых народов России, в связи с чем вопрос сохранения историко-культурного наследия народов РФ как фактора культурного разнообразия и межнационального согласия приобретает особую остроту, выходя на уровень общегосударственной проблемы. Это нашло отражение в речи Президента В. Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям в июле 2017г., оценившего «развитие и популяризацию регионами и муниципалитетами своих этнокультурных брендов», как одну из мер эффективной реализации государственной национальной политики [1]. Эта же линия продолжается в объявлении 2022 года Годом культурного наследия народов России [2].

Изначально создание инструментария по привлечению инвестиций, в том числе, через усиление туристической привлекательности территорий, было детерминировано исключительно интересом экономического развития [3; 4]. Однако сегодня эта маркетинговая технология активно применяется и в сфере

культурной политики как практика использования историко-культурных объектов в целях эффективного регионального развития.

В России вопросы брендинга территорий обсуждаются весьма активно. Исходя из полиэтничности и поликультурности российских регионов, приоритетным направлением для РФ является этнокультурный брендинг как результат междисциплинарного подхода социогуманитарных наук (необходимо консолидирование исторических, культурологических, этнологических, социологических, филологических и маркетинговых аспектов брендинга).

Впервые данное понятие появилось в работах академика В. А. Тишкова в рамках идеи формирования, конструирования и маркетингового продвижения этнокультурных образов субъектов Российской Федерации и национальных республик с преобладанием определенного этноса. Эта идея получила развитие и апробацию в проекте под его руководством «Этнокультурный брендинг субъектов Южного федерального округа как ресурс для инновационного развития» (с 2009) в рамках Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» [5-7].

Исследования В.А. Тишкова были активно поддержаны научным сообществом, что подтверждается большим количеством публикаций и научных мероприятий. Самое значимое - комплекс прикладных научных исследований по теме «Научно-методическое обоснование этнокультурного брендинга территорий», проводимых в период с 2018 по 2020 годы коллективом сотрудников Южного филиала «Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева» [8].

Региональный этнокультурный брендинг понимается исследователями как *формирование и продвижение этнокультурных образов, символов, продуктов и событий, отражающих социальную и культурную жизнь конкретной территории*. Это процесс конструирования, позиционирования и продвижения ввне регионального бренда, базирующегося на платформе региональной идентичности, сплачивающей местное сообщество [9].

Основным конкурентным преимуществом территории является ее уникальность, в качестве которой, наряду с природно-географическими характеристиками, выступают ее этнокультурные особенности. Причём степень значимости этнического компонента может различаться в зависимости от той роли, которую этническая составляющая призвана исполнить и от того, насколько население территории солидарно в плане оценки ее исключительности. Так, если

основное назначение этничности - привлечение туристов в регион, она транслируется вовне с целью продемонстрировать неповторимость культурно-исторического потенциала территории. Если же необходимо консолидировать общественность, позиционирование этничности внутри проявляется ровно в той мере, чтобы не допустить разбалансирования межэтнических отношений в рамках регионального сообщества. Чаще всего эти роли этнического компонента в региональном брендинге реализуются параллельно.

С точки зрения того, в какой форме может презентоваться этнический компонент в составе брендинговой стратегии региона, фиксируются следующие направления:

1) производственный брендинг - брендинг места производства товара, когда товар маркируется как произведенный в регионе. К этому же направлению относится и гастрономический брендинг, формирующийся в основном на базе национальных блюд;

2) культурный брендинг - позиционирование этничности посредством презентации продуктов материального и нематериального наследия народов региона;

3) туристический брендинг, представляющий собой комбинацию природно-географических, историко-культурных и этнических уникальных характеристик региона.

Деятельность по реализации стратегии этнокультурного брендинга с разной степенью эффективности достаточно широко реализуется сегодня на территории РФ, наиболее активно - в Ингушетии, Туве, Татарстане и Алтае. Исследователями отмечаются достаточно перспективные брендинговые практики в Чеченской Республике, в Республике Дагестан, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании, Адыгее и т.д. А вот Карачаево-Черкесия в этом отношении явно находится в числе аутсайдеров.

Анализ теоретических источников, СМИ, Интернет-ресурсов показывает, что у республики нет на данный момент ни регионального бренда, ни системных практик применения стратегии территориального брендинга. По производственному брендингу можно вспомнить минеральную воду «Архыз», минеральную лечебно-столовую воду «Псыж», официальную торговую марку Сады Карачаево-Черкесии, анонсирование регистрации регионального бренда «Карачаевская барашка». В качестве туристических брендов КЧР чаще всего упоминаются горнолыжный курорт «Домбай», Всесезонный туристско-рекреационный курорт «Архыз», Тебердинский заповедник. Однако все эти практики фрагментарного характера, поскольку не имеют в качестве основы бренд-платформы,

не встроены в единую брендинговую стратегию региона, соответственно не сопровождаются необходимыми атрибутами бренда. За исключением ВТРК «Архыз», имеющего даже свой логотип, но не в качестве части территории КЧР, а как зонтичный бренд (суббренд) «Курортов Северного Кавказа».

Тогда как КЧР обладает мощным инвестиционным потенциалом, не используемым в данный момент в достаточном объеме: сельское хозяйство, специализирующееся на животноводстве и растениеводстве; известные горнолыжные курорты Домбай, Теберда, Архыз; богатые месторождения полезных ископаемых, минеральные источники, обширные лесные массивы, альпийские луга, водные запасы. Благодаря богатству и многообразию природно-географических, археологических и культурно-исторических активов Карачаево-Черкесии существует реальная возможность развития на её территории самых разнообразных видов и форм туризма: медицинский туризм; рекреационный туризм; спортивный туризм; познавательный; гастрономический и т.д.

Исходя из анализа информационного поля вокруг республики, мы можем судить о том, что есть существенные проблемы с позиционированием КЧР во внешнем пространстве. В имидже республики, хотя в последнее время и прослеживается тенденция к его улучшению, как и большей части остальных субъектов СКФО, отмечаются и некоторые негативные черты: низкие макроэкономические показатели, ряд коррупционных скандалов, сложившееся в общественном мнении представление о специфике кавказского менталитета и особенностях поведения и т.д. Наличие такого противоречивого имиджа региона диктует настоятельную потребность в принятии мер по его улучшению, самым действенным инструментом чего могут стать именно маркетинговые стратегии брендинга территории.

Для Карачаево-Черкесской Республики, население которой характеризуется национальной и конфессиональной неоднородностью (более 80 национальностей, 5 из которых – титульные), вопросы национальной политики имеют приоритетное значение, поскольку это один из основных факторов, способных повлиять на стабильность политической обстановки в республике. Соответственно, процесс брендинга должен строиться, в том числе, на принципах укрепления общегражданской идентичности, межнациональных отношений и содействия этнокультурному развитию народов.

Все вышесказанное определяет необходимость создания программы формирования и последующего продвижения бренда

Карачаево-Черкесской Республики. Для чего, на наш взгляд, могут быть использованы положения из монографии Щербины Е.А. «Формирование позитивного образа Карачаево-Черкесской Республики в контексте инновационного развития Северо-Кавказского региона», 2016 года [10]. Фактически, это первое и единственное на данный момент комплексное научное исследование, обобщающее большой объем теоретического, методологического и эмпирического материала по проблеме социального брендинга в целом, по перспективам и векторам направления брендинговой деятельности Карачаево-Черкесской Республики. Особое достоинство монографии состоит в презентации и систематизации ценного эмпирического материала, синтезирующего уникальные результаты многолетних исследований научного коллектива Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР по самым разным гуманитарным дисциплинам: история, этнология, этнография, филология, социология, культурология, искусствоведение.

Список литературы

1. Стенографический отчет о заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации 20 июля 2017 г., Йошкар-Ола. Текст: электронный // Президент Российской Федерации [Сайт]. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55109>. (Дата обращения: 11.04.2022г.).
2. Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 № 745 "О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России". Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115>. (Дата обращения: 11.04.2022г.).
3. Marketing Places Europe: How to attract investments, industries, residents and visitors to cities, communities, regions and nations in Europe /Kotler Ph., Asplund Ch., Rein I., and Haider D. Marketing Places Europe: How to attract investments, industries, residents and visitors to cities, communities, regions and nations in Europe. London: Prentice Hall, 1999. 160 pp.
4. Официальный сайт американской ассоциации маркетинга: American Marketing Association.

- [Электронный ресурс] URL: <http://www.ama.org>. (Дата обращения: 11.04.2022г.).
5. Культура и пространство. Книга вторая. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / Под ред. В.А. Тишкова, В.К. Мальковой. – М.: ИЭА РАН, 2010. – 184 с.
 6. Культура и пространство. Книга третья. Этнокультурный бренд и историко-культурные образы в инновационном развитии Северо-Кавказского региона / Под ред. В.А.Тишкова, М.А. Аствацатуровой, В.К. Мальковой. – Ростов-на-Дону – Пятигорск: ИАЭ РАН – ЮНЦ РАН, 2011. – 210 с.
 7. Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 147 с.
 8. Этнокультурное брендование территории в контексте стратегии регионального развития: научно-методические подходы и практики: монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, О. И. Бычкова и др.; отв. ред. Т. В. Коваленко; Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — М.: Институт Наследия, 2020. — 114 с. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnyy-breeding-territorii-kak-resurs-vliyaniya-regionalnoy-kulturnoy-politiki>. (Дата обращения: 19.04.2022г.).
 9. Горлова И.И., Бычкова О.И., Костина Н.А. Этнокультурный брендинг территории как ресурс влияния региональной культурной политики // Культурное наследие России, 2018, с.81-85. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnyy-breeding-territorii-kak-resurs-vliyaniya-regionalnoy-kulturnoy-politiki>. (Дата обращения: 14.04.2022г.).
 10. Щербина Е.А. Формирование позитивного образа Карачаево-Черкесской Республики в контексте инновационного развития Северо-Кавказского региона. – Черкесск, 2016. – 200с.

КУЛЬТУРА КАК ОРУЖИЕ ВОЙНЫ

Ханна Ковальска-Стус

Доктор философских наук, профессор
Ягеллонский университет, г. Краков, профессор

E-mail: hanna.kowalska-stus@uj.edu.pl

Аннотация. Репрессии Запада, наложенные на русскую культуру в ответ на специальную военную операцию на Украине, показывают, что Запад воспринимает саму войну как родственную и вытекающую из русской культуры, как ее следствие. Следовательно, подавление и отрицание распространяется на все, что связано с этой культурой: музыку, литературу, науку. Это рационально, потому что это фактически война России в защиту культурной идентичности, а Запад с этой культурой не идентифицирует себя.

Хотя названная проблема приобрела современное медийное и иногда научное измерение, нашей целью является доказать, что культура как орудие борьбы была на вооружении уже в древности и имеет укорененный в истории характер. Культурный код — это очень сильный фактор, влияющий на подсознание. Катон предостерегал, что влияние греческой культуры приведет к ruine римское государство. В этих влияниях усматривалась опасность для специфически понимаемой римской добродетели патриотизма. Потому он отвергал греческую философию как вершину греческой культуры и в поэтической форме выразил доктрину Катона — поворот от греческой к римской точке зрения.

Почему: 03.03.2022 польские творцы культуры в знак протеста решили не играть Чайковского, Шостаковича, не ставить пьесы Чехова. Культура содержит не только систему ценностей, но также цели и задачи цивилизации. Нынешняя ситуация представляет собой противостояние цивилизаций.

Ключевые слова: Война и культура, римские корни войны между культурами, польская русофобия, специальная военная операция на Украине в 2022 году.

CULTURE AS A MILITARY WEAPON

Hanna Kowalska-Stus

PHD

Jagiellonian University, Krakow

E-mail: hanna.kowalska-stus@uj.edu.pl

Abstract. The repressions of the West, imposed on Russian culture in response to the military operation in Ukraine, show that the West perceives the war itself as related and arising from Russian culture, as its consequence. Consequently, suppression and denial extends to everything related to this culture: music, literature, science. This is rational, because this is actually a war of Russia in defense of cultural identity, and the West does not identify itself with this culture.

Although the named problem has acquired a modern medial and sometimes scientific dimension, our goal is to prove that culture as a weapon of struggle was already in service in antiquity and has a character rooted in history. The cultural code is a very strong factor influencing the subconscious. Cato warned that the influence of Greek culture would lead to the ruin of the Roman state. These influences were seen as a danger to the specifically understood Roman virtue of patriotism. Therefore, he rejected Greek philosophy as the pinnacle of Greek culture. In poetic form, he expressed the doctrine of Cato - a turn from the Greek to the Roman point of view.

Why: 03/03/2022 Polish creators of culture in protest decided not to play Tchaikovsky, Shostakovich, not to stage Chekhov's plays. Culture contains not only a system of values, but also the goals and objectives of civilization. The current situation is a confrontation of civilizations.

Key words: War and culture, Roman roots of the war between cultures, Polish Russophobia, military operation in Ukraine in 2022.

Язык «культурных войн» впервые популяризировал социолог Джеймс Дэвисон Хантер в начале 1990-х годов. «Культурная война», в его понимании, означает гораздо больше, чем разногласия. Хантер описывает чувство конфликта между двумя непримиримыми мировоззрениями, разрыв между «нашими наиболее фундаментальными представлениями о том, кто мы как американцы» и «как и при каких условиях... [мы живем] вместе»¹.

Культура отмены считается новым явлением. Согласно Dictionary.com, это отказ от поддержки со стороны общественных деятелей или компаний в ответ на действие или комментарий, который считается оскорбительным или неприемлемым. Культура

¹ Obudź się, anuluj kulturę i białe przywileje – jak rozwija się debata o wojnie kulturowej w Wielkiej Brytanii, <https://www.kcl.ac.uk/news/woke-cancel-culture-and-white-privilege-how-the-uks-culture-war-debate-is-evolving>, дост. 10.05.2022.

отмены, как известно сегодня, начала набирать популярность в социальных сетях с 2017 года. Особенно с появлением движения MeToo. В наши дни действия по-другому или высказывание мнения, отличного от того, что мы считаем правильным, могут иметь серьезные последствия. Но то, что отличает культурную войну от простого непонимания, так это степень, в которой отношения сливаются в совершенно противоположные мировоззрения с конкурирующими взглядами на будущее, и предполагаемая угроза тому, что каждая сторона считает правильным или приемлемым образом жизни.

Сегодня обсуждение этой проблемы вокруг понятия культуры отмены (*cancel culture*), связано с кругом пользователей общественных сетей и научного обмена мнений в вузах². До сих пор культура отмены приобретала вид борьбы между консервативным и либеральным образами культур и их моральными основами. В контексте войны на Украине она получила облик войны цивилизаций.

Хотя названная проблема приобрела современное медийное и иногда научное измерение, нашей целью является доказать, что культура, как орудие борьбы была на вооружении уже в древности и имеет укорененный в истории характер.

В начале стоит подчеркнуть, что культурный код — это очень сильный фактор, влияющий на подсознание, принуждающий к подчинению определенной схеме мышления и действия, а в их рамках - на восприятие текущих событий. Этот факт подтверждается исследованием римских и греческих источников, лежащих в основе различий в понимании: человека, свободы, истории и государства в греческой и римской, а в последствии польской и русской культурах [2]. На одном из Харакских форумов нами был прочитан доклад на тему культурных основ польской русофобии [3].

В связи с нынешней ситуацией на Украине сначала удивила позиция разных польских учреждений, ставящих под санкции русскую культуру. В поисках разъяснения пришлось обратиться к римским документам и исследованиям на тему римской культуры. Прежде всего на память приходит позиция Катона Цензора по отношению к греческой культуре. Он известен своим воззванием «Карфаген должен

² См.: Дискуссия в Ягеллонском университете вокруг одного доклада: Czy to jeszcze uniwersytet? UJ odwołuje wykład „zbyt mało postępowej” feministki, <https://pch24.pl/czy-to-jeszcze-uniwersytet-uj-odwoluje-wyklad-zbyt-malo-postepowej-feministki/>, дост. 10.05.2022.

быть разрушен», что само собой уже является намеком на современные события.

Катон был уже стариком, когда в Рим из Афин прибыла миссия с философами, академиком Карнеадесом и стоиком Диогеном, стремившаяся снять с афинского народа какой-то приговор. Немедленно молодые люди, жаждущие учиться, устремились к этим грекам, слушали их лекции. Их больше всего пленило обаяние Карнеадеса. Римлян обеспокоило то, что грек своим сверхъестественным талантом оказывает мощное влияние на молодых людей.

Тогда Катон был с самого начала недоволен этим наплывом знаний, захлестнувшим город. Он боялся, что молодые люди обратят свои амбиции к славе ораторского искусства. Катон решил, что всех философов следует вежливо удалить из Рима. Пусть римская молодежь, как и прежде, слушается законов и правящих властей, ибо они подавляли философию вообще и гордо отвергали всякую греческую музу, греческое образование [4].

Катон говорил о Сократе, что тот был болтун и подрывник, распространяя разнузданность нравов, увлекая граждан и преподнося им идеи, противоречащие законам. Он также высмеивал свои занятия с Сократом. А чтобы отговорить сына от его греческих интересов, утверждал, что римляне потеряют свой смысл, если будут пропитаны греческими учениями. Но Катон был не только противником греческой философии. Врачи в Риме тоже оказались под подозрением [5]. С неприязнью Катон относился к достижениям греческой медицины: по его мнению, врачи-греки давали клятву вредить всем не-грекам и даже убивать их вместо лечения.

При реформаторе Августе милитаризм и бюрократия предшествовали новой революции. Тогда подвергалась крушению Пакс Августа, обанкротилось все: интеллектуальная и моральная сферы. Успех астрологии вызвал у Диоклетиана нужду запретить математическое искусство: „Tota damnabilis ars mathematica interdicta est”. После победы над эллинским востоком римляне не нашли того элемента воздержания, который смог бы сохранить империю и ее вассалов перед падением. Принципат Октавиана Августа противостоял идеалам римского республиканизма, который так защищал Катон [6]. Он напоминал военную империю, и был принят с одобрением, поскольку обещал сохранение римской культуры.

Эти настроения отразил Вергилий в своей поэзии – отображающей чувство миссии Вечного Рима. Она выражала одобрение этической санкции системы культуры. Этот крестьянский

народ, который стал империей, попал в интеллектуальное и моральное помешательство. Вину за это Катон возлагал на влияние чужих обычаев и моделей жизни из эллинистического мира. Катон предостерегал, что влияние греческой культуры приведет к ruine римское государство. В этих влияниях усматривалась опасность для специфически понимаемой римской добродетели патриотизма. Катон считал греков болтунами, которые не сумели осуществить своих идеалов. Потому он отвергал греческую философию, как вершину греческой культуры. Эмпиризм и прагматизм легли в основу политического фундаментализма Катона [7]. Кокрейн доказывает, что когда римляне ощупью шли к новому порядку, то все равно придерживались указаний Катона, когда пришло возрождение. Римляне пришли к совершенно чужому политическому мышлению по отношению к грекам. Полис означал одну великую семью, *res publica* не существовала без *res privata* [8].

Вергилий решил проблему Рима, с которой столкнулся Катон. Он в поэтической форме выразил доктрину Катона – поворот от греческой к римской точке зрения. Однако у него уже можно заметить влияние Цицерона. Вергилий преподает историю Рима и судьбу Вечного Града. Они общие с греками в троянском источнике, но становятся независимыми, оригинальными. Разница в том, что греки усматривают спасение в знании, римляне в воле. Греки ценят воздержание, римляне действие. Вергилий развивал идею римского патриотизма, который имел черты религии [9]. Кокрейн сравнивает Энея с командой Мейфловер – миссионерами Новой Англии [8]. Идея Вергилия олицетворяет западную культуру, идею государства. Он убеждал, что основание Рима дало человечеству новое начало в истории и таким образом провозгласил автономию западного духа [8]. Эллада и Картагина символы упадка, Рим полон энергии и способен встать на путь прогресса. Рим Вергилия является чем-то необыкновенным, своеобразным, на фоне древних культур и государств.

Если греки создали на деле и в теории полис – общество, то римляне провозглашали идеал индивидуальной самодостаточности.

Особый интерес вызывает римская историография. Представительный ее автор Ливий дал начало исторической пропаганды [10]. Политический публицист Лукреций считал, что знание должно служить исключительно основой для действия. Уважаемый по сей день мыслитель Цицерон с неприятием относился к греческому стремлению к постижению правды. Римская школа присваивала практические навыки. В результате римская

общественно-политическая система выработала нормы действия, которые должны были поддержать существование Рима. Эти нормы не допускали большого значения происходящим переменам, что привело к кризису в III столетии.

В первой Речи Посполитой в XVI - XVII вв. наблюдаем неприемлемость русской культуры как чужой, непонятной, что подтверждается многими доказательствами. Затем наступила европеизация России и европейский культурный костюм устранил эти преграды. XIX век и романтизм принесли сближение на основе идеи славянского единства, возврата к дохристианскому мифическому прошлому.

Интерес к русской культуре отражает проект Мицкевича, который хлопотал об издании литературного ежемесячника «Иридион» для знакомства поляков и русских с польской и русской литературой и историей.

Чувство симпатии, славянское единство, о котором мечтали Мицкевич и Пушкин, стираются раз и навсегда событиями последующих лет, 1831-го и тем более 1863-го года. Эти годы прорубили ранее отсутствовавшую пропасть, поглотившую все мечты о братстве, общности и славянском единстве. Произошло охлаждение, которое со временем превратилось в значительную ненависть, систематически вызываемую и поддерживаемую, главным образом, в публицистике.

Александр Брюкнер, известный польский литературовед рубежа XIX и XX вв. писал, что два общества, две литературы восстали друг против друга. И уже не книги, а всю великую литературу великого народа мы включили в индекс «запрещенных книг». Так был создан странный, невиданный нигде факт: два общества, две литературы, стоящие рядом, в пределах одной Империи — без всяких, казалось бы, сверхъестественных причин, стали враждебны друг другу. «О русских поляки говорили только с ненавистью, о поляках русские молчали на страницах литературы, которая, в конце концов, далеко не исчерпывает национальной и общественной жизни. Политические соображения, по крайней мере в нашей стране, определили «славянскую взаимность», т. е. полное ее небытие, последовательно распространяемое на литературу, не спрашивая о ее вине, ценностях, уровне и культуре» [11].

Этот принцип имел свои отклонения. Примером может служить Стефан Жеромский – ярый критик Советского Союза и любитель

русской литературы, а также защитник русских церквей, разрушаемых во II Речи Посполитой в двадцатые годы. После II Мировой войны интерес к русской культуре в Польше повысился. Заметили они в ней что-то привлекательное, душеполезное даже в период 80-ых годов.

Что случилось сейчас? Почему: 03.03.2022 польские творцы культуры в знак протеста решили не играть Чайковского, Шостаковича, не ставить пьесы Чехова?

Неужели это только отклик на обращение министра культуры и информационной политики Украины Александра Ткаченко, который призвал к тому, чтобы ввести санкции против России в сфере культуры и ограничить ее международную активность также и в этом измерении. Министр заявил: «Российская Федерация является агрессором. Ее культура токсична! Не будьте сообщниками!»³.

В знак солидарности с Украиной Щецинская филармония отказалась от исполнения произведений русского композитора Петра Чайковского. Кроме того, во время концерта должен был прозвучать национальный гимн Украины. Ранее на такой же ход решили пойти артисты из Кошалинской филармонии.

Поморская филармония также отказалась от исполнения произведений российских композиторов и от приглашения артистов из Российской Федерации в Быдгощ. Художественным руководителем Симфонического оркестра здесь более недели являлся украинский дирижер Николай Дядюра. Директор Поморской филармонии Мацей Путо не сомневался, что поступил правильно. Этот небольшой жест воздержания от представления русской музыки — дело вкуса, эстетики, чувствительности и, наконец, даже совести, — сказал он⁴.

В Министерстве культуры призвали к любым инициативам, направленным на исключение России из международных организаций, международных торговых организаций или хотя бы ограничению ее прав.

«Мы изъяли из программы 26-го Пасхального фестиваля все русские произведения», - сказал РАР Анджей Гиза, директор Общества им. Людвиг ван Бетховена, - «Исполнению Девятой симфонии Бетховена будет предшествовать государственный гимн Украины»⁵, - подчеркнул Анджей Гиза.

³ <https://www.gov.pl/web/kultura/apel-ministra-kultury-ukrainy-o-wprowadzenie-sankcji-w-kulturze-wobec-federacji-rosyjskiej>, дост. 10.05.2022.

⁴ <https://www.tokfm.pl/Tokfm/7,182251,28176575,bydgoszcz-filharmonia-pomorska-nie-bedzie-grac-czajkowskiego.html>, дост. 10.05.2022.

⁵ <https://dzieje.pl/kultura-i-sztuka/andrzej-giza-program-26-festiwalu-wielkanocnego-im-beethovena-bez-rosyjskich>, дост. 10.05.2022.

Большой театр и Национальная опера в Варшаве отменяет оперный спектакль Борис Годунов. Театр в Варшаве не будет показывать «Частицы женщины» на фестивале «Золотая маска» в Москве и спектакль «Три сестры» на Международном фестивале искусств Андрея Платонова в Воронеже⁶.

Российские фильмы исчезают, в том числе из фестиваля Kino na Granicy в Цешине, фестивале Wajda na Nowo в Сувалках, Tofifest в Торуни, Alchemia Kina в Замосце. «Новые горизонты» и «Документы против гравитации» решили, что будут показывать только фильмы, снятые российскими независимыми кинематографистами, которые не субсидируются Министерством культуры РФ⁷.

Кинопреьера триллера «Капитан Волконогов бежал» Наташи Меркуловой и Алексея Чупова приостановлена. К бойкоту российского кинематографа - в ответ на призыв Украинской киноакадемии - присоединились члены Польского института кино⁸.

Почта Польши решила, что не будет продавать книжки с русскими сказками⁹.

То, что когда-то называлось русофобией, теперь стало мейнстримом. Об этом заявил премьер-министр Матеуш Моравецкий 31 марта во время пресс-конференции¹⁰.

04.04.2022 министр культуры Петр Глински на заседании Совета ЕС по образованию, молодежи, культуре и спорту (EYCS) в Люксембурге подчеркнул, что «русская культура должна исчезнуть из публичного пространства». Он напомнил: «Польша предложила совместную позицию министров культуры ЕС по введению реальных санкций против России в сфере культуры»¹¹. На этот день эту позицию поддержали восемь стран (кроме Польши Литва, Латвия, Эстония, Словакия, Чехия, Словения и Румыния).

⁶ <https://natemat.pl/399869,bojkot-rosyjskich-artystow-w-zwiazku-z-wojna-w-ukrainie-yl-konieczny>, дост. 10.05.2022.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ <https://wyborcza.biz/biznes/7,177151,28245043,poczta-wycofuje-ze-sprzedazy-rosyjska-bajke-to-zakazmy-tez.html>, дост. 10.05.2022.

¹⁰ -30 III Czytaj więcej на https://biznes.interia.pl/gospodarka/news-mateusz-morawiecki-polska-odejdzie-od-gazu-wegla-ropy-z-rosj.nId.5927065#utm_source=paste&utm_medium=paste&utm_campaign=chrome, дост. 10.05.2022.

¹¹ <https://wpolityce.pl/polityka/592969-glinski-kultura-rosji-musi-zniknac-z-przestrzeni-publicznej>, дост. 10.05.2022.

«В нашей позиции выражаем готовность приостановить государственные культурные связи с Российской Федерацией; указываем, что Российская Федерация должна быть приостановлена в качестве члена международных и неправительственных организаций с глобальным значением, действующих в сфере культуры, в том числе ЮНЕСКО. Мы выступаем за недопущение использования цифровых платформ российскими СМИ, участвующими в дезинформационных кампаниях против Украины, а также за запрет распространения государственных российских и белорусских каналов и замену их украинскими национальными каналами. Если мы этого не сделаем, зло восторжествует, и наши дети не забудут этого. Украина героически защищает не только свою независимость, но и независимость Европы. Она защищает европейские ценности¹²». В Польше российские и белорусские каналы были выключены еще в феврале в кабельном и спутниковом телевидении. Их место заменили украинские каналы. Российские можно еще смотреть в Интернете.

С похожей ситуацией имеем дело в связи с указом от 03.02.2022 Конференции ректоров академических вузов Польши. Ее члены обратились к «польскому научному сообществу, польским университетам и подразделениям Польской академии наук о прекращении сотрудничества с любой правительственной организацией Российской Федерации или другой страны, которая поддерживает российское вторжение на Украину, обеспечив при этом нашу поддержку и помощь этим ученым и представителям российского академического сообщества, которые выступают против этой агрессии¹³».

В связи с этим «до окончания боевых действий и вывода российских войск с территории Украины ректор Ягеллонского университета, получив полную поддержку Сената, приостанавливает сотрудничество с российскими университетами и научными центрами¹⁴».

Последним аккордом в этой истории является декларация о сношении 60 памятников советских солдат, освобождавших Польшу во время Второй мировой войны.

¹² Там же.

¹³

<https://www.uj.edu.pl/wiadomosci/>

[/journal_content/56_INSTANCE_d82IKZvhit4m/10172/149999549](#), дост. 10.05.2022.

¹⁴

https://www.uj.edu.pl/pl_PL/wiadomosci/

[/journal_content/56_INSTANCE_d82IKZvhit4m/10172/150026790](#), дост. 10.05.2022.

Казалось бы, что ни эти солдаты, ни Чайковский, ни Чехов не имеют никакого отношения к событиям на Украине. Однако эти события являются только подтекстом для выражения полного неодобрения русской культуре, которая является эманацией сути русскости, непонятной и неприемлемой для Запада, возвращенного на римской почве.

Подведём итоги.

Возвращаясь к римской модели межкультурной розни, обратимся к выводам на тему специфики римской культуры А.П. Беликова: «На формирование отношения к иностранцам повлияло несколько факторов, создавших специфику именно римского восприятия «чужих»: 1) Патриотизм, привитый всей системой воспитания и ставший естественной нормой жизни. (...) 3) Нобили даже в развитом Риме были приверженцами образа жизни, узаконивавшего их привилегированное положение, посему в их сознании закрепилось вполне первобытное родовое отчуждённое восприятие «чужаков». 4) Дипломатические и военные победы давали стойкое ощущение превосходства квиритов над всеми народами. 5) Сравнивая свою мораль с нравами соседей, римляне не могли не заметить, что и в этом они выгодно отличаются от многих народов, либо молодых и слишком «диких», либо «одряхлевших» и слишком испорченных. Отсюда - традиционный «плач по утраченным добродетелям» квиритов, свойственный авторам поздней республики, объясняющих моральный упадок сограждан отсутствием после гибели Карфагена цементирующей нравы постоянной военной угрозы и - разлагающим влиянием востока вообще и греков в частности [12]».

Русская культура принадлежит к чужому миру, который непонятен. Она угрожает утратой собственных ценностей, что часто акцентируется в СМИ. Культура содержит не только систему ценностей, но также цели и задачи цивилизации. Нынешняя ситуация представляет собой противостояние цивилизаций. Президент Путин в 2018 году сказал: «В одном не сомневаюсь точно: голос России в мире будущего будет звучать достойно и уверенно. Это предопределено и нашей традицией, и нашей внутренней духовной культурой, самосознанием и, наконец, самой историей нашей страны как самобытной цивилизации, уникальной, но не претендующей самоуверенно и хамовато на свою исключительность [13]».

Часто в его речах появляется декларация защиты русского мира. Сам факт существования русского мира, который обладает самобытной культурой, является для противоположной стороны неприемлемым. Потому премьер Польши – Моравецки объявил в

интервью для «Daily Telegraph» 11 мая: «"Русский мир" — это раковая опухоль, которая представляет смертельную угрозу для всей Европы. Поэтому недостаточно поддерживать Украину в ее военной борьбе с Россией. Мы должны полностью искоренить эту чудовищную новую идеологию [14]».

Эти две цитаты являются ярким доказательством невозможности преодоления взаимонепонимания. Репрессии Запада, наложенные на русскую культуру в ответ на военную операцию на Украине, показывают, что Запад воспринимает саму войну как родственную и вытекающую из русской культуры, как ее следствие. Потому, подавление и отрицание распространяется на все, что связано с этой культурой: музыку, литературу, науку. Это рационально, потому что это фактически война России в защиту культурной идентичности, а Запад с этой культурой не идентифицирует себя.

Общий принцип западной пропаганды — апеллировать к эмоциям, а не к разуму. В публикации Михаила Кунчика читаем, что до наполеоновской эпохи война была связана с тайной дипломатией. Тогда никому не было дела до общего мнения, отсюда и отсутствие информации по этому вопросу. Прорыв произошел только во время Французской революции и наполеоновских войн [15].

Политические нарративы являются элементом, формирующим коллективное сознание аудитории. Они являются следствием определенных схем интерпретации. Язык антагонистических нарративов догматичен и аксиоматичен. Несмотря на напористую пропаганду мнимого пацифизма, язык антагонистических нарративов полон агрессии, словесного и символического насилия.

Запад борется за время - прогресс, Россия за культурное пространство. Пространство — это то, что реально существует. Время менее конкретно. Культура играет очень важную роль в этой борьбе. В русском нарративе речь идет не о пропаганде, а о мировоззрении, об основах метафизики, на которых строится культура. Характерно, что на Западе запрещается исполнять не поп-музыку или кино, а классическую литературу и музыку. Наука в России также связана с пространством, на Западе со временем. Потому Запад запретил научные контакты, полагая, что это отнимет у России время в гонке за прогрессом.

Список литературы

1. Bokszański Z., Polacy wobec innych narodów. o uwarunkowaniach orientach wobec obcych, *Studia Socjologiczne* 2001, 3 (162), s. 27.
2. Kowalska-Stus H., *Pogląd na człowieka, wolność i państwo w kulturach opartych na tradycji greckiej i łacińskiej. Źródłowe różnice. (The view of man, freedom and the state in cultures based on the Greek and Latin traditions. Source differences)* „Limes” nr 12/2020, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, s. 183 – 207.
3. Kowalska-Stus H., Культурные обусловленности польской русофобии, Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы» Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума (Симферополь, 5-7 ноября 2020 г.), Симферополь, с. 352-371.
4. Тит Ливий. История Рима от основания города. Том I. Изд-во «Наука» М., 1989. Перевод В. М. Смирин. Комментарий Н. Е. Боданской. <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1364000100>, дост. 10.05.2022.
5. Plutarch z Cheronei, *Żywoty sławnych mężów* edycja komputerowa: www.zrodla.historyczne.prv.pl, дост. 10.05.2022.
6. Korab-Karpowicz W. J., *Historia filozofii politycznej. Od Tukidydesa do Locke'a. Tradycja klasyczna i jej krytycy.* Kęty 2010, s. 105.
7. Ciceron, *De republica*, II, 2, przekł. K. Wisłocka - Remerowa. Справедливости ради надо заметить, что Катон в своих публикациях не мог обойтись без ссылок на греческих философов. См.: Катон старший, или о старости, Титу Помпонию Аттику, <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1364000100>, дост. 10.05.2022.
8. Cochrane Ch.N., *Chrześcijaństwo i kultura antyczna*, przekł. G. Pianko, PWN, 1960, s. 56-57.
9. Wergiliusz, *Eneida*, XII, 826-827 i 834-840.
10. Дуров В. С., *Художественная историография Древнего Рима.* — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 1993

11. Brückner A., O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta
12. <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/o-literaturze-rosyjskiej-i-naszym-do-niej-stosunku-dzis-i-lat-temu-trzysta.html>, дост. 10.05.2022.
13. Беликов А.П., Древние римляне и древние греки: некоторые аспекты взаимного восприятия, https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2681, дост. 10.05.2022.
14. Выступление Президента России В.В. Путина на открытии XXII Всемирного русского народного собора, <http://www.patriarchia.ru/db/text/5295161.html>, дост. 10.05.2022.
15. Premier Morawiecki w "Daily Telegraph": musimy wykorzystać putinowską ideologię "Roskiego Miru", <https://www.wnp.pl/rynki-zagraniczne/premier-morawiecki-w-daily-telegraph-musimy-wykorzenic-putinowska-ideologie-ruskiego-miru,578541.html>, дост. 10.05.2022.
16. Kunczik M., Zipfel A., Wprowadzenie do nauki o dziennikarstwie i komunikowaniu, Scholar. Warszawa 2000. 267 s..

УКРАИНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Когут В.Г.

кандидат политических наук,

Межпарламентская ассамблея СНГ, Заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ- Полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ и ПА ОДКБ

Нурьшев Г.Н.

доктор политических наук,

*ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», профессор
E-mail: g.nuryshv@yandex.ru*

Аннотация. В работе отмечается, что современные геополитические процессы на Украине в геополитической парадигме представляют собой сюжет Новой Большой игры. В этой геополитической игре страна должна стать геополитическим

инструментом атлантизма и в его геостратегии «кольца анаконды», превращаясь в агрессивную «анти-Россию». Показана геополитическая заинтересованность Запада в превращении Украины в зону изматывающего военного конфликта.

Ключевые слова: геополитическое противоборство, геостратегия, Новая Большая игра, санитарный кордон, кольцо анаконды, военный конфликт.

UKRAINE IN THE GEOPOLITICAL PARADIGM

Kogut V.G.

Candidate of Political Sciences,

CIS Interparliamentary Assembly, Deputy Secretary General of the IPA CIS Council - Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and the CSTO PA

Nuryshv G.N.

Doctor of Political Sciences,

*St. Petersburg State University of Economics, Professor
E-mail: g.nuryshv@yandex.ru*

Abstract. The paper notes that the current geopolitical processes in Ukraine in the geopolitical paradigm are the plot of the New Great Game. In this geopolitical game, the country must become a geopolitical tool of Atlanticism and in its geostrategy of the «anaconda ring», turning into an aggressive «anti-Russia». The geopolitical interest of the West in turning Ukraine into a zone of an exhausting military conflict is shown.

Key words: geopolitical confrontation, geostrategy, New Great Game, cordon sanitaire, anaconda ring, military conflict.

Сегодня в постсоветском пространстве резко усилились турбулентные процессы, отражающие геополитическое противоборство, которое исследователи все чаще стали называть Новой Большой игрой (The New Great Game). Просто Большой игрой называли еще в XIX веке геополитическое соперничество между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии. Новую Большую игру Э. Уолберг, американский исследователь геополитических процессов на Ближнем Востоке, Центральной Азии и России считает весьма удобной метафорой для описания новых геополитических процессов, образовавшихся после распада Советского Союза [1, с.5]. Поддерживая Э. Уолберга, российский

исследователь А. В. Михалев пишет: «Новая Большая игра как способ мышления и метафора стала выходить за пределы Центральной Азии и Кавказа. Экспансия данного дискурса распространилась на все постсоветское пространство. Сегодня встречаются работы, посвященные Большой игре в Арктике или в Восточной Европе. В 2016 году появилась серия работ о Большой игре и конфликте на Украине. География Новой Большой игры растет, стремясь охватить почти всю мировую политику» [2, с. 22].

В настоящее время в Новой Большой игре значительное место занимает борьба за Украину. От того, будет ли она «анти-Россией» или станет членом «семьи братских народов», решается судьба всего постсоветского геополитического пространства. Антироссийской Украине коллективный Запад отводит функцию «санитарного кордона» в стратегии «кольца анаконды» чтобы оторвать Россию от континентальной Европы и лишить ее геополитической субъектности. Такую задачу ставил еще Зб. Бжезинский в своей работе «Великая шахматная доска», в которой указывал роль Украины как форпоста атлантизма в геополитическом противоборстве с Россией. Он считал, что Россия без Украины не в состоянии быть суверенной державой и полноценным геополитическим актором в мире. Поэтому, по его мнению, надо навязать украинскому народу идеологию в виде крайнего русофобского национализма, который должен стать геополитическим инструментом атлантизма для превращения Украины в агрессивную «анти-Россию» [3].

Такую роль Украине отводили в США еще до Зб. Бжезинского. Начало истории «тайного брака» между США, Великобританией и бандеровцами было положено еще в конце Второй мировой войны. В середине 1946 года американские спецслужбы уже начали реализовать два антисоветских проекта «Белладонна» и «Рысь» с участием украинцев, оказавшихся в западных зонах оккупации Германии. В секретном отчете ЦРУ Совету национальной безопасности США от 1948 года подчеркивалась высокая ценность украинских коллаборационистов для антикоммунистической политической и диверсионной деятельности. Поэтому антисоветская операция ЦРУ «Аэродинамика» (Operation Aerodynamic) в Украине с 1948 года получила наивысшую приоритетность. В этом же году появился доклад «Использование беженцев из Советского Союза в национальных интересах США». Доклад предполагал подготовку из выходцев с Украины диверсантов, размещая их на базе в Мюнхене. Весной 1952 года в структуре Пентагона было создано «Управление по вопросам особенных методов ведения войны», которое

формировало только в европейской части Советского Союза до 30 оперативных районов для ведения партизанской войны. А после 1953 года западноукраинское подполье стало получать негласную поддержку со стороны украинских советских властей, благодаря чему началось тихое восстановление ОУН и выдвижение в органы власти Украинской ССР «своих» людей. Так с годами образовались ультранационалистические группы боевиков «Свобода», «Правый сектор» и т. д. Наконец в 2014 году они стали ударной силой Майдана. Поэтому путчистский режим постарался увековечить память украинских коллаборационистов, сотрудничавших с фашистской Германией [4].

Москва с 2014 года предпринимала все имеющиеся шаги, чтобы решить с Киевом геополитический конфликт вокруг Донбасса мирным путем. Свидетельством тому является комплекс мер по выполнению Минских соглашений, которые были подписаны Контактной группой по урегулированию ситуации на востоке Украины в феврале 2015 года в Минске при посредничестве руководителей стран «нормандской четверки» — Германии, Франции, Украины и России. Позднее Минские договоренности были одобрены специальной резолюцией Совета Безопасности ООН. Однако вместо поэтапного выполнения этих соглашений путчистский режим устроил геноцид местного населения [5]. В ответ на преступные действия киевского режима Россия по просьбе о помощи от глав ЛНР и ДНР была вынуждена с 24 февраля 2022 года начать специальную военную операцию Вооруженных Сил по денацификации и демилитаризации Украины, которую Запад стал оценивать как неприкрытый акт агрессии.

В этой связи, важным контраргументом в объективной оценке происходящего и неопровержимым фактом является то, что секретные боевые документы нацгвардии Украины, которые были добыты в ходе проводимой спецоперации, однозначно доказывают лживость таких оценок. Министерство обороны России придало гласности секретный приказ командующего национальной гвардией Украины о наступательной операции на Донбасс в марте 2022 года. Очевиден вывод, что Россия «упредила и сорвала широкомасштабное наступление ударных группировок войск Украины на неподконтрольные Киеву Луганскую и Донецкую народную республику в марте этого года», — заявили в российском министерстве обороны [6]. Поддерживая это заявление, бывший премьер-министр Украины Н. Азаров добавил, что Североатлантический блок собирался ввести четыре военные бригады на Украину летом 2022 года, а к концу года спровоцировать военный

конфликт с Россией даже с ядерным оружием. О планах НАТО и Украины начать ядерную войну против России говорил и министр иностранных дел С. Лавров [7]. Украина готовилась к столкновению с «одной из самых многочисленных армий в мире» еще с декабря 2021 года, признает президент этой страны В. Зеленский [8]. Не вызывает никаких сомнений, считает никарагуанский исследователь Мануэль Сальвадор Эспиноса Харкин, что украинский кризис был спровоцирован так называемым «глубинным государством», в интересах «глубинной власти».

Согласно стратегическим планам RAND Corporation военные США обучали подрывной деятельности и саботажу на военных базах во Флориде и в самой Украине около 33 тысяч украинских солдат. В соответствии с планами этой корпорации были созданы на Украине 30 биологических лабораторий для ведения биологической и бактериологической войны, построена секретная инфраструктура для разработки ядерного оружия [9]. По стратегическим планам RAND Corporation необходимо превратить Украину во второй Афганистан так, чтобы российская армия завязла на Украине надолго, а боевые действия не прекращались [10].

Становится очевидным, что все вопросы организации боевых действий на Украине решаются Пентагоном. И в этом лично убедился французский журналист, старший международный корреспондент газеты *Le Figaro* Жорж Мальбруно, недавно побывав на территории Украины. Сославшись на свои источники во французской разведке, журналист также отметил, что спецназовцы из спецподразделений британского SAS и американского Delta присутствуют на Украине с самого начала войны. Другой известный американский журналист Крис Менахан также отмечает, что лидеры США «готовы рискнуть Третьей мировой войной» [11]. Поэтому в последнее время на Западе всё более откровенно говорят о том, что конфликт на Украине может стать затяжным, чтобы, по словам генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга, «заставить Россию платить высокую цену» за её действия. «Война вступает в новую фазу и может перерасти в кровавую затяжную войну на истощение. Никто не может сказать, как и когда это закончится», – считают обозреватели *New York magazine*.

Согласно планам американских геостратегов Украина должна стать зоной изматывающего конфликта, в которой Россия должна утонуть. Поэтому западные СМИ постоянно разжигают ненависть к русским и убеждают население Украины, что «перемога придёт» [12]. Поддержка спецслужб, вооруженных сил США, Канады, Великобритании, Польши и других стран сегодня настолько

значительна, что уже можно говорить о прямом участии стран коллективного Запада в конфликте на Украине. Координация военных действий 40 западных стран стала 26 апреля 2022 года предметом обсуждения на саммите в ФРГ на авиабазе ВВС США Ramstein под руководством главы Пентагона Ллойда Остина. На эту встречу прибыл и генсек НАТО Йенс Столтенберг. Целью саммита стала выработка общего долгосрочного решения по военным нуждам Украины. США пытаются создать широкую антироссийскую коалицию из стран Ближнего Востока, Азии и Африки [13]. Немецкое издание *Compass* пишет, что на базе «Рамштайн» начался «настоящий саммит мировой войны», потому что планируется рассмотреть вопрос о поставках Украине тяжёлых вооружений. Издание пишет, что принятие подобного решения объективно может привести сползанию конфликта к Третьей мировой войне. Кроме поставок оружия, на встрече в Германии обсуждались различные варианты развития событий, включая инсценировку боевого контакта, например, с участием натовских войск в Польше и странах Прибалтики. Подобный сценарий уже отработывался на учениях «Анаконда» стран альянса на Висле ещё в 2016 году.

Таким образом само проведение саммита на военной базе показывает, что альянс уже находится в состоянии войны [14]. О том, что Запад готовится к крупномасштабным боям против российских войск, свидетельствует и характер сегодняшних западных поставок Украине. Крупные в мире военные подрядчики, как Boeing, General Atomics, L3-Harris, Raytheon, BAE Systems, Lockheed Martin, Huntington-Ingalls, General Dynamics и Northrop Grumman, начали активно поставлять танки, бронетранспортеры, вертолеты и другое тяжелое вооружение, зенитные системы и авиационные комплексы. Радикально изменить ход боевых операций может поставка американских тяжелых ударных беспилотников MQ-9 Reaper, которые показали себя как один из самых разрушительных видов оружия против бронетанковых колонн противника. Этот беспилотник имеет высокую дальность полета, чтобы нанести удар вглубь России и даже до самой Москвы. Другим сверхсовременным беспилотником является немецкий Vector с вертикальным взлетом и посадкой, оптико-локационной станцией и лазерным дальномером [15].

Все эти действия западных стран свидетельствуют, что Украина уже не является независимым государством. Еще Джульетто Кьеза, известный в мире итальянский политический деятель, экс-депутат Европарламента и большой друг России писал, что Украина по всем параметрам стала колонией западных европейских и особенно

американских банков. Он подчеркивал, что официальный Киев продал американской Chevron и англо-голландской Shell пять областей Украины с дальнейшей экспроприацией населения. Управление энергетической информации Минэнерго США (EIA) оценивает залежи украинского сланцевого газа в 1,2 триллиона кубометров, что ставит страну на четвертое место после Польши, Франции и Норвегии в Европе [16].

Не случайно директор Института политических исследований, бывший депутат ГД РФ С. Марков в своем Telegram-канале подчеркивает, что Украина — «это полуколония США и Британии. То есть все политическое и военное руководство страны – это иностранные граждане. Которые и организуют из своих доверчивых граждан «войну до последнего украинца» в интересах Британии и США», — по его данным от наших спецслужб, В. Зеленский и члены его семьи, все руководители Офиса президента Украины получили гражданство Великобритании. В настоящее время готовятся такие документы и для руководителей Генерального штаба ВСУ [17].

Таким образом, современные геополитические процессы на Украине в геополитической парадигме представляют собой сюжет Новой Большой игры. В этой игре страна должна стать геополитическим инструментом атлантизма в его геостратегии «кольца анаконды», превращаясь в агрессивную «анти-Россию». Специальная военная операция Вооруженных Сил России упредила широкомасштабное наступление ВСУ под руководством НАТО на Донбассе, решает задачи по денацификации и демилитаризации Украины и направлена против нацистского режима, преобразующего Украину в западную колонию и зону изматывающего военного конфликта.

Список литературы

1. Walberg E. Post Modern Imperialism: Geopolitics and the Great Games. Atlanta: Clarity Press, 2011. 300p.
2. Михалев А. В. Новая Большая игра как неоколониальный дискурс// Дискурс-Пи, 2019. №3(36). С.10-25.
3. Дугин А. «Большая геополитическая игра» на Украине. URL:<http://новости-украины.ru-an.info/новости/война-на-украине-часть-большой-геополитической-игры/>(дата обращения: 11 марта 2022).
4. Малышев В. 75-летняя история тайного союза между англосаксами и украинскими нацистами. Борьба против СССР, перешедшая в борьбу против России.

URL:<https://www.fondsk.ru/news/2022/04/03/75-letnjaja-istoria-tajnogo-sojuza-mezhdu-anglosaksami-i-ukrainskimi-nacistami-55907.html>(дата обращения:03.04.2022).

5. Шейнин А. Любые военные успехи нивелируются, если нет ответа на вопрос «что дальше» . URL:[https://realtribune.ru/artem-shejin-ljubye-voennye-uspehi-nivelirujutsya-esli-net-otveta-na-vopros-cto-dalshe?utm_source=politobzor.net\(дата_обращения:23.04.2022\)](https://realtribune.ru/artem-shejin-ljubye-voennye-uspehi-nivelirujutsya-esli-net-otveta-na-vopros-cto-dalshe?utm_source=politobzor.net(дата_обращения:23.04.2022)).
6. Минобороны России обнародовало секретный документ Киева о нападении на Донбасс. URL:<https://www.belpo.com/127657.html/>(дата обращения: 09.03.2022).
7. Нуриева С. Экс-премьер Украины Азаров заявил, что НАТО пыталось начать ядерную войну против России. URL:https://www.gazeta.ru/army/news/2022/03/04/17378791.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения:15.04.2022).
8. Астахова Г. Зеленский: Украина начала «войну с Россией» еще до начала спецоперации. URL:https://www.osnmedia.ru/politika/zelenskij-ukraina-nachala-voynu-s-rossiej-eshhe-do-nachala-spetsoperatsii/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения:15.04.2022).
9. Харкин М. Шоу должно продолжаться. URL:[https://www.geopolitika.ru/article/voyna-specsluzhb-za-mirovoe-gospodstvo\(дата_обращения:26.04.2022\)](https://www.geopolitika.ru/article/voyna-specsluzhb-za-mirovoe-gospodstvo(дата_обращения:26.04.2022)).
10. Колесник В. Аналитики RAND готовили войну на Украине с 2019 года. URL:https://odnarodyna.org/article/analitiki-rand-gotovili-voynu-na-ukraine-s-2019-goda?utm_source=politobzor.net (дата обращения: 11.04.2022).
11. Боевыми действиями Киева руководят американцы. URL:[http://www.dal.by/news/119/14-04-22-2/\(дата_обращения:14.04.2022\)](http://www.dal.by/news/119/14-04-22-2/(дата_обращения:14.04.2022)).
12. Князев С. Устремления Запада: погрузить Украину в бесконечную войну. URL:<https://www.fondsk.ru/news/2022/04/14/ustremlenia->

- zapada-pogruzit-ukrainu-v-beskonechnuju-voynu-55980.html(дата обращения:14.04.2022).
13. Рамштайн: США создают коалицию стран, поставляющих оружие Киеву. URL:<https://newizv.ru/news/politics/26-04-2022/soveschaniye-v-ramshtayn-ssha-sozdayut-koalitsiyu-stran-postavlyayuschih-oruzhie-kievu>(дата обращения:27.04.2022).
 14. URL:<https://topwar.ru/195472-nemeckoe-izdanie-compact-na-baze-ramshtajn-nachinaetsja-nastojaschij-sammit-mirovoj-vojni.html>(дата обращения:26.04.2022).
 15. Овчинский В.,Жданов Ю.США и НАТО уже не «помогают» Украине, а фактически воюют с Россией. URL:https://zavtra.ru/blogs/ssha_i_nato_uzhe_ne_pomogayut_ukraine_a_fakticheski_voyuyut_s_rossiej(дата обращения:23.04.2022).
 16. Ларин А. Как продали 5 регионов Украины. URL: <https://proza.ru/2022/02/25/42>(дата обращения:27.04.2022).
 17. Буткевич В. Российская разведка раскрыла правду о новом гражданстве Зеленского. URL: https://politros.com/23153951-markov_rossiiskaya_razvedka_raskrila_pravdu_o_novom_grazhdanstve_zelenskogo (дата обращения:27 апреля 2022).

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА – ПРИОРИТЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Кубанова Л. В.

Кандидат политических наук
Карачаево-Черкесский ордена «Знак почёта» институт
гуманитарных исследований при Правительстве КЧР,
в.н.с. отдела социально-политических исследований
E-mail: lianakubanova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации языковой политики в одном из полиэтничных регионов Российской Федерации – Карачаево-Черкесской Республике. Законодательство

федерального и регионального уровней обеспечивают условия для сохранения и развития родных языков. Профильные органы власти республики активно реализуют государственную национальную политику. В регионе успешно реализуются доктрины в сфере межэтнических отношений. Проводимые в регионе в рамках федеральных проектов социологические опросы свидетельствуют о запросе населения на сохранение и изучение родных языков. Вопросы сохранения и развития родных языков являются приоритетными и для общественных организаций республики этнокультурной направленности. Что подтверждает необходимость дальнейшего активного взаимодействия между органами власти региона, общественностью и образовательными учреждениями в реализации языковой политики.

Ключевые слова: языковая политика, этнокультурные процессы, межнациональные отношения, органы государственной власти.

LANGUAGE POLICY IS A PRIORITY IN THE ACTIVITIES OF AUTHORITIES IN A MULTI-ETHNIC REPUBLIC

Kubanova L. V.

Ph.D., Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Research of the
Badge of Honor Order under the Government of the Karachay-Cherkess
Republics, leading researcher Department of Socio-Political Research
E-mail: lianakubanova@mail.ru

Abstract. The article deals with the implementation of the language policy in one of the multi-ethnic regions of the Russian Federation - the Karachay-Cherkess Republic. Legislation at the federal and regional levels provides conditions for the preservation and development of native languages. The profile authorities of the republic are actively implementing the state national policy. Doctrines in the field of interethnic relations are being successfully implemented in the region. Sociological surveys conducted in the region within the framework of federal projects testify to the demand of the population for the preservation and study of native languages. The issues of preservation and development of native languages are also a priority for public organizations of the republic of ethno-cultural orientation. This confirms the need for further active interaction between the authorities of the region, the public and educational institutions in the implementation of the language policy.

Keywords: *language policy, ethnocultural processes, interethnic relations, public authorities.*

Решение этнокультурных проблем в контексте и в интересах упрочения единства российской гражданской нации является важнейшей задачей. Сфера межнациональных отношений находится в центре внимания органов власти и управления как на федеральном, так и региональном уровнях. Карачаево-Черкесская Республика – один из многонациональных регионов России, народы которого представляют собой уникальные этнокультурные единицы, при этом составляют единое социокультурное пространство. Пять народов являются субъектообразующими (абазины, карачаевцы, русские, ногайцы, черкесы) и их языки имеют статус государственных. Русский язык, согласно Конституции республики, является языком межнационального общения и официального делопроизводства.

Этнокультурное и языковое многообразие защищено государством. В Конституции РФ закреплены ориентиры государственной национальной политики - укрепление единства народа России, обеспечение межнационального согласия, сбережение этнокультурного и языкового многообразия. Закреплены они и в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [1]. На заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 30 марта 2021г. среди ориентиров государственной национальной политики на современном этапе В.В.Путин определил: реализацию продуманной языковой политики с учетом значимости русского и родных языков, внимание к вопросам реализации государственной национальной политики на местах [2].

В КЧР создана законодательная база в сфере языковой политики. Закон КЧР от 14.06.1996 г. № 104-XXII «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» (с изменениями от 28.12.2001 N 53-РЗ, от 03.11.2020 N 77-РЗ) направлен на создание условий для сохранения, равноправного и самобытного развития языков народов региона. В статьях Закона зафиксировано право народов на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. В нем отмечено, что обучение детей родному языку является гражданским правом и долгом родителей, обеспеченным созданием системы воспитательно-образовательных учреждений и иных форм воспитания и обучения на государственных языках жителей республики [3]. Закон КЧР от 2 ноября 2009 года N 50-РЗ «Об образовании в Карачаево-Черкесской Республике» (с изменениями: от 11.05.2010 N 31-РЗ; от 17.05.2011 N

22-РЗ; от 17.12.2011 N 79-РЗ; от 29.05.2012 N 48-РЗ) гарантирует гражданам Российской Федерации, проживающим на территории Карачаево-Черкесской Республики, право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования [4]. Закон КЧР от 6 декабря 2013 года N 72-РЗ «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики» (в ред. Законов Карачаево-Черкесской Республики от 09.11.2015 N 78-РЗ, от 03.12.2015 N 87-РЗ, от 24.02.2016 N 5-РЗ, от 29.12.2017 N 94-РЗ, от 16.03.2018 N 7-РЗ, от 14.05.2018 N 25-РЗ, от 29.12.2018 N 96-РЗ, от 13.07.2020 N 49-РЗ) определяет основные принципы в сфере этнокультурной составляющей в образовании и языковой политике: общие вопросы языковой политики, право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке, а также право на изучение родного языка из числа государственных языков Карачаево-Черкесской Республики в пределах возможностей, предоставляемых системой образования в порядке, установленном законодательством об образовании [5].

Профильными органами, осуществляющим взвешенную национальную политику в регионе, являются Министерство КЧР по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати, Министерство культуры КЧР и Министерство образования и науки КЧР. Большую роль в реализации государственной национальной политики РФ в Карачаево-Черкесии играют институты гражданского общества. Особо значима деятельность национальных общественных организаций республики, основой вектор интересов которых заключается в сохранении и развитии языков и культуры своих этносов.

В регионе проводится множество мероприятий, направленных на гармонизацию межнациональных отношений и поддержание диалога национальных культур. Ежегодно организовываются общественно значимые для народов республики мероприятия, связанные с памятными и трагическими датами, мероприятия, направленные на сохранение и развитие языков народов республики. Активна работа с молодежью, направленная на патриотическое и нравственное воспитание, формирование толерантности. На форумах, конференциях, круглых столах обсуждаются вопросы межэтнических отношений, исторического наследия, традиций и обрядов народов, проблемы сохранения и изучения родных языков, и др.

Родные языки в Карачаево-Черкесии изучаются в начальной (1-4 кл.), средней (5-11 кл.) и высшей (бакалавриат, магистратура) школах, где готовятся специалисты – преподаватели родного языка и литературы, журналисты, а также на уровне послевузовского образования (аспирантура, переподготовка, различные формы повышения квалификации). На родных языках издаются республиканские газеты, детские журналы, научная и учебно-методическая литература; детская художественная литература, фольклорные произведения. Ведутся передачи на радио и телевидении, работают национальные театры. Созданы условия для сохранения языка и традиционной культуры, для всестороннего развития народов республики.

В общественном сознании населения этнические вопросы всегда считались очень важными. Вопросы сохранения родных языков не утрачивают своей актуальности в регионе, о чем свидетельствуют имевшие место острые дискуссии по языковым проблемам. К примеру, недовольство общественности, вызванное внесенными в 2018 году поправками в Закон «Об образовании в Российской Федерации» [6]. Дискуссии касаются качества нормативно-правового обеспечения современной языковой политики, теоретико-методологических оснований языкового образования, его содержания и способов реализации, подготовки кадров национального образования.

Вопрос сохранения и поддержки языкового разнообразия — это вопрос реализации конституционных прав граждан на национально-культурное развитие, вопрос сохранения национальной идентичности, этнокультурных традиций и обычаев. Это подтверждают и результаты социологических исследований 2015–2021 гг., инициированных Институтом этнологии и антропологии РАН, Сетью Этнологического мониторинга, Распределенным научным центром межнациональных и межрелигиозных проблем при Министерстве образования и науки РФ, многими другими научными и прикладными центрами. Которые свидетельствуют о запросе населения на изучение национальных языков и национальных культур. Данные, полученные в ходе экспертных опросов, проведенных на территории республики в 2016-2018 гг.,¹⁵ подтверждают значимость социокультурных факторов в обеспечении этнополитической стабильности в регионе [7, 8].

¹⁵ Представленные материалы являются результатами реализованных на территории Карачаево-Черкесской Республики проектов в период с 2016 по 2018 годы, в рамках которых были проведены следующие экспертные опросы: «Участие органов

Местные народы традиционно сохраняют свои языки, чему способствуют семьи, в которых основным языком общения выступает родной язык. Результаты исследований показывают, что большинство населения владеет родными языками. По данным опроса, проведенного в конце 2021 года с целью изучения возможностей реализации государственной национальной и языковой политики и условиях проведения Всероссийской переписи населения, 76% молодых людей используют при общении родной язык. Большинство опрошенных определяют родной язык как язык семьи, детства, родственников - 44%, язык страны, региона, государственный - 31%, как национальный (этнический) язык - 26%, как язык постоянного пользования - 25%.

В республике активно реализуются доктрины в сфере межэтнических отношений. Одной из главных является государственная программа «Реализация государственной национальной, профессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике» на 2019-2023 гг., цель которой – укрепление единства российской нации, гармонизация межнациональных отношений, обеспечение условий для полноценного развития народов КЧР.

При поддержке и организационном сопровождении органов власти проводятся мероприятия, направленные на этнокультурное развитие народов республики: конкурс «Учитель года по родным языкам»; республиканские Кирилло-Мефодиевские чтения в День славянской письменности; научно-практические конференции «Табуловские чтения», «Клычевские чтения», на которых обсуждаются актуальные вопросы по сохранению и развитию родного языка и культуры; День адыгского (черкесского) языка и письменности; декады литературы и искусства народов Карачаево-Черкесии, которые являются одной из форм пропаганды национальной культуры, популяризации литературного и культурного наследия, языков народов республики.

Вопросы языковой политики не теряют своей актуальности в регионе. Представленный анализ политических доктрин и

государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики, миграционной и языковой политики Российской Федерации» с 8 ноября по 1 декабря 2016 г.; по вопросам национально - культурного и этноконфессионального самоопределения народов КЧР с 25 мая по 12 июня 2017 г.; по проблемам этнокультурного образования в Карачаево-Черкесской Республике 2017 г.; по проблемам миграции и отношения к мигрантам в КЧР в апреле 2018 года.

законодательных актов в сфере языковой политики свидетельствует о том, что в Карачаево-Черкесской Республике созданы законодательные основы сохранения и развития национальных языков. Сфера языковой политики является предметом пристального внимания органов власти региона. Одним из перспективных направлений реализации государственной языковой политики должно оставаться взаимодействие между представителями государственной власти, образовательных учреждений и общественности республики, с учетом запросов населения в сохранении родных языков, их изучения в системе школьного и вузовского образования.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703) [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/all/85503/> (Дата обращения: 13.04.2022).
2. Стенограмма выступления Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям. [Электронный ресурс]. – URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystupeniya-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html> (Дата обращения: 15.04.2022).
3. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 14 июня 1996 г. N 104-XXII «О языках народов Карачаево-Черкесской Республики» (с изменениями от 03 ноября 2020 года N 77-РЗ28) [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/802053301>. (Дата обращения: 11.04.2022).
4. Закон КЧР от 2 ноября 2009 года N 50-РЗ «Об образовании в Карачаево-Черкесской Республике» (с изменениями: от 11.05.2010 N 31-РЗ; от 17.05.2011 N 22-РЗ; от 17.12.2011 N 79-РЗ; от 29.05.2012 N 48-РЗ) [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/459904130>. (Дата обращения: 15.04.2022).
5. Закон КЧР от 6 декабря 2013 года N 72-РЗ «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики» (в ред. Законов

Карачаево-Черкесской Республики от 09.11.2015 N 78-РЗ, от 03.12.2015 N 87-РЗ, от 24.02.2016 N 5-РЗ, от 29.12.2017 N 94-РЗ, от 16.03.2018 N 7-РЗ, от 14.05.2018 N 25-РЗ, от 29.12.2018 N 96-РЗ, от 13.07.2020 N 49-РЗ). [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/460230838>. (Дата обращения: 18.04.2022).

6. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 03.08.2018 N 317-ФЗ одобренный Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 28 июля 2018 года и подписанный президентом Российской Федерации 3 августа 2018 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/ – (Дата обращения: 16.04.2022).
7. Кубанова Л.В., Щербина Е.А. Реализация государственной национальной политики, национально-культурное самоопределение народов, вопросы этнокультурного образования и межнациональные отношения в Карачаево-Черкесской Республике – Пятигорск: РИА-КМВ, 2018. - 116 с.
8. Кубанова Л.В., Щербина Е.А. Реализация государственной национальной политики, национально-культурное самоопределение народов, вопросы этнокультурного образования и межнациональные отношения в Карачаево-Черкесской республике (результаты социологических исследований в 2018-2020 годах). Информационно-аналитические материалы. Черкесск: изд-во Магарин О.Г., 2020. – 124 с.
9. Постановление Правительства КЧР от 28 мая 2019 года N 132 «Об утверждении государственной программы "Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской республике" (с изменениями на 21 февраля 2022 года)». [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/553372389>. (Дата обращения: 22.04.2022).

НЕРАВЕНСТВО И ДИСПРОПОРЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СКФО)

Куршева Ф. Х.

Кандидат педагогических наук

Карачаево-Черкесский ордена «Знака Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, старший научный сотрудник

E-mail: fainasb@mail.ru

Аннотация. В научной статье представлены результаты анализа факторов и статистики социальной сферы и макроэкономической стабильности Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации (СКФО) для определения степени их влияния на формирование неравенства и диспропорции регионального развития. Актуальность исследования обусловлена тем, что социально-экономическое неравенство регионов России является постоянной проблемой, из-за которой наблюдается диспропорция качества жизни населения. В статье проанализированы основные индикаторы социально-экономического развития регионов России. Рассмотрены основные проблемы неравенства и диспропорции регионального развития СКФО. Описаны возможные направления совершенствования региональной политики по решению проблемы неравенства и диспропорции социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: региональное развитие; социальное-экономическое развитие; регионы России; Северо-Кавказский федеральный округ; СКФО; региональные неравенства; региональные диспропорции.

INEQUALITY AND DISPROPORTION OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE POLY-ETHNIC REGION OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE NCFD)

Kursheva F. H.

Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Research of the Badge of Honor Order under the Government of the Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, Russia, Senior Researcher

E-mail: fainasb@mail.ru

Abstract. the scientific article presents the results of the analysis of factors and statistics of the social sphere and macroeconomic stability of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation (NCFD) to determine the degree of their influence on the formation of inequality and disproportion in regional development. The relevance of the study is due to the fact that the socio-economic inequality of Russian regions is a constant problem, due to which there is a disproportion in the quality of life of the population. The article analyzes the main indicators of socio-economic development of Russian regions. The main problems of inequality and disproportion in the regional development of the North Caucasus Federal District are considered. Possible directions for improving the regional policy to address the problem of inequality and disproportion in the socio-economic development of the region are described.

Keywords: regional development; social and economic development; regions of Russia; North Caucasian Federal District; NCFD; regional inequalities; regional imbalances.

Одна из острых задач Правительства РФ на сегодняшний день – это создание условий по решению основных проблем неравномерного развития экономических систем регионов нашей страны, между которыми наблюдается сильное различие, как в социальных, так и в экономических показателях/индикаторах. Ни для кого не секрет, что между многими регионами России существуют большая пропасть не только социально-экономического развития, но и условий и уровня жизни населения.

Исходя из минимальных и максимальных значений основных показателей качества жизни населения в регионах нашей страны, можно отметить, что между ними, в основном, наблюдается двухкратное различие. Наибольший уровень доходов населения Центрального федерального округа. Например, средняя заработная плата составляет 65319 рублей. Наихудшие показатели как раз у Северо-Кавказского федерального округа. Уровень средней зарплаты его граждан составляет 31799 рублей.

При этом шесть республик Северного Кавказа оказались в числе последних 20 регионов в рейтинге субъектов РФ по качеству жизни в 2021 году.

Так, 84-е место заняла Карачаево-Черкесия. Рейтинговый балл республики составил 25,5. В 2020 году КЧР была на 83-м месте. На 82-м месте расположилась Ингушетия с показателем 29,7 балла. В 2020 году республика находилась на 78-м месте. У Северной Осетии 76-е место (в 2020 году — 70-е место). Рейтинговый балл республики —

33,9. Кабардино-Балкария поднялась на две строчки вверх по сравнению с 2020 годом и разместилась на 75-м месте по итогам 2021 года. Чечня, как и в 2020 году, оказалась на 74-м месте. С 56-го места в 2020 году на 69-е место в 2021 году переместился Дагестан.

Выше всех из регионов СКФО разместился Ставропольский край. Регион занял 27-е место по итогам прошлого года, но потерял четыре позиции по сравнению с 2020 годом (23-е место).

Главным же фактором в формировании проблем неравенства и диспропорции социально-экономического развития СКФО является высокий уровень безработицы.

Ситуация с занятостью в регионе катастрофическая. Со средним уровнем безработицы по России в 5,8%, средний уровень безработицы в СКФО составляет 13,9%. В отдельных республиках, как Ингушетия, уровень безработицы составляет 29,8%. Наилучшая ситуация в Ставропольском крае – 6,2%.

Из-за таких данных формируется высокая пропасть в качестве жизни населения. Социально-экономическое неравенство создает диспропорции во многих аспектах, негативно влияющих на микроэкономические и макроэкономические процессы. При этом, создаются социальные факторы нестабильности внутри общества. Появляются социальные и этнические волнения, поскольку граждане, проживающие на территории СКФО, остаются недовольными своим материальным положением в сравнении с тем уровнем качества жизни, которое у населения других регионов России.

Социальная ситуация в полиэтничном регионе предполагает внимание не только к активно обсуждаемым процессам адаптации человека в иной среде, но и к проблемам принимающего сообщества. Риск обострения межэтнических отношений возрастает по мере нарастания миграционных потоков, объективно изменяющих баланс между этническими и религиозными группами в различных субъектах СКФО.

Также существенная диспропорциональность социально-экономического развития субъектов СКФО неизбежно сказывается на состоянии сферы труда, одним из важных показателей которой выступает уровень участия в рабочей силе, определяемый как отношение численности рабочей силы определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы [2].

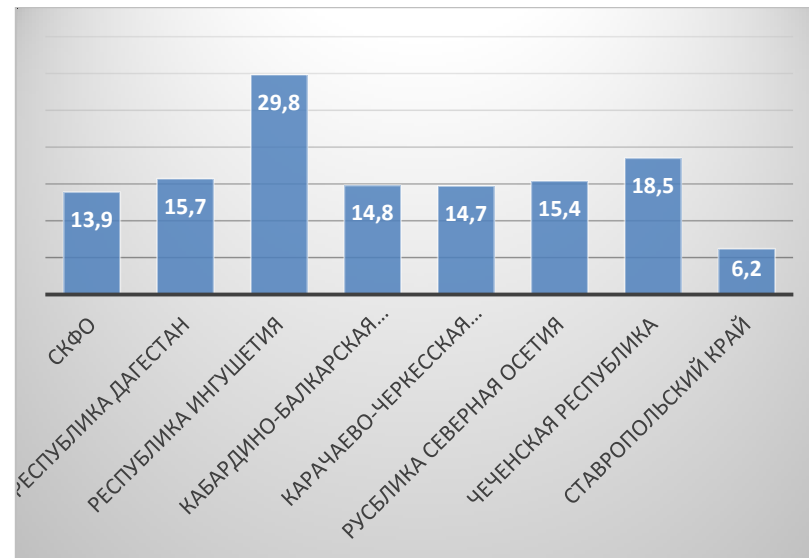

Рисунок 2 – Уровень безработицы в региональных субъектах СКФО за 2020 год, в % от общего числа экономически активного населения [3].

Причинами формирования проблемы неравенства и диспропорции социального развития СКФО является [4, с. 170]:

1. Недостаток финансирования социальной сферы через региональный бюджет. Социальные вопросы и задачи требуют значительных ресурсов для поиска ответов на их решения. Несмотря на постоянный рост бюджетных расходов по социальной политике СКФО, потребности в социальном и пенсионном обеспечении населения региона только растут.

2. Низкий уровень пенсионных выплат населению преклонного возраста, что связано и с низкими личными доходами граждан, а также уровнем заработных плат, от которых идут зачисления в пенсионный фонд страны.

3. Наличие категории населения, которое слабо защищено, включая тех граждан, которые работают в общественном секторе экономики (например, сотрудники органов государственной власти и институтов местного самоуправления).

4. Несовершенство пенсионной системы, которая проявляется в отрицательном влиянии на экономику региона и снижает дальнейшее

поступление налоговых доходов в бюджет. Соответственно, формируется дефицит бюджетных средств в регионах СКФЗ, из-за которых финансирование социальной сферы не увеличивается в необходимом объеме.

Еще одной причиной неравенства и диспропорции социально-экономического развития СКФО является наличие коррупции в работе органов региональной власти. Из-за этого происходит увеличение теневого сектора экономики и снижение эффективности расходования бюджетных средств регионального бюджета государственными организациями, учреждениями и органами власти.

Степень восприятия коррупции в последние года не улучшатся, а наоборот, ухудшается. Подтверждением тому выступает динамика индекса восприятия коррупции России за период с 2013 по 2021 гг. (см. рисунок 3).

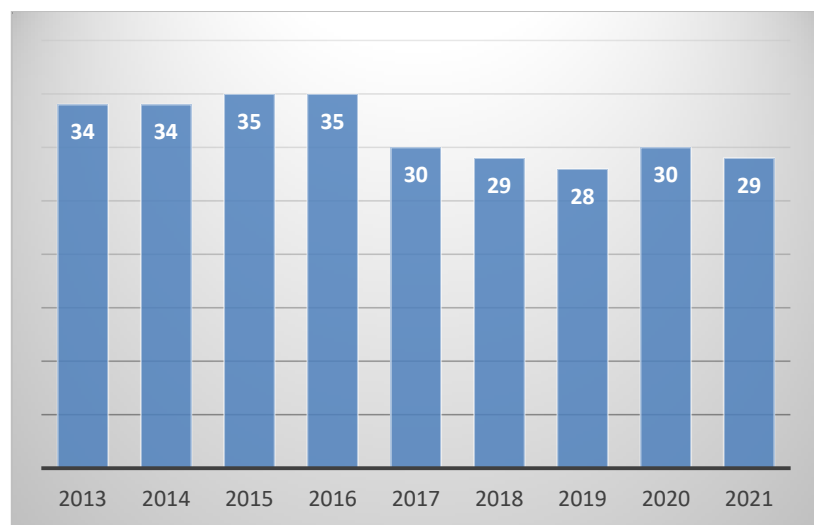

Рисунок 3 – Динамика индекса восприятия коррупции РФ за период 2013-2021 [5].

В рамках решения актуальных проблем социально-экономического развития СКФО необходимо использование механизмов государственно регулирования, которые способны достичь следующих результатов, как [1, с. 59]:

1. Сокращение неравенства и разрыва в показателях уровня качества жизни населения.
2. Сокращение разрывов и устранение барьеров в социально-экономическом развитии региона.
3. Стимулирование развития инфраструктуры.
4. Повышение уровня удовлетворенности населением качества предоставляемых государственных услуг в регионе.

Таким образом, в Северо-Кавказском федеральном округе существуют численные факторы и причины формирования социально-экономического неравенства и диспропорции в развитии. Из-за этого формируются внутренние проблемы региона, негативно влияющие на качество жизни местного населения. Соответственно важной задачей для Правительства будет выступать решение актуальных проблем социально-экономического развития СКФО.

Ориентиры социально-экономического развития субъектов СКФО должны быть основаны на диверсификации экономики, использовании локальных территориальных ресурсов, усилении интеграционных процессов в предпринимательской деятельности, учитывающих этнические особенности регионов. Региональная политика должна быть направлена на те алгоритмы поддержки, которые обеспечивают полную мобилизацию внутренних ресурсов и максимально возможное сближение уровней социально-экономического развития регионов.

Список литературы

1. Янковская Е.С. Проблемы государственного регулирования социально-экономического развития регионов России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2019. № 2 (70). С. 58-61.
2. Куконков П.И., Морозова Н.М., Устинкин С.В. Неравенства и диспропорции социально-экономического развития полиэтничного региона России (на примере Приволжского федерального округа) // Россия реформирующаяся. 2019. №17.
3. Регионы России 2021 // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 21.04.2022).

4. Яруллин Р.Р., Виноградская Д.Д. Проблемы бюджетной обеспеченности социальной сферы в РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 1-2 (52). С. 170-173.
5. Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/cpi2019?/news/feature/cpi-2019> (дата обращения: 26.04.2022).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ А. Г. ДУГИНА В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ГИБРИДНЫХ ВОЙН И ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ В XXI ВЕКЕ

Масаев М. В.

доктор философских наук

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, профессор кафедры культурологии и социокультурного проектирования Института медиакоммуникаций, медтехнологий и дизайна; Таврическая духовная семинария, заведующий кафедрой православного богословия и философии, проректор по научной работе, академик Крымской Академии наук
E-mail: mikhail-masaev@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой цепочку аналитических размышлений геополитических воззрений одного из самых ярких представителей современной российской геополитики, Александра Дугина.

Ключевые слова: геополитика, Александр Дугин, исторические уроки, новая геополитическая реальность.

GEOPOLITICAL VIEWS OF A. G. DUGIN IN THE CONTEXT OF THE PHENOMENON OF HYBRID WARS AND THEIR TRANSFORMATION IN THE XXI CENTURY

Masayev M. V.

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology Studies and Socio-Cultural Projecting of the Institute of Media communications, Media technologies and Design (SD) V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Head of the Chair of Orthodox Theology and

Philosophy, Vice-Rector in Scientific Work of Taurida Theological Seminary, Academician of the Crimean Academy of Sciences
E-mail: mikhail-masaev@yandex.ru

Abstract. The article is a chain of analytical reflections on the geopolitical views of one of the brightest representatives of modern Russian geopolitics, Alexander Dugin.

Key words: geopolitics, Alexander Dugin, historical lessons, new geopolitical reality.

Сравнительно недавно А. Г. Дугин, рассуждая о всплеске русофобии в ряде постсоветских стран, подчеркнул: «Ненависть к русским» – элемент *гибридной войны* (выделено нами – авт.) запада против России» [8]. Если бы у Александра Гелиевича не было авторитета мыслителя-геополитика, на этот тезис вряд ли бы кто обратил внимание, учитывая большое количество материалов по данным аспектам. Поэтому в данной работе наша задача – проанализировать взгляды А. Г. Дугина как геополитика, чтобы понять, насколько это важно в контексте феномена постижения так называемых гибридных войн.

1999 год был эпохальным годом в истории новейшей российской науки в направлении изучения геополитики. В то время геополитика как наука на российских просторах, по большому счёту, только зарождалась. Именно в этом году в издательском доме «Арктогея-центр» вышла книга А. Г. Дугина «Основы геополитики». Следует отметить, например, что именно эта работа А. Г. Дугина послужила своеобразным импульсом для многих авторов к исследованию сходных проблем на новой основе. Не остался в стороне от этого процесса и автор настоящей работы [4; 6].

В аннотации к книге было справедливо указано, что, во-первых, книга является первым русскоязычным учебным пособием по геополитике. Далее – в ней систематически и подробно изложены основы геополитики как науки, её теория, история. Кроме того, охватывается широкий спектр геополитических школ и воззрений и актуальные проблемы. И, помимо всего прочего, *впервые формулируется геополитическая доктрина России* (выделено автором – М. М.). Подчёркивается, что издание является «незаменимым справочником» для всех тех, кто принимает решения в важнейших сферах российской политической жизни – для политиков, предпринимателей, экономистов, банкиров, дипломатов, аналитиков, политологов и т. д.

Показательны некоторые особенно интересные тезисы А. Г. Дугина.

В главе 3, где анализу подвергается Хэлфорд Макиндер и его труд «Географическая ось истории» показательное следующее рассуждение российского геополитика: *на политической карте мира и в геостратегическом и геополитическом пространстве Макиндер признаёт ведущую роль России* (выделено авт. – М. М.): «Россия занимает в целом мире столь же центральную стратегическую позицию, как Германия в отношении Европы. Она может осуществлять нападения во все стороны и подвергаться им со всех сторон, кроме севера» («Географическая ось истории»).

Исходя из этого Макиндер считал, что главной задачей англо-саксонской геополитики является недопущение образования стратегического континентального союза вокруг «географической оси истории» (России). Следовательно, стратегия сил «внешнего полумесяца» состоит в том, чтобы оторвать максимальное количество береговых пространств от heartland'a и поставить их под влияние «островной цивилизации».

«Смещение равновесия сил в сторону «осевого государства» (России – прим. А. Г. Дугина), сопровождающееся его экспансией на периферийные пространства Евразии, позволит использовать огромные континентальные ресурсы для создания мощного морского флота: так недалеко и до мировой империи. Это станет возможным, если Россия объединится с Германией...» («Географическая ось истории»).

«Самое интересное, – подчёркивает в этом контексте А. Г. Дугин, что Макиндер не просто строил теоретические гипотезы, но активно участвовал в организации международной поддержки Антанты «белому движению», которое он считал атлантистской тенденцией, направленной на ослабление мощи прогермански настроенных евразийцев – большевиков. Он лично консультировал вождей белого дела, стараясь добиться максимальной поддержки от правительства Англии. Казалось, он пророчески предвидел не только Брестский мир, но и пакт Риббентроп – Молотов...»

В 1919-м году в книге «Демократические идеалы и реальность» он писал: «Что станет с силами мира, если однажды великий континент политически объединится, чтобы стать основой непобедимой армады?»

В этом случае А. Г. Дугин заключает следующее: «Нетрудно понять, что именно Макиндер заложил в англосаксонскую геополитику, ставшую через полвека геополитикой США и Северо-

Атлантического Союза, основную тенденцию: любыми способами препятствовать самой возможности создания евразийского блока, созданию стратегического союза России и Германии, геополитическому усилению heartland'a и его экспансии. Устойчивая русофобия Запада в XX веке имеет не столько идеологический, сколько геополитический характер. Хотя, учитывая выделенную Макиндером связь между цивилизационным типом и геополитическим характером тех или иных сил, можно получить формулу, по которой геополитические термины легко переводятся в термины идеологические».

А. Г. Дугин также показательное подчёркивает, что «независимо» от Макиндера Мэхэн – ещё один представитель и выразитель интересов геополитики англо-саксонского мира – пришёл к тем же выводам относительно главной опасности для «морской цивилизации». Этой опасностью являются континентальные государства Евразии, в первую очередь, Россия и Китай, а во вторую – Германия. Борьба с Россией, с этой «непрерывной континентальной массой Русской Империи, протянувшейся от западной Малой Азии до японского меридиана на Востоке», была для Морской Силы главной долговременной стратегической задачей.

Весьма интересны и аналитические рассуждения А. Г. Дугина относительно статуса государств после Второй мировой войны, закреплённого геополитически именно Крымской конференцией 1945-го года, когда именно Ялта была отправным пунктом принципиально новой для того времени геополитической реальности, по меткому выражению профессора С. В. Юрченко, «хроники создания нового мира» [2]: «Сохранение статус-кво, сложившегося сразу после Второй мировой войны, было наступательной позицией, так как, по предсказаниям атлантистских геополитиков, такая ситуация неминуемо должна была привести к истощению континентального блока, обречённого на полную автаркию и вынужденного в одиночку развивать все стратегические направления одновременно».

У heartland'a в такой ситуации было только два выхода. Первый – осуществить военную экспансию на Запад с целью завоевания Европы до Атлантики. После этого усилия СССР мог бы обеспечить себе спокойные морские границы и промышленно-интеллектуальный и технологический потенциал. Параллельно следовало бы предпринять аналогичное усилие и в южном направлении, чтобы выйти, наконец, к тёплым морям и порвать «кольцо анаконды» SeaPower. Это жесткий путь, который мог бы привести в случае успеха к стабильному

континентальному миру и в ближайшей перспективе к краху Америки, лишенной *gimland*.

Другой путь заключается, напротив, в уходе СССР и его ВС из Восточной Европы в обмен на уход из Западной Европы сил НАТО и создание единого строго нейтрального Европейского Блока (возможно, с ограниченным «диссуазивным» ядерным потенциалом). Этот вариант всерьёз обсуждался в эпоху Де Голля (особенно если вспомнить его идею «Европа от Атлантики до Урала» – М. М.) [см., например: 3; 7].

То же самое можно было бы осуществить и с Азией. Пойти на отказ от прямого политического контроля над некоторыми Среднеазиатскими республиками в обмен на создание с Афганистаном, Ираном и Индией (возможно Китаем) мощного стратегического антиамериканского блока, ориентированного внутриконтинентально.

Можно было бы, наконец, скомбинировать эти два варианта и пойти мирным путём на Западе и силовым на Востоке (или наоборот). Важно лишь было начать оба этих геополитических действия синхронно. Только в таком случае можно было бы надеяться на изменения планетарного баланса сил из явного позиционного проигрыша Суши к её выигрышу. Необходимо было любой ценой прорвать «сдерживание». Этим термином называли в период холодной войны геополитическую тактику «анаконды».

Но поскольку СССР так и не решился на этот радикальный геополитический шаг, атлантистским державам осталось только пожинать результаты строго рассчитанной и геополитически выверенной долговременной позиционной стратегии.

От всестороннего перенапряжения автаркийная советская держава не выдержала и пала. А военное вторжение в Афганистан без стратегического шага в Западной Европе (мирного или немирного) вместо того, чтобы спасти дело, окончательно усугубило ситуацию». Показательно, что мы до этого имели соответствующий урок истории, когда ещё в начале XIX столетия российский император Николай Павлович принял важнейшее решение не вводить русские войска в Афганистан, написав в резолюции буквально следующее: «Пусть в Афганистане умирают англичане» [Цит. по: 5, с. 134]. Однако это мудрое решение не было взято на вооружение советским руководством того времени.

Подобного типа рассуждения актуальны и на сегодняшний день, когда складывается, возможно, новая геополитическая ситуация,

которая может потребовать соответствующих «ответов» на «вызовы» современной реальности.

Список литературы

1. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России / А. Г. Дугин. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999. – 928 с.
2. Юрченко С. В. Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира / С. В. Юрченко. Симферополь: ИД «Крым», 2005. 340 с.
3. Путин напомнил о мечте Шарля де Голля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60d195509a7947b239982b7c> (дата обращения – 09.12.2021).
4. Масаев М. В. Вечные глобальные парадигмальные образы-бинарные оппозиции (Теллурократия – Талассократия, Восток – Запад, Коллективистическое общество – Индивидуалистическое общество) // Культура народов Причерноморья / М. В. Масаев. – 2008. – № 148. – С. 44-50.
5. Масаев М. В. Парадигмальні образи і символи історії України і їх роль у формуванні національно свідомої особистості в епоху демократичного оновлення України (у контексті формування громадянського суспільства в країнах слов'янського світу) / М. В. Масаев // Вісник Київського славістичного університету. – 2009. – № 41. – С. 134-139.
6. Масаев М. В. Геополитическое будущее Украины. Выбор Украины в цивилизационных координатах «талассократия» – «теллурократия» / М. В. Масаев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: География. – 2011. – Т. 24 (63). – № 2., ч. 1. – С. 99-104.
7. Масаев М. Шарль де Голль и Владимир Путин: не ошибается ли французский Иван / М. Масаев // Наш голос. – 2016. - № 14 (965). – 7 апреля. – С. 7.
8. Дугин А. Г. «Ненависть к русским» – элемент гибридной войны запада против России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-nenavist-k-russkim-jelement-gibridnoj-vojnny-zapada-protiv-rossija-410009> (дата обращения: 01. 02. 2022).

ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПАРАМЕТРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Мелибаев А.С.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
студент; Студенческое научное общество «Школа молодого
политолога», Заместитель председателя*
amelibaev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие этнической и гражданской идентичности. По мнению автора, в противостоянии примордиалистских и конструктивистских идей преимущество явно остается за последними. Постсоветская социальная практика подтвердила огромный потенциал конструирования представлений и превращения различных идей в реальные факты массового сознания. Этот успех означал преодоление этнической разобщенности, создание концепта «нация» как национальной и гражданской идентичности, внедрение его в сознание масс. Укрепление баланса идентичностей (гражданской и этнической) имеет первостепенное политическое значение и требует соответствующего теоретико-методологического обоснования.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, национальная идентичность, конструктивизм.

ETHNIC AND CIVIL IDENTITY: INTERACTION PARAMETERS

Melibaev A.S.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, student
Student Scientific Society «School of a young political scientist»,
Deputy Chairman*
E-mail: amelibaev@yandex.ru

Abstract. The article examines the interaction of ethnic and civic identity. According to the author, in the confrontation of the primordialist and constructivist ideas, the advantage clearly remains with the latter. Post-Soviet social practice has confirmed the enormous potential of constructing ideas and turning various ideas into real facts of mass consciousness. This success meant overcoming ethnic disunity, creating the concept of "nation" as a national and civic identity, and introducing it into the consciousness of the masses. Strengthening the balance of identities

(civil and ethnic) is of paramount political importance and requires appropriate theoretical and methodological justification.

Key words: ethnic identity, civic identity, national identity, constitutivism.

Исследовательский интерес к феномену идентичности в современных условиях во многом обусловлен инструментальным характером политических процессов. Само по себе понятие «идентичность» не имеет содержания, но приобретает его только с неким референтом, благодаря которому происходит отождествление субъекта с совокупностью характеристик и специфических черт, которые присущи реальной социальной группе. основополагающими типами идентичности являются «гражданская» и «этническая», которые влияют на политические процессы.

В противостоянии примордиалистских и конструктивистских идей преимущество явно остается за последними. Постсоветская социальная практика подтвердила огромный потенциал конструирования представлений и превращения различных идей в реальные факты массового сознания. Этот успех означал преодоление этнической разобщенности, создание концепта «нация» как национальной и гражданской идентичности, внедрение его в сознание масс.

Построение государства по методу «нация-государство» минимизирует, а затем и утрачивает характеристики культур, которые не являются численно доминирующими в полиэтничном и мультикультурном обществе. Реализация концепции гражданской нации означает, что язык и культура титульного (наиболее многочисленного) этнического общества станут доминирующими по отношению к другим этническим образованиям, которые в той или иной степени будут ассимилированы в доминирующее этническое сообщество при сохранении своих культурных, религиозных и языковых прав.

Для всех наций характерно формирование единого гражданского самосознания. Люди, составляющие этническую группу, осознают свою принадлежность именно к этой, а не к какой-либо другой этнической общности. В рамках гражданского самосознания формируется особая идентичность. При этом общий язык, традиции и нормы поведения, общая история и культура, комплекс эстетических взглядов и идей, символы, приобретают особое значение. Таким образом, национальное самосознание систематизируется в процессе

этноисторической самоидентификации, которая отличает одну нацию от другой.

Россия представляет собой сложное в этническом и конфессиональном смысле государственное образование, интегрирующее различные культурно-языковые и конфессиональные группы с различными культурно-историческими особенностями традиций, верований, этических норм и ценностей. Такое этническое, культурное и религиозное многообразие всегда было мощным ресурсом национального развития и одним из факторов национальной конкурентоспособности в мировом пространстве. С другой стороны, практически все полиэтнические нации сталкиваются с рядом проблем, которые имеют этносоциальный, этнополитический, этнорелигиозный характер. Поэтому поиск баланса идентичностей имеет первостепенное политическое значение.

В контексте российской гражданской идентичности речь идет о чувстве принадлежности индивида к нации, т.е. о самоидентификации человека как гражданина конкретного государства - Российской Федерации. Гражданская идентичность выражается также в чувстве принадлежности индивида к региональному образованию государства (республике, области), основанном на готовности выполнять обязанности, связанные с гражданством, и пользоваться всеми политическими правами, независимо от национальности или конфессиональной принадлежности.

Также следует отметить, что недооценка конфликтного потенциала межэтнических отношений и этнокультурных различий может обострить межэтнические и социальные проблемы, вызвать ситуации, угрожающие стабильному развитию государства. Поэтому национальная идентичность должна занять достойное место в матрице идентичности российского народа как гражданской нации.

Национальная идентичность, как правило, формируется на основе национальных парадигм и является многокомпонентной. Она включает в себя воспоминания об историческом прошлом, которые формировались на протяжении веков и тысячелетий и являются важным фактором поддержания национальной идентичности. В связи с этим формирование национальной идентичности имеет важное значение, ибо она «выстраивает основополагающий стержень общества, так как позволяет понять, что объединяет людей в единый народ и что отличает его от других народов» [4, с. 8].

Подводя итог сказанному, отметим, что национальная идентичность — это инструмент интеграции этносов в единое культурное, политическое и гражданское пространство, которое

формируется с помощью интеграции разнородных в этнокультурном смысле сообществ. Национальная идентичность является необходимым условием устойчивого существования нации в современном цивилизационном и культурном пространстве. Поэтому формирование национальной идентичности чрезвычайно актуально для современной России.

Список литературы

1. Гаглоева А. Б. Факторы формирования гражданской и этнической идентичностей // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №66-3. С.348-351.
2. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. 2008. №7. С.214-227.
3. Еремина Е.В., Ретинская В.Н. Региональная и гражданская идентичность: взаимосвязь и механизмы формирования // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 9 С. 190—197.
4. Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим [коллективная монография] / отв. ред. Т.А.Сенюшкина; науч. ред. Е.А.Сенюшкин. – Симферополь: Н.Орианда, 2022. – 320 с.
5. Шавердо Т.М. Идентичность гражданская и этническая: система «пропусков» в сообщество // Социологический альманах. 2021. №12. С.60-68.

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ А.С.ПАНАРИНА

Мохов А.В.

*Севастопольский государственный университет,
доцент кафедры «Политические науки и философия»;
Черноморский информационно-аналитический центр, директор
E-mail: chiac-92@bk.ru*

Сенюшкина Т.А.

*Доктор политических наук,
Заслуженный работник образования Республики Крым,
Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
профессор кафедры политических наук и международных отношений
E-mail: senyushkinata@cfuv.ru*

Аннотация. На основе идейного наследия известного российского политолога А.С.Панарина рассматривается восточный вектор внешней политики России в контексте тенденции современного мирового развития – исторически беспрецедентного по масштабам и скорости сдвига центра мировой экономики и политики на Восток. Подчёркивается, что евразийское пространство является одной из приоритетных сфер, в которой реализуются экономические, политические и военно-геополитические интересы России. Делается вывод о том, что идеи, сформулированные А.С.Панариным, имеют прогностический характер, что требует, по мнению авторов, более глубокого их осмысления в системном и целостном виде.

Ключевые слова: Идейное наследие А.С.Панарина, восточный вектор внешней политики России, Китай, ценности, идеология, риски в российско-китайских отношениях.

THE EASTERN VECTOR OF RUSSIAN FOREIGN POLICY AND THE IDEOLOGICAL LEGACY OF A.S.PANARIN

Mokhov A.V.

Sevastopol State University, Associate Professor of the Department of Political Sciences and Philosophy, Black Sea Information and Analytical Center, Director

E-mail: chiac-92@bk.ru

Senyushkina T.A.

Doctor of Political Sciences,

Honored Worker of Education of the Republic of Crimea,

V.I.Vernadsky Crimean Federal University, Professor of the Department of Political Sciences and International Relations

E-mail:senyushkinata@cfuv.ru

Abstract. Based on the ideological heritage of the famous Russian political scientist A.S. Panarin, the eastern vector of Russia's foreign policy is considered in the context of the trend of modern world development – historically unprecedented in scale and speed of the shift of the center of the world economy and politics to the East. It is emphasized that the Eurasian space is one of the priority areas in which Russia's economic, political and military-geopolitical interests are realized. It is concluded that the ideas formulated by A.S.Panarin have a prognostic character, which, according to the authors, requires a deeper understanding of them in a systematic and holistic form.

Key words: The ideological heritage of A.S.Panarin, the eastern vector of Russia's foreign policy, China, values, ideology, risks in Russian-Chinese relations.

Важнейшая из тенденций современного мирового развития – это «исторически беспрецедентный по масштабам и скорости сдвиг центра мировой экономики и политики в «новую Азию»: в её восточные, юго-восточные регионы и Индию» [2, с. 5]. 2022-й год в этом смысле можно считать краеугольным, так как на мировой политической арене особенно громко зазвучал голос не западных стран, которые пришли к осознанию того, что «Азия – это уже не «третий мир», нуждающийся в лидерстве» более развитых держав, и не безмолвная «мировая мастерская», а всё более самостоятельный экономический и политический субъект на мировой арене» [6].

Сегодня евразийское пространство является «одной из приоритетных сфер, в которой реализуются экономические интересы России» [7, с. 275]. Основные военные партнёры России также находятся на Востоке – КНР, Индия, государства-члены ОДКБ, с которыми развивается разностороннее сотрудничество.

Наряду с этим, как отмечают эксперты, в современной Евразии реализуются два конкурирующих друг с другом проекта. При этом «за каждым из них стоят национальные интересы ведущих игроков, набор региональных военно-политических и экономических стратегий, двусторонних и многосторонних международных механизмов, соответствующее идеологическое и концептуальное оформление. Под каждый из проектов собираются коалиции, мобилизуются союзники, накапливаются ресурсы» [3].

Первый проект получил название «Индопацифика». Его практическая реализация осуществляется со стороны США, путём укрепления двусторонних отношений со странами региона, а также создания многосторонних форматов сотрудничества. В качестве примера можно привести проект «Квадро», призванный объединить четыре страны Индо-Тихоокеанского региона — США, Японию, Австралию и Индию.

Цель альтернативного стратегического проекта - «Сообщество единой судьбы» была сформулирована Си Цзиньпином в ноябре 2012 года на XVIII съезде КПК. Данный проект предполагает консолидацию континента не извне, а изнутри, не от периферии к центру, а, напротив, от центра к периферии. В роли основного «каркаса» континента должна выступить не внешняя рамка, а целая система дополняющих друг друга осей (транспортно-логистических

коридоров), стягивающих в единое целое запад и восток, север и юг. В последующем этот подход получил развитие в «периферийной дипломатии» Китая, а также в инициативе «Один пояс и один путь» и проекте Всестороннего регионального экономического партнерства. Характерно, что участниками этого последнего проекта стали, помимо стран АСЕАН, и традиционные «морские» союзники США в АТР — Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия [3].

Оценивая противостояние двух названных проектов, А.Картунов отмечает, что оно «будет длительным и напряженным. Тактические компромиссы между двумя проектами возможны и, скорее всего, даже неизбежны. Но в долгосрочной перспективе два проекта вряд ли полностью совместимы. В конце концов, победителем может быть только один, оставив альтернативному варианту участь тупикового направления исторической эволюции евразийского континента» [3].

Как реализует свои национальные интересы в этом регионе Россия, какую роль она будет играть в интеграционных процессах в Евразии, какие риски несёт в себе для российского общества и государства «восточный вектор»? Эти и многие другие вопросы сегодня являются крайне актуальными.

Ровно 20 лет назад известный российский политолог А.С.Панарин опубликовал свои размышления на эту тему в книге «Глобальное политическое прогнозирование» [5]. Третья глава этой книги называется «Разработка сценариев в парадигме синтетического прогнозирования», в которой центральное место занимают прогностические модели «Восток-Запад» и «Север-Юг». В качестве альтернативного сценария А.С.Панарин рассматривает прогностическую модель «Россия-Восток», пытаясь «сопоставить варианты диалога России с Востоком в его специфической цивилизационной ипостаси как альтернативного западному культурного космоса, и с Востоком как «Югом» - обиталищем угнетённых» [5, с.118].

Идеи, изложенные А.С.Панариным в этой книге, имеют явный прогностический характер, что требует, на наш взгляд, более глубокого их осмысления в системном и целостном виде.

Прежде всего, заслуживает внимания обращение А.С.Панарина к теме пиков модернизационной волны на крайнем Западе и дальнем Востоке, при анализе которых он указывает на «загадочную впадину посередине – в пространстве России» [5, с.119]. Как 20 лет назад, так и сегодня это подтверждается данными статистики. Достаточно сравнить показатели ВВП за 2021 год: США – 22,9 трлн \$ или 24,4%

мирового ВВП; Китай – 16,9 трлн \$, или 17,9 % мирового ВВП; Россия – 1,6 трлн \$ или 1,7 % мирового ВВП.

На ВВП США (22,9 трлн \$) приходится примерно 25% мировой экономики, доли, которая на самом деле существенно не изменилась за последние 60 лет. Финансы, страхование и недвижимость (4,7 триллиона долларов) вносят наибольший вклад в экономику страны, за ними следуют профессиональные и деловые услуги (2,7 триллиона долларов) и правительство (2,6 триллиона долларов). Экономика Китая занимает второе место в номинальном выражении с ВВП около 17 триллионов долларов. Она остается крупнейшим производителем в мире по объему производства, включая, в частности, производство стали, электроники и робототехники [4].

Раскрывая причины экономического успеха стран Дальнего Востока, А.С.Панарин обращает внимание на этические факторы: «в отличие от либерально-индивидуалистической «морали успеха» это мораль «коллективистского успеха» [5, с.120]. Вместо протестантской этики мы видим здесь «дух самурайской аскезы, самопожертвования и дисциплины» [5, с.120].

В этом контексте особого внимания заслуживают рассуждения А.С.Панарины о ценностных причинах «впадины модернизационной волны», в которой оказалась Россия: «Она образовалась не по причине российского традиционализма, как это утверждают отечественные и зарубежные либералы, а по прямо противоположной причине: благодаря сверхинтенсивному западному облучению в России оказались разрушенными социокультурные основания общественной мобилизации. Не дефицит секуляризации, индивидуализма, гедонизма и «открытости» мешает сегодня России подняться, а их явный избыток [5, с.120]. Современная противоречивость образа России связана также и с тем, что «либеральная вестернизация, развращающая общество и породившая всеразрушительный ростовщический капитализм, противоречит и национальным интересам России, и ее назначению» [5, с. 120-121].

Отметим также, что А.С.Панарин фактически предвосхитил события 2022 года. «Учитывая статус России как хартленда и сокровищницы величайших земных ресурсов, - писал он, - совершенно ясно, что настоящая борьба между виртуальной и реальной экономикой, между паразитарным либеральным интернационализмом и защитниками Земли как Отечества развернется именно в России. Очевидно также, что в этой борьбе союзником России может стать Восток или Юг <...> Именно России предстоит

воссоздать альтернативный полюс, восстановить биполярность как механизм борьбы добра со злом в этом мире» [5, с.121-122].

Рассуждая в этом направлении, А.С.Панарин на концептуальном уровне обосновал перспективы евразийского проекта для России, основанного на симбиозе экономик России и Китая: «экономики России и Китая, может быть как никакие другие, дополняют друг друга. Огромная, но лишенная нужного количества рабочих рук территория России к востоку от Урала, с одной стороны, и не имеющая аналогов изобильная и трудолюбивая рабочая сила Китая — с другой — вот полюса, которые в каком-то смысле просто не могут не тяготеть друг к другу. Если энергетику этого тяготения перевести из геополитической конфронтации в стратегическое партнерство, мы можем получить искомый полюс биполярности, на который ориентируется мир» [5, с.126]. Однако существуют и некоторые объективные факторы, способные в будущем поставить Китай в конфронтационные отношения с российским государством. В частности, А.С.Панарин указывает на «тихую конфедерализацию» России, демографический и промышленный вакуум, связанный с массивной деиндустриализацией страны и идейное преимущество Китая.

Наряду с этим, по мнению А.С.Панарина, ключевая идеологическая проблема современного Китая проявляется на ценностном уровне. Речь идёт о разнонаправленных тенденциях, которые проявляются в конфликте ценностей потребительского общества и восточной цивилизации. «Потребительский человек с великими восточными цивилизациями не совместим», - делает вывод А.С.Панарин. Следовательно, Китаю «вслед за ослаблением морально устаревших коммунистических синтезов предстоит срочно выработать новые идейные синтезы. Само собой разумеется, они не могут быть заёмными — у современного Запада не осталось духовных резервов для обуздания великой потребительской революции, перерастающей, по закону радикализации, в великую криминальную. Китаю предстоит поискать альтернативу в недрах собственной цивилизационной традиции» [5, с. 137].

В итоге, А.С.Панарин приходит к выводу, что для формирования духовной альтернативы у Востока, и у Китая в том числе, немного времени: «Модерн в разгаре своего идейного кризиса становится особенно агрессивен и отныне снимает все барьеры, препятствующие inferнальной страсти или игре на понижение — на подрыв всех твердынь духа и морали, осквернение всех святынь, последовательной дезориентации современного человека. У модерна отныне нет средств

воодушевления — он пользуется противоположным: всячески дискредитирует нравственное воодушевление, объявляя его «пережитком». Но впереди у человека на земле — не расслабленность вселенского потребительского рая, а беспрецедентные по масштабу и сложности задачи, ибо экономические и духовные резервы модерна уже исчерпаны и предстоит осваивать новую парадигму существования в условиях, чрезвычайно ухудшенных в результате предыдущих разрушительных практик. В этой ситуации понадобится новое горение — высочайшая мотивация, без которой у грядущего поколения наверняка опустятся руки. Открытие этих новых источников мотивации — задача, которую также предстоит решать Востоку [5, с.139].

Идеи А.С.Панарина, к которым мы обратились в этой статье — лишь малая часть того концептуального и теоретического наследия, которое он оставил нам в своих книгах. Очень хотелось бы, чтобы они были востребованы в российском политическом, теоретическом и аналитическом дискурсе не конформистски-фрагментарно, как это делается сегодня, а в целостном, системном и подлинном виде, иначе смысл и энергия идей А.С.Панарина будет рассыпаться и вязнуть в вялой риторике псевдоинтеллектуальных дискуссий и «зыбкой почве интеллектуального застоя» [1, с. 4].

Список литературы

1. Громько Ан.А. Глобализация и глобальное управление: возможности и риски // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 3. С. 3-26.
2. К Великому океану, или новая глобализация России. Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, июль 2012. 80 с.
3. Картунов А. Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoy-sudby/>
4. Мировая экономика и ВВП в 2021 году на инфографике. URL: <https://tyulyagin.ru/ratings/mirovaya-ekonomika-i-vvp-2021.html>
5. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. 352 с.

6. Поворот России на Восток: ожидания и реальность. Валдайский клуб. Мнения экспертов. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-rossii-na-vostok-ozhidaniya-i-realnost/01.07.2019>
7. Сенюшкина Т.А. Стратегическое положение России на оси «Восток-Запад» // Политическое пространство и социальное время: Власть символов и память поколений. Сборник научных трудов XXXVIII Международного Харакского форума 2–5 ноября 2021 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сенюшкин, Л.Н.Гарас] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 272-277.

**ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА,
НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИДЕОЛОГИИ И
ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА
КОЛЧАКА. 1918-1920 ГГ.**

Наумова Н.И.

Кандидат исторических наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет, доцент

E-mail: tomnin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы послевоенного устройства мира на Парижской мирной конференции 1919 г. и варианты решения проблем национального самоопределения, национально-территориального устройства новых государств, которые возникли после распада Австро-Венгерской и Российской империй. Право на национальное самоопределение не отвергалось Российским правительством, если это «не приводило к распаду государства». Предложения Российского правительства адмирала Колчака основывались на сочетании принципов национального самоопределения и учета экономических и политических интересов России. Предлагалось применять подобные принципы с учетом конкретных обстоятельств и в других ситуациях. Белогвардейские лидеры полагали: необходимо было найти основы реализации права на самоопределение для обеспечения мирного послевоенного устройства.

Ключевые слова: Парижская конференция, национальное самоопределение. Правительство адмирала Колчака, единство России.

**ISSUES OF STATE UNITY, NATIONAL SELF-
DETERMINATION AND INTERNATIONAL RELATIONS IN THE
IDEOLOGY AND POLICY OF THE GOVERNMENT OF ADMIRAL
KOLCHAK. 1918-1920.**

Naumova N.I.

Candidate of Historical Sciences

National Research Tomsk State University, Associate Professor

tomnin@yandex.ru

Abstract. The author explores the issues of the post-war world order at the Paris Peace Conference in 1919 and options for solving the problems of national self-determination, as well as the national-territorial structure of new states that arose after the collapse of the Austro-Hungarian and Russian empires. The right of national self-determination was not rejected by the Russian government in case when it "did not lead to the collapse of the state." The proposals of the Russian government of Admiral Kolchak were based on a combination of the principles of national self-determination and consideration of Russia's economic and political interests. It has been suggested that similar principles be applied in specific circumstances to other situations. The White Guard leaders believed that it was necessary to find the basis for the realization of the right to self-determination in order to ensure a peaceful post-war order.

Key words: Paris Peace Conference, national self-determination, Government of Admiral Kolchak, unity of Russia

Создание Версальской системы международных договоров закрепило итоги Первой мировой войны. Версальская система рассматривалась как способ урегулирования международных вопросов, которая, в свою очередь, не привела к созданию «справедливого и разумного мира» и породила новые противоречия (1, с. 126). Договоры представляли международно-правовое оформление реорганизации больших империй - Австро-Венгерской и Российской империй - и образования независимых государств Центральной и Восточной Европы. Включая малые государства: Эстонию, Латвию, Литву, а также Польшу, Финляндию, Чехии, Словакию, Сербию. Все это не избавило в будущем от

подозрительности и напряженности в отношениях между ними, от взаимных территориальных претензий. И породило комплекс дипломатических, политических и военных проблем.

Новый порядок государственно-территориальных изменений выстраивался на Парижской конференции на основе «принципа национальности» как основы мирного урегулирования и построения нового мирового порядка, предложенный американским президентом Вильсоном. На практике границы создаваемых государств, «создаваемых по принципу «национальности», не совпадали в полной мере с национально-этническими и языковыми ареалами. Особое значение приобрела проблема национальных меньшинств в результате произвольного национально-государственного размежевания в Европе. Политическая целесообразность, учет геополитических интересов стран-победительниц в первую очередь привели к появлению противоречий, этнической розни, которые не решены до настоящего времени. Были сформированы слабые по экономическому потенциалу государства, многоэтнические по составу с большими друг к другу территориальными претензиями. В результате создан регион международной, экономической и политической нестабильности, которая усиливалась благодаря росту этнического национализма в новых малых государствах.

Российские исследователи обращаются к национальной политике белогвардейских властей и делают новые выводы. Некоторые из них подчеркивают ее противоречивость, ее нереализованный потенциал в сбалансированности межнациональных отношений и интересов государства. Достаточно сложной позиция правительства адмирала Колчака проявилась на Версальской конференции в 1919 г. именно в этом вопросе. Однозначно признавалось равноправие в сфере национальных отношений. Но воплощение нового принципа международных отношений – права на самоопределение – требовало комплексного подхода в его понимании и реализации, как полагали политики, представители Верховного правителя.

Россия занимала в системе международных отношений стратегическое положение. Правительство во главе с адмиралом Колчаком (ноябрь 1918 г.- февраль 1920 гг. с центром в Омске.) осознавало себя как Российскую власть и рассчитывало принять участие в Парижской конференции, где решались судьбы мира и России, представляя здесь «интересы всего русского государства». Надеялись белогвардейские лидеры представить свои принципы решения послевоенного устройства мира, который выстраивался на основе права на самоопределение. Требовалось определить свое место

в меняющемся мире, в новом мировом устройстве. В значительной мере ситуация осложнялась тем, что в Париж прибыли делегации правительств Дона, Кубани, Украины, Закавказья, Прибалтийских государств с требованиями признать их право на самоопределение как государственных субъектов.

Для лидеров «белого движения» как политиков, так и идеологов, проблема теоретического понимания, а также реализации принципа самоопределения приобрела важнейшее значение в борьбе за «единую и неделимую Россию». Опасение вызывало его практическое воплощение, поскольку требовало изменение существующего международного порядка, грозило развалом многонационального государства и увеличивало появление сепаратистских форм самоопределения. Подобный принцип мирового переустройства на основе национального самоопределения белогвардейские идеологи и политики считали разлагающим и губительным для российской государственности, ее целостности. Подчеркивалось, что в основании политического самоопределения и создания государства не может быть только один этнический интерес.

Так, некоторые специалисты подсчитали, какие потери ждут Россию в результате удовлетворения требований самостийников (польских, финских, кавказских, прибалтийских) потеряно будет 41,7% территории, 57,5% населения (отойдут самые густонаселенные территории). Это будет означать потерю природных богатств: каменного угля, железной руды, соли, 80% добываемой нефти, а также значительного количества производимого чугуна, машиностроительной продукции. Россия лишалась портов Балтийского моря. В такой ситуации самоопределение называли «врагом России» (2). В опубликованных газетных материалах выявлялись негативные последствия для внутренней жизни России при создании новых государств на окраинах – конфликты, уменьшение потенциальных экономических возможностей развития в крупных государственных объединениях.

В тоже время белогвардейцы требовали рассматривать национальное самоопределение в зависимости от общественного контекста, в русле таких проблем, как национальный вопрос, федерализм и унитаризм, целостность государства, его безопасность, вопросы геополитики. При обязательном учете конкретной ситуации (Польский вопрос предлагалось решать в интересах польского народа, но при учете экономических интересов России, в том числе о перенесении на Польшу соответствующей части долга). (3, Л. 1-2).

Аргументом в пользу сохранения единства России в политических устремлениях лидеров и идеологов становился такой фактор, как многомиллионные потери жизней на полях сражений, цена их такова, что не позволяло ее «умалить, т.е. уменьшать ее территорию», это «кровное достояние России» (4).

Право на самоопределение народов не отрицалось, но без крайностей, т.е. «разложения государства». Об этом было сказано в интервью управляющего Министерством иностранных дел Ю.В. Ключникова (5). В итоговом документе созданного при МИД Особого подготовительного к мирным переговорам совещания говорилось о решении послевоенного устройства мира в согласии с интересами России. Рассматривались польский, чехословацкий, югославянский вопросы, «программа условий общего мира Вильсона», вопрос о самоопределении народностей и его важности для России, «которая никогда не потеряет своего огромного значения в международных отношениях» (6).

Особое внимание было уделено праву на самоопределение, которое рассматривалось с точки зрения внутренней (которое не требовало внешнего согласования) и международно-правовой составляющей. В процессе самоопределения, было отмечено на совещании, участвуют две стороны и интересы каждой из них должны быть соблюдены. Так был определен принцип взаимного учета интересов при реализации права на самоопределение. Рассматривались ситуации, когда политическое самоопределение невозможно (7). Предлагалось более точно определить содержание понятия «самоопределение народов». Названы были критерии реализации «идеи самоопределения» - только «при совпадении экономических и национальных интересов», поскольку «для самостоятельного политического существования необходимы экономические ресурсы». Подчеркивалось, что политическое самоопределение возможно было реализовать в условиях, когда это не наносило «ущерба мирному сожителству народов» (8).

Белогвардейскими правительствами были созданы структуры, которые комплексно рассматривали эти проблемы. Вопросы самоопределения звучали в Декларациях Русского политического совещания, созданного в Париже из бывших послов царского правительства и белогвардейских организаций. В его состав входил С.Д. Сазонов, назначенный управляющим отделом внешней политики при Особом совещании при Добровольческой армии. В январе 1919 г. он был определен на должность министра иностранных дел колчаковского правительства. В донесениях в Омск характеризовалась

политическая обстановка на Парижской мирной конференции, позиции великих держав по всем важным вопросам, включая самоопределение. В Декларациях Политическое совещание объясняло позицию Российского правительства Председателю Парижской конференции по польскому и другим вопросам и требовало их решения по согласованию «с русским народом», Россией (9).

Во многих статьях критиковался принцип создания Лиги Наций с целью создания «вечного мира», что считалось невыполнимым. Формирование «буферных государств из малых народов» не станет барьером для соседей. Это будут стеклянные перегородки, которые быстро рухнут под влиянием возросших устремлений Германии и самостоятельных требований новых малых государств, что станет источником новых потрясений. Последние не будут представлять самостоятельную силу и превратятся в сателлитов больших государств (10).

Таким образом, идеологи и политики белогвардейского правительства представляли решения проблемы самоопределения как внутри государства, так и в международных отношениях. Свое понимание проблем не смогли представить на Парижской мирной конференции. Возможно, некоторые принципы могли бы быть приняты.

Список литературы

1. Сыч А.И. Национальный аспект Версальской проблемы// Вопросы истории. 2004. №1. С. 126-133.
2. Сверженский С. Что такое «самоопределение народов» для России// Правительственный вестник. Омск. 1919.11 апреля.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.200. Министерство иностранных дел Российского правительства. Омск.Оп.1. Д.360. Л.1-2.
4. Арнольд Л. Помните о западной границе// Русская армия. Омск. 1919. 20 июня.
5. Русская армия. Омск.1918. 21 ноября.
6. Из Особого совещания при Министерстве иностранных дел// Русская армия. Омск.1919. 1 февраля.
7. ГАРФ.Ф.200.Оп.1.Д.261а.Л.9-9об.
8. ГАРФ.Ф.200. ОП.1.Д. 261а. Л.13-14.
9. Декларация Русского политического совещания «Господину председателю Мирной конференции» // Енисейский вестник. Красноярск. 1919. 26(8) июня.

10. «Гиганты» и «пигмеи»// Русская армия. Омск. 1919. 19 сентября.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Павловцева О. В.

Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, студентка
E-mail: pavlovtsevaov@bk.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу геополитических вопросов и исторически сложившихся геостратегических императивов современной Японии. В статье затрагиваются исторические корни геополитического кода Страны восходящего солнца, как концепта, определяющего сущность идейного конструкта японской нации. Значительное внимание уделяется рассмотрению эволюции геополитических парадигм пространственных отношений Японии в мире. Изменение политической ситуации после Второй мировой войны оказало определенное влияние на методы реализации основной геополитической концепции, сменив агрессивную политику на применение методов экономического, технологического влияния. Современный период развития общества оформил уже существующую цель создания Великой Японии. Геополитические приоритеты, как тактические направления, ведущие к основной цели, публикуются ежегодно в Дипломатической Синей книге. В статье затрагивается тематика используемых методов достижения геополитических целей, и поясняются особенности применения Сил самообороны Японии.

Ключевые слова: Геополитика, современность, Япония, цивилизация, приоритеты, императивы, геостратегия, вектор внешней политики.

GEOPOLITICS OF MODERN JAPAN

Pavlovtseva O.V.

Saint Petersburg State University of Economics,
Student
E-mail: pavlovtsevaov@bk.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of geopolitical issues and historically established geostrategic imperatives of modern Japan. The article touches upon the historical roots of the geopolitical code of the Land of the Rising Sun as a concept that determines the essence of the ideological construct of the Japanese nation. Considerable attention is paid to the evolution of geopolitical paradigms of Japan's spatial relations in the world. The change in the political situation after the Second World War had a certain impact on the methods of implementing the main geopolitical concept, replacing an aggressive policy with the use of methods of economic and technological influence. The modern period of the development of society has formalized the already existing goal of creating Greater Japan. Geopolitical priorities, as tactical directions leading to the main goal, are published annually in the Diplomatic Blue Book. The article touches upon the subject of the methods used to achieve geopolitical goals, and explains the features of the use of the Japan Self-Defense Forces.

Key words: Geopolitics, modernity, Japan, civilization, priorities, imperatives, geostrategy, foreign policy vector.

Согласно основам современных геополитических исследований, принципы геополитического анализа содержат принципы территориальности, развития и сохранения накопленных количественных изменений. Следуя им, можно обосновать необходимость и неизбежность процессов, являющихся предметом настоящей статьи. Данный доклад предлагает ответы, которые по мнению автора, отвечают на вопрос: какие действия современной Японии являются её тактическими шагами, предпринимаемыми в рамках генеральной концепции, заключающейся в достижении её высшей цели. А также — какова основная, генеральная геополитическая концепция Японии, её геостратегический императив.

В Синей книге Дипломатии Японии 3 года Рейва (2021 год), ежегодно публикуемой МИД, обозначаются геополитические приоритеты Японии. Цели геополитики Японии на современном этапе включают семь приоритетных направлений. Краеугольным камнем является укрепление союза Японии и США. Продвижение Индо-

Тихоокеанского региона и реализация в нем свободного и открытого региона, является вторым приоритетным направлением. Третий приоритет включает три вектора: реагирование по различным проблемам в Китае, Южной Корее и в России. Четвертое направление — вопросы, связанные с Северной Кореей, пятое — ситуация на Ближнем Востоке. Принятие мер по созданию новых правил, и реагирование на глобальные проблемы относятся к шестому и седьмому направлениям.

Важно проследить эволюцию становления Японской геополитической идеи.

Концепция собирания земель под эгидой Японии зародилась еще в XVIII веке и стала неотъемлемой частью геополитического кода Японии. Колин Флинт рассматривает геополитический код, как принцип позиционирования страны на международной арене [8]. Геополитические коды являются исторически сложившимися представлениями у народа процессов, происходящих в мире. Код определяет геополитическую концепцию. Для понимания концепции Японии нужно представлять ее геополитический код.

Код Японии, как считали геополитики Императорского Университета в Киото — например, Санэсигэ Комаки [16], — заключается в создании Великой Японии из единственной, уникальной страны, с собиранием восьми углов под одной крышей, то есть — расширения японского пространства до Великой Азии под божественной властью Императора — Небесного государя тэнно, как олицетворения слияния божественного духа природы и предков.

Согласно цивилизационной парадигме, самобытная древняя богатая культура Японии предполагает глубинные преимущества уникальной цивилизации, о чем писали многие ученые и политологи. В частности, американский геополитик С.Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» считает японскую цивилизацию независимой и уникальной [2, 3], Терумаса Наканиши в «Истории национальной цивилизации» [23] также рассматривает уникальный цивилизационный процесс страны, Ёситака Коидзуми утверждает, что Япония была родиной мировой цивилизации и центром мира [24].

Развитие геополитических парадигм для пространственных отношений Японии имеет начало в трактате 1720 года «Размышления о японской земле» географа Нисикава Дзёкэн — где он обосновывал достоинства и красоту Японии, находящуюся в центре первого мира, в который, кроме Азии, входят Европа и Африка. Позже, самураем княжества Мито — Аидзава Сэйсивай — в 1825 году в трактате «Синрон» было показано, что божественная страна, где всходит

солнце, и откуда исходит мировая энергия «ки», — занимает на земле положение головы и достойна быть образцом для десяти тысяч стран.

Уже в начале XX века, когда более изолированная японская цивилизация была вынуждена взаимодействовать с западной, Утимура Кандзо написал «Религиозную географию», где обосновывал то, что природные условия Японии и её географическое положение предоставляют возможность для выявления её особой исторической миссии. Уникальность японского народа подчеркивало много японских ученых. Фурухато Танэмото считал японцев высшим народом-семьей, и что только на японских островах, где правит несменяемая божественная императорская династия, мог сформироваться подобный народ, «согретый теплотой жизни предков» [5].

Безопасность государства при таких геополитических амбициях была обеспечена изолированностью и наличием флота. Страна располагается на 6800 островах в Тихом океане, подобная изолированность позволила сформировать высокий уровень самобытной культуры и сохранить преемственность традиций.

К 30-м годам прошлого века паназиатизм стал одной из основных идей официальной идеологии. В Японии развитие геополитики формировалось к началу Второй мировой войны и по германскому типу. Как бы в противопоставление классической концепции разделенного Хартленда, в Восточной Азии возник паназиатский проект Дайтоа (яп. 大東亜が) [20] — проект независимости азиатских народов, где, рассматривая свою территорию, как сердце суши, как мир, имеющий свои особый дух и предназначение, японское руководство в середине XX века пыталось изменить структуру окружающего пространства — установить подчинение соседних государств центру — Японии. При достижении достаточной ресурсной базы в Японии сформировалась идея покорения мирового пространства и формирования сверхдержавы в рамках Великой Азиатской сферы сопроцветания, которая должна была реализоваться путем силовой экспансии в период Второй Мировой Войны. Профессор Университета Киото — Комаки Санэсигэ был ведущим ученым, который обосновывал данную «имперскую геополитику» [26, 27]. Он говорил, что всё расчленение мира придумано западными учеными, а потому всё пространство является океаном Великой Японии. И так как Япония появилась первой на свете, то и восстановление порядка с единой территорией и основой мира — Японией, — это возврат к первоначальному положению вещей. Удзи Амау — пресс-секретарь японского МИДа в 1930 году,

Тодзё Хидеки — премьер-министр Японии в 1942 году, японский принц Коноэ Фумимаро — были наиболее видными представителями данного направления [17, 18].

После поражения в 1945 году, Япония отказалась от военного способа распространения своего детерминизма. Но не отказалась от своего первостепенного геостратегического императива — от самой идеи сверхдержавы, достойной быть форвардом развития всего азиатского-тихоокеанского региона.

В противовес агрессивному и потерпевшему крах проекту Великой восточноазиатской сферы процветания, где должна была быть обеспечена автономная от влияния Запада зона безопасности и снабжения Японии: от Сахалина — до Ост-Индии, от Восточной Сибири и Тибета — до Гавайев, — после долгих послевоенных лет отказа Японии от политических амбиций — стала меняться географическая наполненность геополитической концепции. Концепция собирания азиатских земель под эгидой Японии была общей тенденцией для направлений японской геополитики XX века.

В XXI веке подъем Китая и новый либеральный подход премьера Абэ к пространственной парадигме позволили оформить геоконцепцию регионализма в ином виде. В 2006 году министр иностранных дел Таро Асо выступил с новым подходом, названным «Дугой свободы и процветания Японии» [7, 21, 2]. Разбавление китайского влияния в регионе, привлечение к сотрудничеству в торговле, инвестициях, социальной сфере Дуги стран: от Европы, стран ГУАМ, Азии, до Австралии, — стало проявляться в создании различных структур региональной интеграции.

Например, участие Японии в Транс-Тихоокеанском партнерстве — торговом соглашении 12 стран, обернулось после выхода США в 2017 году для Японии, сначала как пассивного участника, — ролью фактического инициатора продолжения активности деятельности ТТП.

В основу «Ромба безопасности» — Стратегического диалога между Японией, США, Австралией и Индией, — была положена в 2008 году идея военного сотрудничества. Этапы этого диалога были не равномерны, но последний саммит QUAD состоялся в Мельбурне в феврале 2022 года для обсуждения обновленной стратегии «Свободного и безопасного Индо-Тихоокеанского региона» на фоне укрепления позиций КНР при её стратегическом сближении с Россией. Можно отметить, что сегодня продвижение «Свободного и безопасного Индо-Тихоокеанского региона» является вторым геополитическим приоритетом, заявленным в Синей книге.

Таким образом, эти и другие инициативы Токио показывают, что реализация концепции доминирования Японии при укреплении регионального сотрудничества может при изменении формы сохранять суть геополитической парадигмы.

Страна Восходящего Солнца, которая однажды предпочла быть сердцем Восточной Азии [19]. Принимая идеологию, как существенный мобилизационный и ориентационный потенциал, японское руководство постоянно выстраивает собственную геополитическую концепцию, как несущую конструкцию государства.

В современном периоде развития японского общества можно отметить цикличность геополитической парадигмы. Обращение к возврату классической геополитики происходит в течении последних лет. Японцы не выходят за рамки законов об ограничении использования военной силы, но они аккуратно раздвигают их. Попытки реанимировать легальное применение военной силы Японское правительство предпринимает постепенно. В частности, в 2007 году парламент Японии принял закон о референдуме [14], который устанавливает процедуры внесения поправок в Конституцию. Это начало пути для возможности пересмотра Конституции и для отмены её девятой статьи [9]. В 2015 году Япония отстояла возможность использования сил самообороны, которые соответствуют лучшим мировым стандартам [1], — совместно с силами иностранных государств.

Каждый геополитический вектор внешней политики Японии имеет свои особенности, цели, и характеризуется своими геостратегическими методами достижения этих целей. Страна восходящего солнца эффективно использует все средства: информационно-пропагандистские, политические, экономические и военные, и все свои ресурсы для осуществления геостратегических императивов — развития и процветания японской нации, и создания Великой державы, как центра Азии.

Список литературы

1. Белая книга обороны. Дайджест. Выпуск 2020 года. DOJ2020_Digest_RU. [Текст] – Режим доступа: file-PDF.
2. Исмаилзаде Гюрсель. Новое направление внешней политики Японии: Дуга свободы и процветания политика в отношении ГУАМ. Журнал Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 3-4. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe->

- [napravlenie-vneshney-politiki-yaponii-duga-svobody-i-protsvetaniya-politika-v-otnoshenii-guam](#) // (Дата обращения 28.02.2022).
3. Кирсанов А. И. С. Хантингтон о «столкновении цивилизаций» в контексте глобальных трансформаций. Статья. Журнал: Философия и общество. Выпуск №3(51)/2008 / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130197/> // (Дата обращения 28.02.2022).
 4. Когут В. Г. Республика Беларусь в евразийском пространстве: современный геополитический дискурс / В. Г. Когут. – СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 344 с.
 5. Мещеряков А. Terra Nirronica: Среда обитания и среда воображения. Litres, 2022 г. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=OJ5mDQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> // (Дата обращения 09.03.2022).
 6. Нурышев Г.Н., Когут В.Г. Актуальные проблемы геополитики: учебное пособие. Изд-во СПбГЭУ, 2020. – 203 с.
 7. О «поясе свободы и процветания». Стенограмма выступления Министра иностранных дел Японии Таро Асо. 13.07.2006. Посольство Японии в России. 在ロシア日本国大使館. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/html> // (Дата обращения 28.02.2022).
 8. Aristotle. Politica. The works of Aristotle. Translated into english under the editorship W. D. Ross. Oxford, at the Clarendon press. 1921. Book VII, p. 1327.
 9. 日本国憲法. Конституция Японии. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?id=174 // (Дата обращения 10.03.2022).
 10. 我が国及び国際社会の平和及び安全の確保に資するための自衛隊法等の一部を改正する法律. Закон о частичном пересмотре Закона о силах самообороны. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPSC/2015093_0.T1J.html // (Дата обращения 10.03.2022).
 11. 外交青書・白書. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Дипломатическая синяя книга. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/index.html> // (Дата обращения 23.02.2022).
 12. 内閣府ホームページ / Главная страница кабинета министров. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kantei.go.jp> // (Дата обращения 10.03.2022).
 13. 昭和二十三年法律第二十八号. 海上保安庁法. 海上保安庁法 (昭和二十三年法律第二十八号). Закон о береговой охране Японии. Закон о морской безопасности (Закон Сева 23 № 28). / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=323AC0000000028> // (Дата обращения 10.03.2022).
 14. 日本国憲法の改正手続に関する法律. 平成19年5月18日法律第51号. Закон о порядке внесения поправок в Конституцию Японии № 51 от 18 мая 2007 г. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hourei.ndl.go.jp/simple/detail?lawId=0000110146¤t=5>. // (Дата обращения 10.03.2022).
 15. 国土交通白書 2020. 第6節 海洋政策 (海洋立国) の推進. Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии 2020. Раздел 6 Продвижение морской политики (морская нация). / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mlit.go.jp/hakusyo/mlit/r01/hakusho/r02/html/n2262000.html> // (Дата обращения 08.03.2022).
 16. 般社団法人日本埋立浚渫協会. Общее юридическое лицо Японская ассоциация дноуглубительных работ. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.umeshunkyo.or.jp/index.html>. // (Дата обращения 10.03.2022).
 17. 小牧実繁の「日本地政学」. 講談社. 昭和17. 176枚. Санэсигэ Комаки. Японская геополитика. Изд. Коданша. 1942 г. 176 с.

18. 近衛文麿 清談録 (新版). 近衛 文麿. 千倉書房. 2015. 32枚. Фумимаро Коноэ Сейданроку. Издательство Chikura. 2015 г. 32 с.
19. 和田 春樹 編集委員, 後藤 乾一 編集委員, 木畑 洋一 編集委員, 山室 信一 編集委員, 趙 景達 編集委員, 中野 聡 編集委員, 川島 真 編集委員. アジア太平洋戦争と「大東亜共栄圏」 1935-1945年. 岩波講座 東アジア近現代通史 第6巻. Харуки Вада, Кеничи Гото, Ёичи Кибата, Синъити Ямамуро, Кён Чжао, Сагоши Накано, Шин Кавасима. Азиатско-Тихоокеанская война и «зона совместного процветания Большой Восточной Азии» 1935–1945 г. Лекция Современная история Восточной Азии Том 6. 2011 г. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.iwanami.co.jp/book/b476378.html> // (Дата обращения 28.02.2022).
20. 大東亜共栄圏. 世界史用語解説. Зона совместного процветания Большой Восточной Азии. Глоссарий всемирной истории. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.y-history.net/appendix/wh1505-066.html> // (Дата обращения 28.02.2022).
21. 「自由と繁栄の弧」をつくる. 麻生外務大臣演説. Создание «дуги свободы и процветания». Выступление министра иностранных дел Асо. 30.11.2006. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/enzetsu/18/easo_1130.html // (Дата обращения 28.02.2022).
22. 産経WEST. 日本語は世界で唯一植民化されなかった言語 国際人たる前に「立派な日本人」であれ. 24.12.2015. Санкей ЗАПАД. Японский — единственный неколонизированный язык в мире. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sankei.com/article/20151224-SK4OIQI4NRNXLNLFZICCMZV7ZRY/> // (Дата обращения 28.02.2022).
23. 中西輝政 著. 国民の文明史. 扶桑社. Терумаса Наканиши. История цивилизации людей. Изд. Фусоша. 2003. / [Электронный ресурс] – Режим доступа:

- <https://www.fusosha.co.jp/books/detail/9784594042752> // (Дата обращения 28.02.2022).
24. 小泉 芳孝. 日本は世界文明の発祥地. 出版社: 大筒木出版. 2015. 228ページ. Ёситака Коидзуми. Япония – родина мировой цивилизации. Изд. Otsutsugi. 228 с.
25. 柴田陽一 著. 帝国日本と地政学: アジア・太平洋戦争期における地理学者の思想と実践. 清文堂出版, 2016. 総ページ数421. Ёоити Шибата. Японская империя и геополитика: мысли и практика географов во время Азиатско-Тихоокеанской войны. Издательство Сейбундо, 2016. 421 с.
26. 日本地政学宣言. 弘文堂書房, 昭15. 冊子体 / オンライン. 国立国会図書館書誌ID. 211p Санэсигэ Комаки. Декларация японской геополитики. Кобундо Сёбо, Сёва 15. Национальная парламентская библиотека Японии. Буклет, 211 с. Режим доступа: <https://ndlonline.ndl.go.jp/#/detail/R300000001-I000000730046-00> // (Дата обращения 08.03.2022).
27. 日本地政学覚書. 小牧実繁 著. 秋田屋, 1944. 冊子体 / オンライン; 国立国会図書館書誌ID. 273p. Санэсигэ Комаки. Меморандум о взаимопонимании по японской геополитике. Акитая, 1944 год. Национальная парламентская библиотека Японии. Буклет, 273 с. Режим доступа: <https://ndlonline.ndl.go.jp/#/detail/R300000001-I000001009789-00> // (Дата обращения 09.03.2022).

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пашковский П. И.

Кандидат политических наук, доцент
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных
отношений
E-mail: petr.pash@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема этапов эволюции внешнеполитического механизма Российской Федерации. Показано, что в первой половине 1990-х гг. он характеризуется значительной субъектностью Президента, связанных с ним структур и МИД в условиях неопределённости внешнеполитического процесса, существенной автономии элит, появления финансово-промышленных групп и обострения внутренней борьбы за влияние и ресурсы. К середине 1990-х гг. – при значительной субъектности Президента, президентских структур и МИД – увеличивается воздействие групп интересов и олигархов на функционирование внешнеполитического механизма. Во второй половине 1990-х гг. усиливается координирующая роль МИД во внешнеполитическом процессе, учитывая некоторое уменьшение влияния олигархов и укрепление позиций ВПК. В первое десятилетие XXI века оформляется современная модель внешнеполитического механизма, особенностью которой становится усиление роли Президента и президентских структур в формировании и реализации внешней политики, а также в согласовании позиций стратегической элиты, функциональном значении государственных министерств и ведомств, уменьшении субъектности парламентских институтов.

Ключевые слова: внешнеполитический механизм РФ, внешнеполитический процесс РФ, внешняя политика РФ, принятие внешнеполитических решений, государство, группы интересов.

STAGES OF EVOLUTION OF THE FOREIGN POLICY MECHANISM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pashkovsky P. I.

Candidate of Political Sciences (PhD), Associate Professor
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Associate Professor of
the Department of Political Science and International Relations

Abstract. The article considers the problem of the stages of evolution of the foreign policy mechanism of the Russian Federation. It is shown that in the first half of the 1990s it is characterized by a significant subjectivity of the President, structures related to him and the Ministry of Foreign Affairs in the conditions of the uncertainty of the foreign policy process, significant autonomy of the elites, the emergence of financial-industrial groups and the intensification of the internal struggle for influence and resources. By the mid-1990s (with a significant subjectivity of the President, presidential structures and the Foreign Ministry), the influence of interest groups and oligarchs on the functioning of the foreign policy mechanism has been increased. In the second half of the 1990s, the coordinating role of the Ministry of Foreign Affairs in the foreign policy process has been strengthened, taking into account a certain decrease in the influence of the oligarchs and the strengthening of the position of the military-industrial complex. In the first decades of the XX century, a modern model of the foreign policy mechanism is taking shape, a feature of which is the strengthening of the role of the President and presidential structures in the formation and implementation of foreign policy, as well as in coordinating the positions of the strategic elite, the functional significance of government ministries and departments, and reducing the subjectivity of parliamentary institutions.

Key words: foreign policy mechanism of the Russian Federation, foreign policy process of the Russian Federation, foreign policy of the Russian Federation, foreign policy decision-making, state, interest groups.

В условиях современного усиления конфронтации России с коллективным Западом на фоне формирования полицентричной модели мироустройства увеличивается значение исследований, связанных с поиском адекватных ответов на возникающие вызовы и угрозы национальной безопасности нашего государства. Одним из наиболее актуальных направлений представляется решение задач по увеличению эффективности российской внешней политики, что обуславливает комплексное изучение проблем функционирования отечественного внешнеполитического механизма [1; 2; 3], обзорная характеристика этапов эволюции которого является целью данной публикации.

Итак, в 1991–1993 гг. ключевыми в системе внешнеполитического механизма Российской Федерации являлись позиции главы государства, связанных с ним ведомств (Администрации Президента и Совета Безопасности) и Министерства иностранных дел [4]. Этот период характеризуется

неопределённостью переживающего становление процесса формирования и реализации внешней политики государства в условиях значительной автономии политической элиты, борьбы за влияние и ресурсы, появления финансово-промышленных групп и форсированного экономического реформирования, превалировавшего над строительством государственных институтов [5]. Координирующая роль во внешнеполитическом механизме, вероятно, определялась спецификой личных качеств и распределением полномочий на уровне Президент – Министр иностранных дел. Увеличившиеся возможности парламента Российской Федерации влиять на внешнеполитический процесс не были в полной мере реализованы в условиях конфликта с исполнительной властью [6, с. 139-140].

После принятия в декабре 1993 г. Конституции Российской Федерации механизм формирования и реализации внешней политики, отмечая наличием значительного числа акторов, характеризуется тенденцией увеличения влияния Президента и связанных с ним структур [7]. В свою очередь, к середине 1990-х гг. государственная внешняя политика во многом зависела от позиций существующих групп интересов, олигархов – придерживающихся определённых, подчас значительно отличающихся внешнеполитических ориентаций – и отношений между ними. Со второй половины 1990-х гг. намечается тенденция усиления координирующей роли МИД во внешнеполитическом процессе [8; 9; 10]. Основные внешнеполитические решения в этот период принимаются в рамках треугольника Президент – Администрация Президента – Министерство иностранных дел. При этом внешнеполитический механизм государства по-прежнему находится под воздействием со стороны олигархов и групп интересов: встроеного в глобальную экономику российского бизнеса (представленного крупнейшими государственными корпорациями, государственными банками и частными компаниями), армии, военно-промышленного комплекса и сопряжённых с ними структур [5; 6; 7; 11].

В период 2000–2008 гг. в системе государственного внешнеполитического механизма происходят определённые изменения, обуславливаясь спецификой стиля руководства действующего Президента и его команды. Свообразной опорой складывающейся системы становятся личные связи и корпоративные интересы, а также представления о России как великой державе [12]. Одной из основных характеристик процесса принятия внешнеполитических решений является императив поддержания

равновесия между несколькими влиятельными центрами внутри государства, что проявлялось в действиях Президента по нахождению консенсуса [13].

Данная система эволюционирует, приобретая современные черты к 2012 г. Глава государства утверждается в роли ключевой фигуры в процессе принятия стратегических решений в плоскости государственной внешней политики [12; 13]. Секретарь Совета Безопасности, фактически, реализует функции помощника Президента относительно координации военных вопросов. Следующим по степени влияния представляется помощник главы государства по внешней политике, занимающийся преимущественно вопросами политико-дипломатического характера. Теоретически согласовывать позиции этих высших чиновников должен руководитель Администрации Президента. Однако на практике подобное во многом определяется его «аппаратным весом» и личностными особенностями [14].

На стратегическом уровне внешнеполитического процесса находятся руководители ведущих государственных компаний и корпораций, а также наиболее влиятельных негосударственных компаний. Таковые зачастую располагают персональными связями с руководством государства. При этом согласование позиций представителей стратегической элиты осуществляется Президентом, определяющим, ориентируясь по ситуации, порядок консультаций и принятия решений [15].

Кроме того, в рамках своих полномочий важными элементами внешнеполитического механизма являются: Председатель Правительства, Министерство иностранных дел, Министерство финансов, Министерство обороны, МЧС России, Министерство внутренних дел, Федеральная миграционная служба, Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки, Главное управление Генерального штаба Вооружённых сил, Конституционный Суд. Особое значение в структуре государственного внешнеполитического механизма имеет Федеральное Собрание Российской Федерации, палаты которого располагают рядом прямых и косвенных способов влияния на внешнюю политику [2; 8; 12; 13; 14].

Таким образом, внешнеполитический механизм Российской Федерации формировался на основе комплекса взаимосвязанных факторов, становящихся императивами и детерминантами особенностей его функционирования. Характерно, что в разные исторические эпохи традиционным проявлением становилось доминирование верховного правителя в решении вопросов

международной политики и обороны государства. При этом значительное влияние на процесс принятия стратегических решений и их реализацию оказывали деятели, входящие – в определённых условиях и в силу различных причин – в его «ближний круг».

Список литературы

1. Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 452–456.
2. Пашковский П. И. Особенности внешнеполитического механизма Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 340–346.
3. Пашковский П. И. Особенности участия парламентов во внешней политике: проблемные теоретические аспекты исследования // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Т. 6 (72). № 2. С. 103–115.
4. Косолапов Н. Становление субъекта российской внешней политики // Pro et Contra. Зима–весна 2001. Т. 6. № 1–2. С. 7–30.
5. Балувев Д. Г. Внутренние факторы, влияющие на российскую внешнюю политику // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4-х томах / Ред.-сост. Т. А. Шаклеина. Т. I. Исследования. М.: Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование.)», 2002. С. 351–382.
6. Салмин А. М. Изнанка внешней политики // Российская политика на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / Глав. ред., председ. Совета А. М. Салмин. М.: Летний сад, 2001. С. 102–210.
7. Федоров Ю. Е. Движущие силы внешней политики Российской Федерации // Современные международные

отношения. Учебник / Под. ред. А. В. Торкунова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 584 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/17.php (дата обращения: 15.04.2022).

8. Ерёмко В. И. Российский парламентаризм: политологические, правовые и социально-культурные аспекты. СПб.: Издательства политехнического университета, 2013. 166 с.
9. Вахитов Р. Р. Российский олигархат. URL: <https://rusrand.ru/analytics/rossiyskiy-oligarhat> (дата обращения: 15.04.2022).
10. Витковская С., Горский К. Эра «новых русских»: портреты первого десятилетия российского бизнеса. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery-photogallery/238010-era-novyh-russkih-portrety-pervogo-desyatiletija-rossiyskogo-biznesa> (дата обращения: 15.04.2022).
11. Процесс формирования внешней политики. Конспекты лекций. Нижний Новгород: [б. и.], 2009. 96 с.
12. Тренин Д. Россия и мир в XXI веке. М.: Издательство: Эксмо, 2015. 384 с.
13. Аверков В. Принятие внешнеполитических решений в России // Международные процессы. Май–август 2012. Т. 10. № 2 (29). С. 111–124.
14. Кортунув С. В. Существует ли в России механизм координации внешнеполитических решений? URL: <http://www.wpec.ru/text/200707271137.htm> (дата обращения: 15.04.2022).
15. Osipovich A. Putin, not Medvedev, Remains Master of Russian Foreign Policy. URL: <https://eurasianet.org/putin-not-medvedev-remains-master-of-russian-foreign-policy> (дата обращения: 15.04.2022).

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И АРМЕНИИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ СОЮЗНИКИ ИЛИ СИТУАТИВНЫЕ ПАРТНЁРЫ?

Петросян Д.А.

независимый журналист,

г. Ереван, Армения

E-mail: davepet1242@gmail.com

Аннотация. Говоря о стратегическом союзничестве между двумя странами, следует особо подчеркнуть, что они имеют более чем прочный цивилизационно – исторический фундамент, начиная с Крещения Киевской Руси. В сложной ситуации в регионе бывшего Советского Закавказья, Армения является единственным реальным военно- политическим и стратегическим союзником России. Россия для Армении - военно – политический союзник, главный гарант ее безопасности и ее территориальной целостности, с которым также развивается масштабное военно – техническое сотрудничество. Главными российскими инструментариями в сфере безопасности для Армении являются: 102 – я российская база (Гюмри), участие российских погранвойск в охране границ, объединенная система ПВО, членство в ОДКБ, тесное сотрудничество спецслужб. Также Россия - ведущий экономический партнер и поставщик энергоресурсов как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Стратегическое союзничество Армении и России не является ситуативным, имеет глубокие историко-цивилизационные корни, что дополняется взаимными интересами и обязательствами, как региональными, так и более широкими, а также базовыми документами 1997, 2000 и 2022гг.

Ключевые слова: Россия, Армения, геополитическая обстановка, стратегическое союзничество, гибридные войны.

MODERN RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND ARMENIA: STRATEGIC ALLIES OR SITUATIONAL PARTNERS?

Petrosyan D.A.

Independent journalist,

Yerevan, Armenia

E-mail: davepet1242@gmail.com

Abstract. Speaking about the strategic alliance between the two countries, it should be emphasized that they have more than a solid civilizational and historical foundation, starting with the Baptism of Kievan Rus. In the difficult situation in the region of the former Soviet Transcaucasia, Armenia is the only real military-political and strategic ally of Russia. For Armenia, Russia is a military-political ally, the main guarantor of its security and territorial integrity, with which large-scale military-technical cooperation is also developing. The main Russian tools in the field of security for Armenia are: the 102nd Russian base (Gyumri), the participation of Russian border troops in border protection, the joint air defense system, membership in the CSTO, close cooperation of special services. Russia is also a leading economic partner and supplier of energy resources both on a bilateral and multilateral basis. The strategic alliance between Armenia and Russia is not situational, it has deep historical and civilizational roots, which is complemented by mutual interests and obligations, both regional and broader, as well as the basic documents of 1997, 2000 and 2022.

Keywords: Russia, Armenia, geopolitical situation, strategic alliance, hybrid wars.

Говоря о стратегическом союзничестве между Россией и Арменией, следует особо подчеркнуть, что они имеют более чем прочный цивилизационно – исторический фундамент, начиная с Крещения Киевской Руси, в котором самое активное участие принимала княгиня Анна, представлявшая Армянскую династию правивших на тот момент византийских императоров; одной из башен Собора Василия Блаженного и алмазного трона Алексея Михайловича, подаренного армянскими купцами, до памятников русским солдатам и офицерам, которые почти 200 лет назад освободили Восточную Армению от Персидского владычества и памятника Пушкину, установленного 22 апреля в Армении как раз на том месте, где он встретил гроб с телом Грибоедова.

В современных условиях для России в регионе бывшего советского Закавказья сложилась очень непростая геополитическая обстановка. Существует своеобразная «черная дыра» в лице Грузии, с которой у России нет дипломатических отношений. Несмотря на признание Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии, конфликты этих двух стран с Тбилиси остаются неурегулированными.

Эти реалии привели к тому, что России очень непросто реализовать на Южном Кавказе свою региональную политику, т.к. она должна конкурировать не только с такими гигантами как ЕС, США и

Великобритания, но и с партнером последних по НАТО - Турцией, которая в Северо-атлантическом альянсе несет ответственность за этот регион, а также с Ираном, Китаем и, в перспективе, Пакистаном и Индией.

И если Иран, Китай и Индия являются потенциальными партнерами России в регионе, то все страны НАТО без исключения преследуют стратегическую цель вытеснения России из региона Южного Кавказа. Эксперты также указывают на то, что Грузия и Азербайджан, по состоянию на сегодняшний день, являются сторонниками проекта минимизации влияния Москвы в регионе.

Стратегия России в регионе, в начале постсоветской эры, базировалась на следующем: противодействие экспансионизму (от кого бы он не исходил), что предполагает наличие эффективных механизмов воздействия на регион; обеспечение коммуникаций на Ближнем и Среднем Востоке вне контроля основных геополитических сил; обеспечение мира и стабильности на границах Российской «пороховой бочки» – Кавказа; создание условий для решения поставленных задач после завершения переходных реформ.

Спустя 30 лет можно констатировать, что Россия: с переменным успехом проводит политику противодействия экспансионизму со стороны своих геополитических оппонентов в регионе Южного Кавказа, но при этом она потеряла влияние на Грузию и на ситуацию по линии Баку-Батуми; ввела свой миротворческий контингент в Нагорный Карабах, т.е. обозначила свое присутствие на линии Тбилиси – Тебриз. Россия имеет свои военные базы в Абхазии и Южной Осетии, установила контроль над газопроводом Иран-Армения. Однако установление мира и стабильность на границах Российской «пороховой бочки» - Кавказа представляются нам непрочными. Это показала 44-х дневная война осенью 2020-го года в Карабахе. В Баку считали своими де-факто союзниками такие страны как Турция, Пакистан, Иран, Украина, Грузия и Израиль. По многим параметрам, эта была первая война на постсоветском пространстве между союзником России Арменией и не только Азербайджаном, но и его союзником из блока НАТО Турцией.

В целом, можно констатировать ослабление позиций России в регионе Южного Кавказа. Это ослабление, в частности, выражается в следующих параметрах. Буферная зона между Россией и ее традиционным геополитическим противником Турцией практически исчезла, либо представляется эфемерной в контексте стремительно развивающегося военно-политического сотрудничества Грузии с Турцией, а также Анкары и Баку, которые стали реальными военно –

политическими союзниками. При этом, Анкара, оставаясь геополитическим оппонентом России, стала одним из ее крупнейших экономических партнеров.

Российскую гегемонию в регионе сохранить не удалось и другие державы, особенно Турция, имеют достаточную силу в регионе Южного Кавказа. Утрачен контроль над нефтью и газом Азербайджана, марганцем Грузии. Контроль над месторождениями полезных ископаемых Армении ранее имел очень зыбкую правовую основу, но в течение последнего года он упрочился. «Старая промышленность» в регионе практически ликвидирована, поэтому Россия не имеет доступа на промышленные объекты Армении, Грузии и Азербайджана. Россия сохранила контроль на Армянской АЭС, однако сохранение контроля над ВПК стран региона имеет весьма ограниченный характер. Москва отчасти сохранила рынок для своих товаров в регионе; но ей не удалось в должной мере ограничить турецкое влияние на Кавказе.

Все вышеизложенное является результатом сложного противостояния, где оппонирующие стороны используют целый комплекс приемов. В последние годы борьба между основными внешними игроками в регионе ведется методами, апробированными еще во времена «холодной войны». Однако поскольку «холодная война» является, прежде всего, продуктом противостояния между различными идеологическими системами, то нынешнее геополитическое противостояние между основными внешними игроками мы склонны считать близким к гибридным войнам.

Рассмотрим более детально приемы, которые используются в гибридных войнах на Южном Кавказе:

1. Конфликты как таковые, зоны конфликтов, линии разделения конфликтующих сторон. Наличие/отсутствие миротворческих/разделительных сил;
2. Вооруженные инциденты (прежде всего в зонах конфликтов или приграничной полосе);
3. Милитаризация, гонка вооружений и рост военных бюджетов, угроза применения силы, высокий уровень военной активности;
4. Военные базы и различные военные объекты;
5. Установление контроля над теми или иными геополитическими линиями. Геополитический «обход» и максимальная изоляция оппонентов (в частности, строительство железной дороги Карс-Ахалкалаки-Тбилиси-Баку);
6. Массированное использование наемников в качестве прохi из других регионов. В частности, речь идет о почти 3 тысячах

джихадистов из Сирии, которых перебросила Турция для участия в боевых действиях в Нагорном Карабахе. Об этом факте были сделаны специальные заявления Службы внешней разведки России и спецслужбами Франции.

Среди инноваций в регионе Южного Кавказа выделим прежде всего использование политических PR-технологий, которые зачастую приносят эффект, а также использование демографического фактора внешним игроком.

В столь сложной ситуации Армения остаётся единственным реальным военно-политическим и стратегическим союзником России в регионе. В «Стратегии национальной безопасности Армении», принятой в 2020-м году об отношениях с Россией сказано: «В числе внешнеполитических приоритетов Республики Армения – стабильное углубление и расширение стратегических союзнических отношений с Российской Федерацией в политической, торгово-экономической, оборонной сферах, в области безопасности и в культурно-гуманитарной сфере, основанных на исторической дружбе народов двух стран. Руководствуясь принципами взаимного учета интересов друг друга и равноправия, будут прилагаться усилия в направлении развития взаимодействия в двустороннем формате, в рамках многосторонних и интеграционных объединений, а также в направлении укрепления региональной стабильности и безопасности».

Позиция Армении была публично подтверждена во время официального визита премьер-министра Никола Пашиняна в Россию (19 – 20 апреля), а также в тексте двустороннего заявления из 30 пунктов, которое было посвящено 30-летию установления дипломатических отношений между двумя странами [1]. Специально отметим, что это был первый официальный визит в Россию лидера зарубежной страны с момента начала специальной военной операции в защиту республик Донбасса, которая началась 24 февраля с.г.

В какой ипостаси для Армении выступает Россия в регионе?

Во-первых, она является военно-политическим союзником, главным гарантом ее безопасности и гарантом ее территориальной целостности, с которым также развивается масштабное военно-техническое сотрудничество. Главными российскими инструментариями в сфере безопасности для Армении являются: 102 – я российская база (Гюмри), участие российских погранвойск в охране границ, объединенная система ПВО, членство в ОДКБ, тесное сотрудничество спецслужб.

Во-вторых, Россия - ведущий экономический партнер и поставщик энергоресурсов как на двусторонней основе, так и в рамках

ЕАЭС (Армянская АЭС, «Газпром – Армения», «Электрические сети Армении» и др.), главный иностранный инвестор.

В-третьих, российское государство – посредник в урегулировании нагорно – карабахского конфликта (как в рамках Минской группы ОБСЕ, так и в трехстороннем формате с Азербайджаном) и отношений с Баку (делимитация и демаркация границ, разблокирование коммуникаций, переговоры о мире).

Кроме всего перечисленного выше следует указать на то, что Россия является страной с самой большой армянской диаспорой в мире (свыше 2,5 млн).

В глазах Москвы Армения — это: небольшая по площади моноэтническая страна (самая маленькая по площади республика бывшего СССР), с 3-х – миллионным христианским населением, которая разделяет два союзных государства, Азербайджан и Турцию, которые являются ядром «Организации тюркских государств», представляющей собой потенциальную угрозу не только России, но также Китаю и Ирану. Страна, представляющая естественный барьер для экспансии Турции, в том числе в связи с историческим прошлым (факт геноцида армян в Османской Турции в годы Первой Мировой войны); страна с дружественным населением, где сохранилось культурное, языковое и информационное влияние Москвы. Здесь нет русофобии и русские чувствуют здесь себя комфортно не только в качестве туристов. Речь идет о нескольких десятках тысяч экономических мигрантов из России, которые приехали в Армению с начала СВО (в основном это специалисты ИТ – сферы); страна, имеющая обширную диаспору, лоббистские и иные организации во всем мире и интересы которой на Ближнем Востоке во многом совпадают с российскими. Свидетельством тому является армянская гуманитарная миссия в Сирии, которая работает там свыше трех лет во взаимодействии с российскими военными; страна, где Россия имеет свою военную базу, влияние на силовые структуры и не очень большой, но устойчивый экономический интерес; страна, имеющая дружественные отношения с большинством не только западных стран, но и с такими гигантами как Китай и Индия; страна, выполняющая свои союзнические обязательства (во время событий в Казахстане Армения председательствовала в ОДКБ и направила свой контингент в Алмату).

Мировая армянская диаспора может быть интересна и России. Напомним, что в 2013-м году, при подготовке встречи главы Римской-Католической церкви Папы Франциска Второго и главы Русской Православной церкви Патриарха Кирилла в Гаване, посредником в

организации встречи выступала Армянская Католическая церковь. Последняя имеет ограниченную по численности паству в Армянстве, но представлена в полутора десятке стран.

Таким образом, речь идет о том, что стратегическое союзничество Армении и России не является ситуативным, имеет глубокие историко–цивилизационные корни, которые дополняются взаимными интересами и обязательствами, как региональными, так и более широкими, а также базовыми документами 1997-го, 2000-го и 2022-го гг.

Список литературы

1. Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Премьер-министра Республики Армения Н.В. Пашиняна. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5791?fbclid=IwAR3aPoS5bR3BrOzdFEETJ78HXZczvOmi83CMGOQyLdDUen-hLhd2eLbrlvq>

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ТЕХНОЛОГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И РИСКИ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Попова О.В.

доктор политических наук

*Санкт-Петербургский государственный университет,
профессор, заведующая кафедрой политических институтов и
прикладных политических исследований факультета политологии*

E-mail: pov_64@mail.ru

Аннотация. В докладе отражены актуальные научные точки зрения на особенности формирования личностной идентичности в интернет-пространстве. Автор выделяет 5 основных нерешенных исследовательских проблем в этой области, по которым ученые не могут прийти пока к единой точке зрения. Ставится вопрос о причинах легкости построения презентационно-идентификационных моделей пользователями социальных сетей. В то же время постоянно находящиеся в интернет-пространстве люди легко становятся объектами политических и идеологических манипуляций. Представлены факторы размывания границ национальной государственной идентичности у «интернет-кочевников» («сетевых

кочевников») и «трансмигрантов». Определяются наиболее существенные социально-статусные характеристики этих групп и особенности стиля их жизни. Обсуждается вопрос о невозможности формирования заданной модели национально-государственной идентичности у этих социальных групп.

Ключевые слова: идентичность, сетевая идентичность, модели идентичности, механизм формирования идентичности, интернет.

IDENTITY IN THE INTERNET SPACE: FORMATION MECHANISMS, REPRESENTATION TECHNOLOGIES AND RISKS FOR NATIONAL IDENTITY

Popova O.V.

doctor of political sciences

*St. Petersburg State University, Professor, Head of the Department of
Political Institutions and Applied Political Research, Faculty of Political
Science*

E-mail: pov_64@mail.ru

Abstract. The report reflects current scientific points of view on the features of the formation of personal identity in the Internet space. The author identifies 5 main unresolved research problems in this area, on which scientists cannot yet come to a common point of view. The question is raised about the reasons for the ease of building presentation-identification models by users of social networks. At the same time, people constantly surfing the Internet easily become objects of political and ideological manipulations. The factors of blurring the boundaries of national-state identity among "Internet nomads" ("network nomads") and "transmigrants" are presented. The most significant social status characteristics of these groups and the peculiarities of their lifestyle are determined. The question of the impossibility of forming a given model of national-state identity among these social groups is discussed.

Key words: identity, network identity, identity models, identity formation mechanism, Internet.

«Ситуация постмодерна», «текущей современности» в условиях глобализации и развития информационного общества с неизбежностью ставит вопрос об особенностях формирования идентичности личности в интернет-пространстве. Объективно у современных людей поколений x, y, z возникает необходимость быть представленным в этом новом пространстве.

Ситуация «кризиса идентичности», которую Э. Эриксон связывал с периодом юности, в современных условиях грозит, а то и становится перманентным состоянием не только для отдельных социальных групп, но и для целых поколений. Сознание человека эпохи интернета представляет собой подчас набор несвязных фрагментов идентичности, соотнесенных с локальными историческими и культурными обстоятельствами.

Идентичность для человека эпохи интернета субъективно представляется своеобразной плащ-накидкой, которую можно якобы переменить в зависимости от конъюнктуры. Традиционный человек просто не помещается в постреальность постправды, социальных сетей и интернет-пространства в целом. Происходит «растекание идентичности по горизонтали»: находясь одновременно во многих ячейках социальных сетей, идентичность личности сохраняется, но при этом границы допустимого с точки зрения целостности личности значительно расширяются, формируется новая матрица идентичности. В эпоху постправды интернет в целом и социальные сети стали помойкой лжи и пропаганды. Где уж тут развиваться уникальной интернет-идентичности! Налицо «домены плавающих идентичностей» и «ускользающей идентификации» [1, с. 108].

В настоящее время исследователи не пришли к единой точке зрения по целому ряду вопросов, касающихся интернет-идентичности.

1. Отсутствует терминологическое единство в использовании категорий. Ученые говорят о мобильной, электронной, онлайн идентичности, киберидентичности, коммуникативной интернет-идентичности, сетевой, а также виртуальной идентичности.

2. Исследователи расходятся в трактовке понимания сущности интернет-идентичности. Некоторые из них убеждены, что идентичность в виртуальном пространстве — это лишь один из аспектов реальной идентичности индивида. С точки зрения других ученых, идентичность в интернет-пространстве — качественно новая установка индивидуального сознания персоны, формирующаяся дополнительно на основе уже существующих видов идентичности офлайн.

3. Сохраняется дискуссия по поводу степени свободы выражения «политического я» в интернете. Высказывается как точка зрения, что интернет-коммуникации позволяют создать сетевые сообщества независимых, критически и свободно мыслящих граждан даже в государствах авторитарного типа, формируя прежде всего гражданскую модель идентичности (идентичность с независимыми институтами гражданского общества и политически активной группой

гражданских активистов), так и точка зрения, согласно которой механизмы формирования интернет-идентичности делают человека в сетях легкой мишенью и добычей политических манипуляторов всех мастей — со стороны органов власти и со стороны позиционирующих себя как оппозиционных, независимых политических акторов, в том числе ограниченных в реальном политическом процессе нормативно-правовыми рамками радикальных и экстремистских движений левого и правого толка.

4. Нет сформированного и обоснованного ответа на вопрос, какой вариант идентичности формируется в интернет-пространстве — коллективная «мы-идентичность» или персональная/личная «я-идентичность» конкретного индивида.

5. Не определена единая точка зрения на механизм формирования политической идентичности [2, с. 161–168]. Традиционно под этим термином понимают процесс формирования индивидом в ходе социализации, усвоения личностью норм, идеалов, ценностей, ролей, стандартов поведения тех групп, к которым он принадлежит, идеального образа значимых политических объектов и «своих» в сфере политики.

Основной механизм формирования политической идентичности — политическая самоидентификация, процесс отнесения себя к той или иной политической группе, например, к сторонникам той или иной политической организации, системы политических взглядов или того или иного политического деятеля. Важный элемент — наличие позитивного образца. Однако в реальной политической жизни гораздо чаще ситуация складывается иначе — люди достаточно легко определяются с негативной моделью, но не имеют четкого представления о позитивных образцах [3, с. 173–194].

Существенной латентной функцией политической идентичности выступает социальный контроль. Предлагая через систему средств массовой коммуникации и встраивая в процесс социализации контролируемый набор социально одобряемых прежде всего элитой моделей политической идентичности граждан, власть может вполне успешно осуществлять эту функцию, обеспечивая достаточно высокий уровень согласия среди населения путем затушевывания спорных проблем. При формировании политической идентичности может быть использован мобилизационный механизм на основе целенаправленного навязывания политических образцов в рамках реализации политики идентичности [4, с. 176–182].

В целом ни один из трех наиболее часто описываемых в научной литературе в настоящее время механизмов формирования

идентичности (а) эссенциализм, представители которого склонны приписывать индивиду неизменный набор примордиальных — первоначальных, изначальных — качеств и свойств; б) конструктивизм, делающий ставку на привнесение в сознание индивида системы социальных, культурных и политических норм, традиций, предписаний и запретов на основании сопоставления с предложенными обществом и культурой «Другими», формирование множественности моделей идентичности; в) конструктивный реализм, находящийся в поиске «естественных», устойчивых и «искусственных», конструктивных, множественных и изменчивых компонентов идентичности) не отражает в полной мере глубины и сложности процесса формирования идентичности в интернет-пространстве, лишь намечая исходные идеи для рассуждения на эту тему.

5. Безусловно, неосознанность идентичности как в реальной политической жизни, так и в интернет-пространстве весьма спорна.

Идентичность интересна субъективна и обязательным условием ее формирования являются модели образов «я – другой», «я – мы», «мы – они». Процесс формирования виртуальной идентичности опирается на использование «никнов» и «аватарок», подчас не имеющих ничего общего с реальностью. Иллюзия возможности в любой момент прервать взаимодействие с другими пользователями социальных сетей и интернет-пространства в целом, формирующее чувство ложной безопасности, отсутствия внешней угрозы, порождает порой неприемлемый с точки зрения нравственных и этических норм стиль коммуникации, демонстрации неоправданного накала эмоций, резкости суждений может приводить как к социальному растормаживанию, бесновательному представлению об уникальности собственной персоны, включению в процессы интернет-буллинга как в качестве активного участника агрессивного «единства по случаю», так и в качестве жертвы.

В любом случае формирование интернет-идентичности в значительной степени облегчено, поскольку легче конструируемый «идеальный образ Я» требует меньше доказательств своей «подлинности», аутентичности, чем идентичность в офлайн-пространстве. При этих относительно небольших затратах на самопрезентацию (самопозиционирование) в интернете риски и искушения создать образ, не имеющий ничего общего с реальным, как и готовность поверить в него, гораздо выше. Соблазн поверить в искусственно конструируемый образ собственного «идеального я», запрос на то, чтобы «казаться другой личностью», как и

сопровождающая эти процессы интернет-зависимость, изменение сведений о себе в интернет-пространстве неизбежно ведет к манипулированию психологическими масками, а подчас и к потере своего подлинного «я» вследствие множества «проигрываемых» социальных ролей. Об этом явлении применительно к «театрализованной» офлайн-реальности писал более полувека назад И. Гофман.

По мнению некоторых исследователей, в данном случае следует говорить о «репост-идентичности», поскольку она вторична и лишена уникальности, «выстраивается из готового набора виртуального материала и им же наполняется: содержание виртуальной идентичности представляет собой совокупность знаков, из которых конструируются аспекты нового Я» [5, с. 105]. Фактически речь может идти и о нарушении целостности личности. При этом виртуальная идентичность более гибка, в ней доминируют средства самопрезентации, а индивид, в отличие от реальной жизни, имеет возможность быстро изменять ее «видимые» другими в Сети параметры. Мощным стимулом для корректировки своего образа в социальных интернет-сетях, что порицается в значительно меньшей степени, чем подобные действия в офлайн-пространстве, является получение психологического подкрепления в виде роста числа подписчиков, лайков и позитивных комментариев.

Социальная группа работающих и «живущих» в интернет-пространстве, постоянно перемещающихся территориально «по городам и весям» (по различным странам), имеющих контракты на удаленную работу на 2-3 года, имеющих демонстративное потребление, эгоцентрическую ориентацию (свобода от всего и всех, свобода ради свободы), дискурс с «модными» идеями «экопотребления» и демонстративной стратегией позиционирования в сети приобрела в современном мире вполне отчетливые очертания самостоятельной социальной группы, отличающейся от других стилем жизни и системой ценностей, и получила устойчивое название «сетевые кочевники». Имеет общие черты имеет с группой «трансмигрантов», делающих ставку на работу в международных IT-компаниях по контрактам продолжительностью 3–5 лет, постоянно меняющих в течение длительного отрезка своей жизни дислокацию и также проводящих большую часть рабочего и личного времени в интернет-пространстве.

«Электронный кочевник», как и «трансмигрант», большую часть времени проводящий во всемирной паутине, выставляет жизнь напоказ, являя публичность частного/приватность публичного.

Главное – это демонстрация наличие некоей тайны, даже если у личности ее нет или она аморальна. Традиционные модели социальной и политической идентичности при этом у этой группы почти полностью размываются.

Мы должны осознавать значимость государственной идентичности для людей именно сегодня, в условиях острейших межгосударственных конфликтов, когда окончательно разрушается конфигурация политических международных отношений второй половины XX века.

При всей неоднозначности трактовки категории «национальная идентичность» в современной политической науке (мы периодически имеем дело и со стратегией заимствования этого понятия из англоязычной научной политологической литературы, и с использованием терминов «государственная», «национально-государственная», «гражданская» и даже «этническая» идентичности в качестве его синонимов) и в весьма нередко случающихся ситуациях конкуренции различных видов политической идентичности и политизации социальных форм идентичности, исследователи сталкиваются с еще одной серьезной проблемой, активно проявляющейся в условиях развития интернета при цифровизации политики и заметно усиливающейся в условиях пандемии «перелива» коммуникации в интернет-пространство. Для многих представителей поколений Y и Z их самовосприятие себя в качестве политических акторов в интернет-сообществах и, более широко, в интернет-пространстве оказывается более «реальным», чем собственное гражданство, отношение к своему государству и органам государственного управления. «Цифровые кочевники» в этом процессе (а это высокообразованные, достаточно хорошо материально обеспеченные представители поколения до 35 лет) лидируют [6, с. 5–16]. Сейчас уже совершенно очевидно, что государственная политика идентичности в принципе не может быть стопроцентно эффективной, но вот на данную социальную группу она действует минимально. Проблема эта требует особого внимания в контексте политических событий последних месяцев.

Список литературы

1. Богомолова Е.И. Личностная идентичность в условиях виртуализации бытия // Человек. Сообщество. Управление. 2014. №2 С. 104–120.
2. Попова О.В. Механизмы формирования политической идентичности // Конституирование современной политики в

- России: институциональные проблемы /отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 161–168.
3. Попова О.В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 173–194.
4. Попова О.В. Механизмы формирования политической идентичности // Политическое пространство и социальное время. 1917-2017: смыслы и ценности прошедшего столетия. Сборник научных трудов XXXII Харакского форума 17 – 21 мая 2017 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 176–182.
5. Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 105–124. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124.
6. Арпентьева М.Р. Медиатизация жизни и цифровое кочевничество: типы цифрового кочевничества и их идентичность // Медиаисследования. 2017. № (4-1). С. 5-16.

АРХАИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Римский В.Л.

*Московский психолого-социальный университет,
старший преподаватель;*

Фонд развития исследовательских программ «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ), ведущий научный сотрудник

E-mail: rim@indem.ru

***Аннотация.** Обосновываются выводы о том, архаизация является привычным и распространённым явлением в обществе и государственной власти России, и о том, что такая архаизация является одной из важнейших причин неудач модернизации нашей страны. Наиболее существенными для осуществления модернизации и решения важнейших стратегических проблем страны являются три взаимосвязанных между собой составляющих архаизации: доминирование архаического профессионально-именного социоклада по М.К. Петрову, сословность и раздаточный, а не рыночный характер российской экономики. Постепенный отказ от архаизации возможен*

при переходе от инверсии к медиации по А.С. Ахиезеру, поддержке самоорганизации граждан, их участия в обсуждениях общественно значимых проблем и их решений, поддержке и развитии критического мышления и гражданского поведения граждан.

Ключевые слова: архаизация, инверсия и медиация по А.С. Ахиезеру, социокод М.К. Петрова, сословия, раздаточная экономика, модернизация России.

ARCHAIZATION OF SOCIETY AND STATE POWER IN RUSSIA

Rimskiy V.L.

*Moscow Psychological and Social University,
Senior Lecturer.*

*Foundation of Research Programs Development «Informatics for
Democracy» (INDEM Foundation), Leading Researcher*

E-mail: rim@indem.ru

Abstract. *The author substantiates the conclusions that archaization is a common and widespread phenomenon in the society and state power of Russia, and that such archaization is one of the most important reasons for the failures of modernization of our country. The most essential for the implementation of modernization and the solution of the most important strategic problems of the country are three interrelated components of archaization: the dominating of the archaic professional-nominal sociocode according to M.K. Petrov, the estate and the redistributive, not the market nature of the Russian economy. Gradual rejection of archaization is possible with the transition from inversion to mediation according to A.S. Akhiezer, support for self-organization of citizens, their participation in discussions of public significant problems and their solutions, support and development of critical thinking and civic behavior of citizens.*

Key words: *archaization, inversion and mediation by A.S. Akhiezer, M.K. Petrov's sociocode, estates, distribution economy, modernization of Russia.*

В понимании архаизации, в основном, будем следовать концепции А.С. Ахиезера [1, с. 89] и определять архаизацию как «следование общества и органов государственной власти культурным образцам и программам, сложившимся в культурах, предшествующих современному» [2, с. 151].

Социокультурные практики архаизации определяются смыслами, обеспечивающими коллективные и согласованные действия индивидов. Смыслы всегда обозначаются теми или иными символами, кодируются знаками. Но знаки не определяют однозначно связанные с ними смыслы, каждый индивид обучается более или менее адекватному определению смыслов по их знакам-символам для той или иной культуры и для тех или иных ситуаций коллективных действий, усваивает соответствующие стереотипы.

Совокупности стереотипов осмысления знаков информации о социальной реальности вслед за М.К. Петровым будем называть социокодами. М.К. Петров выделил три основных социокода: лично-именной, профессионально-именной и универсально-понятийный [3, с. 27]. Опишем основные идеально-типические характеристики этих социокодов, понимая, что реализации каждого из них могут иметь существенные особенности в различных социумах.

Лично-именное социальное кодирование использует ограниченное число имён индивидов и программ коллективных действий. Ношение имени означает принятие всех ролей и норм поведения в типовых ситуациях. Эти роли и нормы необходимо было осваивать, поэтому в таких обществах индивиды меняли свои имена при изменении своих социальных статусов – в детстве было одно имя, в зрелом возрасте – другое, в старости, если повезёт до неё дожить, – третье имя. Лично-именному социальному кодированию не требуется письменность, для хранения знаний и жизненного опыта достаточно ресурсов человеческой памяти. Поэтому лично-именной социокод был характерен для первобытных обществ и вряд ли был способен обеспечить организацию коллективных действий крупных социальных общностей, начиная с десятков тысяч индивидов [3, с. 97–100].

Профессионально-именное социальное кодирование использует одно имя не для одного, а для больших групп индивидов. В этом социокode осуществляется типизация индивидов по группам деятельности, по их профессиям. Этот социокод стал применяться при оседлом образе жизни человеческих сообществ, с развитием земледелия, ремёсел, управления большими социальными общностями, городами и государствами древних цивилизаций. Для обеспечения собственного благополучия представители разных профессий хранят в тайне секреты и соблюдают традиции. Появление и внедрение новшеств в профессиях затруднено проблемами коммуникации с другими профессиональными сообществами, которые, ради чужих новшеств с трудом соглашаются менять свои традиции, использовать новые продукты. Выходами из таких ситуаций

становились представления о том, что боги-покровители профессий открывали им новшества, что обязывало их использовать [3, с. 105–120]. Развитие обществ в таких условиях вело к росту специализаций профессий, умножению их числа, усложнению обменов товарами и услугами, что неизбежно приводило к социальной неустойчивости, нарушению управляемости и разрушению социумов [3, с. 125].

Универсально-понятийное социальное кодирование использует не имена, как в двух других типах кодирования, а универсальные понятия, отражающие практически всё известное знание. Универсально-понятийный социокод стал необходим для выживания в сложных, быстро и слабо предсказуемо меняющихся условиях. Этот социокод позволял интегрировать знания и программы поведения представителей разных профессий, обеспечивать выполнение большинством социумов согласованных действий, объединяющих обществу и решающих нестандартные общественные проблемы. Эти возможности обеспечиваются универсальными для социума социальными институтами, независимыми от профессий: гражданством, верховенством права, общими для всех нормами законов, несения военной службы большинством мужчин и другими. Универсально-понятийный социокод поддерживает двустороннюю коммуникацию между управляющими и исполнителями. Общие указания управляющих осмысливаются исполнителями, формирующими и выполняющими конкретные программы действий. А управляющие получают от исполнителей обратную связь, обобщающую выполнение этих программ, и позволяющую улучшить общие указания и универсальное знание. Универсально-понятийный социокод в отличие от двух других социокодов поддерживает творческую активность индивидов, социальную значимость их инноваций и необходимого для них научного знания [3, с. 147-152].

Применение универсально-понятийного социокода привело примерно к XVI–XVII векам в Европе к появлению науки, использующей рациональные гипотезы и их эмпирические проверки. В результате научные открытия стали основой разработок технологий и решений с их помощью различных проблем [3, с. 262, 275-276, 279]. При универсально-понятийном социальном кодировании адаптация обществ и государств к изменениям условий их существования осуществляется на основе научного знания, с помощью которого находят новые направления деятельности, новые профессии, новые технологии и их новые применения [3, с. 149]. Именно этот социокод наиболее адекватен смыслам институтов демократии, обеспечению прав и свобод граждан, институтам рыночной экономики, внедрению

инноваций, экономического роста и основанного на нём благосостояния граждан [4, с. 23-29]. И потому именно универсально-понятийный социокод наиболее адекватен для осуществления модернизации.

Архаизация в той или иной степени присуща всем современным обществам и государствам, поскольку именно в архаизации удаётся использовать прошлый опыт, знания, социальные практики, обеспечивавшие ранее развитие и даже процветание. Но усложнение современного мира с периода первых человеческих цивилизаций нередко требует новых, отличных от архаических способов решений проблем. Поэтому в современности доминирование архаизации препятствует эффективным решениям общественных, экономических, государственных и политических проблем, а потому препятствует модернизации обществ и государств [5, с. 72-73].

В современной России доминирует архаизация сознания и социальных практик и в обществе, и в государственном управлении. Смыслы профессионально-именного социокода определяют фактическое существование сословий, определённых не законом, а практикой государственного управления. Сословия создаются государством для осуществления тех или иных государственных функций, за что эти сословия наделяются особыми правами и привилегиями. Такими сословиями являются, например, судьи, прокуроры, должностные лица государственной службы, военной службы [5, с. 77]. Представители высшей государственной бюрократии весьма образованы, но практически не используют научные знания при принятии решений, они ориентируются на ритуалы и правила поведения в своих сословиях, стремятся сохранить их стабильное существование. Неадекватным решениям способствует отдалённость пространства смыслов государственного управления от пространств смыслов политики, общественной деятельности и повседневности граждан [5, с. 76].

Архаические смыслы определяют раздаточный, а не рыночный характер экономики современной России. В ней доминируют раздачи государством ресурсов сословиям для их освоения, но не для расширения или развития. За это сословия сдают государству результаты своего освоения и получают материальные блага из государственного бюджета или других подчинённых государству источников. В такой экономике в течение длительных периодов времени вырабатываются удовлетворяющие сословия пропорции сдачи и раздач. Нарушения этих пропорций исправляются по результатам

доносов или жалоб, что обеспечивает стабильность экономической системы России [6, с. 6-12].

Должностные лица государственной службы, декларируя необходимость модернизации страны, на деле стремятся обеспечить стабильность не только в экономике, но и в политике, государственном управлении и социальной сфере. Вместо модернизации проводятся реорганизации органов власти и управления, для новых служений государству создаются новые сословия или головные организации, осваивающих те или иные значимые для государства ресурсы, и т.п.

В современной России архаизации даже углубляется вследствие описанного А.С. Ахиезером явления инверсии. Для органов государственной власти и общества осуществляемые реформы осмысляются как на превращение более или менее привычной, комфортной для них социальной среды в непривычную и некомфортную [7, с. 70]. Это приводит к расширению практик модификаций новых социальных институтов реформ в направлении сохранения привычных ритуалов действий, а также к замене их старыми институтами. Такие практики представляются вполне логичными, ведь по привычным схемам осмысления новых институтов они были опробованы и показали свою неэффективность. И тогда отказ от новых институтов в сознании и социальных практиках закрепляется, как и желание продолжать следовать архаичным смыслам и схемам мышления. Такое социальное явление А.С. Ахиезер назвал инверсионной ловушкой [8, с. 194–195].

Выходом из сложившейся в современной России инверсионной ловушки может быть медиация, направляющая индивидов, их сообщества и государственное управление на принятие ценностей развития и на достижение новых результатов в этом развитии по выбранным направлениям. Медиация предполагает в диалогах органов государственной власти с обществом поиски способов преодоления дискомфорта в той или иной социальной ситуации через освоение новых смыслов, новых ресурсов и новых способов решений общественно значимых проблем [8, с. 271-273]. Освоение новых смыслов могло бы способствовать поддержке и развитию критического мышления граждан, а новые способы решений общественных проблем могли бы включать ресурсы их самоорганизации и расширение практик гражданского поведения. Но пока ни в обществе, ни в системе государственной власти России нет ни реальных действий, ни проектов осуществления таких диалогов для

выхода из инверсионной ловушки архаизации с помощью освоения системы смыслов универсально-понятийного социокода.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 89–100.
2. Римский В. Л. Архаизация политических элит и государственного управления России // *Власть и элиты* / отв. ред. А.В. Дука. Т. 5. СПб.: Интерсоцис, 2018. С. 150–179.
3. Петров М. К. Язык, знак, культура. / Вступ. ст. С.С. Неретиной. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
4. Медведев А., Медведева Е. Как появилась рыночная экономика и возможна ли она в современной России? М.: Буки Веди, 2013. – 158 с.
5. Римский В. Л. Информатизация и российская архаика [Электронный ресурс] // *Вопросы теоретической экономики*. 2020, № 4. С. 71-86. URL: http://questionset.ru/files/arch/2020/2020-N4/Rimsky_VTE_2020_4.pdf (дата обращения: 22.04.2022).
6. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. - 144 с. (Серия «Россия. В поисках себя...»)
7. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 600 с.
8. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I: От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 799 с.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ: НЮАНСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Романович Н. А.

доктор социологических наук,
РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал),
профессор кафедры политологии и политического управления,
генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас»
E-mail: nelly@qualitas.ru

Аннотация. В статье представлены результаты всероссийского опроса по поводу отношения россиян к специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. Рассматриваются представления жителей страны о причинах начала спецоперации, выявляется степень её поддержки, информационные источники о ходе операции, определяется уровень лояльности к Президенту РФ после начала военных действий. Изучаются некоторые аспекты картины мира в российском обществе, в частности, представления о поддержке спецоперации в России и настроениях украинского населения. Выдвигается гипотеза, что уровень поддержки спецоперации по мере её успешного осуществления может возрастать.

Ключевые слова: отношение населения, социологический опрос, специальная военная операция в Украине.

PUBLIC OPINION ON THE SPECIAL MILITARY OPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN UKRAINE

Nelly Romanovich

Doctor of Sociology, Professor of the Department of Political Science and Political Management of the RANEPА under the President of the Russian Federation (Voronezh branch), Director General of the Institute of Public Opinion «Qualitas»
E-mail: nelly@qualitas.ru

Abstract. The article presents the results of all-Russian survey on the attitude of Russians to a special military operation launched to demilitarization and denazification of Ukraine. The ideas of the country inhabitants about the reasons for the special operation start are considered. The degree of support and the information sources about the

operation course are revealed. The level of loyalty to the President of the Russian Federation after the hostilities outbreak is determined. Some aspects of the Russian society world picture are studied – in particular, ideas about Russian special operation support and Ukrainian population mood. It is hypothesized that the level of support for the special operation may increase according to its success.

Keywords: public attitudes, sociological survey, special military operation in Ukraine.

Ядерное оружие в настоящее время остается ключевым фактором сдерживания военного противостояния. В своей книге «Расцвет и упадок государства» профессор военной истории Мартин ван Кревельд полагает, что уже в конце XX века межгосударственная война стала уходить в прошлое, поскольку потеряла свое основное привлекательное свойство – извлечение материальной выгоды [1, с. 14-15]. Право суверенного государства вести войну было аннулировано за исключением случаев целей самообороны, либо «принуждения к миру». А с появлением ядерного оружия уменьшилась вероятность войны хотя бы в силу здравомыслия правителей, имеющих в своем распоряжении такое оружие. Ядерное оружие способно обеспечить стране абсолютную защиту, но вести войны между державами, обладающими ядерным оружием, не представляется невозможным. По умолчанию ядерные державы в итоге решили, не обращая внимание на наличие ядерного оружия, вести обычные войны высокоточным оружием.

Известно, что история не терпит сослагательных наклонений, но с большой долей вероятности можно утверждать, что специальная военная операция России в Украине, начатая 24 февраля 2022 года, могла бы не начаться, если бы Украина не была заинтересована во вступлении НАТО и не заявила о своих претензиях на обладание ядерным оружием. Потенциальная угроза собственной безопасности и принятые обязательства по защите и освобождению в течение восьми лет обстреливаемых украинской стороной ЛНР и ДНР, были официально заявленными причинами начала российской военной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

Население самой России чрезвычайно болезненно встретило известие о начале спецоперации, поскольку в нашей стране не насаждалась (в отличие от Украины) ненависть и агрессия по отношению к бывшей братской державе. Ожесточенная конфронтация в реальном информационном, в том числе, виртуальном пространстве способствовала российских исследователей объединиться для

проведения инициативного проекта по выявлению отношения россиян к сложившейся ситуации.

Проект объединил независимых исследователей и исследовательских компаний в различных регионах – Москвы, Самары, Воронежа, Чебоксар, Казани и других. Участниками проекта был проведен опрос жителей РФ старше 18 лет [2]. Сбор данных проводился с помощью телефонного опроса жителей всех регионов РФ 28 февраля-1 марта по случайной выборке. Было опрошено 1640 респондентов. Каждому потенциальному респонденту было совершено не менее 3 попыток контакта. Финальная выборка была взвешена по полу, возрасту и образованию.

После признания Россией 21 февраля 2022 года независимости ДНР и ЛНР (на внеочередном заседании Совета Безопасности на фоне обострения ситуации на Донбассе) были подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с главами республик, прибывшими в Москву. Ответы на вопрос: **«Вы в целом поддерживаете или не поддерживаете решение России о признании Россией независимости Донецкой и Луганской народных республик?»**, – показывают, что подавляющее большинство россиян (70%) поддерживают это решение. Не поддерживают признание суверенности республик только 16% граждан России. Остальные ответы: *«в чем-то поддерживаю, в чем-то нет»* - 4%, *«ничего не знаю об этом решении»* – 5%, *отказ от ответа* – 4%.

Признав независимость Луганской и Донецкой республик и подписав с ними договор о взаимопомощи, Россия подавала недвусмысленный сигнал Киеву, что намерена защищать ДНР и ЛНР в случае нападения на них. Киевская власть не вняла предупреждению, продолжая обстрелы республик вопреки подписанным ранее минским соглашениям. С кремлевской трибуны было заявлено, что «иного выхода не было», кроме начала специальной военной операции. В чем российские жители усматривают причины военных действий?

На этот вопрос россияне отвечали 11-12 марта, во время второй волны всероссийского опроса, проведенного группой независимых исследовательских компаний в различных регионах – Москвы, Самары, Воронежа, Чебоксар, Казани и других. Было опрошено 1600 жителей России старше 18 лет методом телефонного интервью [3]. Одним из вопросов затрагивал причины специальной военной операции на Украине.

Как Вы считаете, какие цели преследует Россия при проведении военной операции на Украине?

- Не дать разместить военные базы на территории Украины, обезопасить границы России – 72%;
- Ликвидировать националистические организации, разоружить их – 62%;
- Защитить население Донбасса (ЛНР и ДНР) – 61%;
- Защитить права русских на Украине – 56%;
- Добиться нейтрального статуса Украины, не дать ей вступить в НАТО – 50%;
- Разоружить Украину, лишить армии, угрожающей России – 39%;
- Изменить прозападный политический курс нынешнего руководства Украины – 40%;
- Вернуть России её исконные земли – 18%;
- Оккупировать Украину и присоединить её к России – 8%;
- Уничтожить Украину как государство или расчленив её – 6%.

Доминирующим ответом на вопрос: **«Как Вы считаете, какие цели преследует Россия при проведении военной операции на Украине?»**, - оказалось суждение: *«Не дать разместить военные базы НАТО на территории Украины»* - 72%. Второе и третье место заняли ответы: *«Ликвидировать националистические организации, разоружить их»* (62%) и *«Защитить русскоязычное население ДНР и ЛНР»* (61%). Четвертое место было отдано мнению: *«Защитить права русских на Украине»* - 5%. Самыми непопулярными оказались следующие альтернативы: *«оккупировать Украину и присоединить её к России»* - 8%, *«уничтожить Украину как государство или расчленив её»* - 6%.

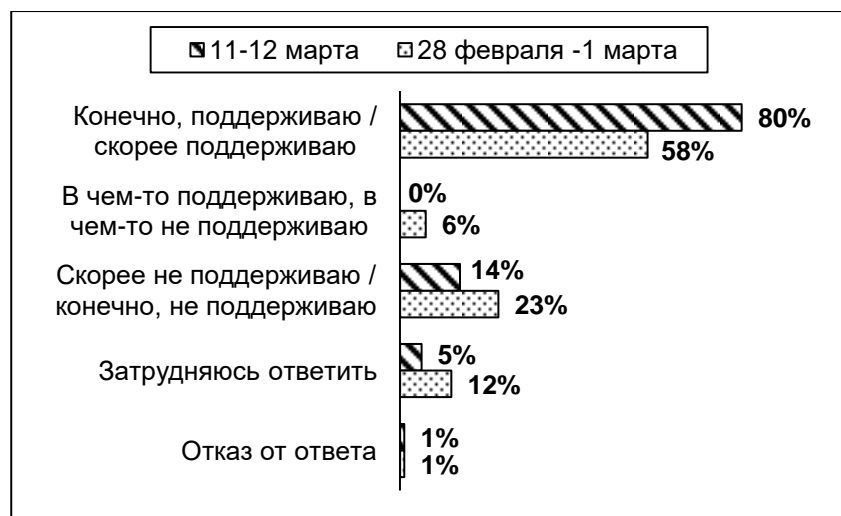
Помятую, что право суверенного государства вести войну сегодня аннулировано в общественном сознании, за исключением случаев защиты и самозащиты, можно видеть причины легитимации россиянами военных действий. Жители РФ трактуют действия своих властей, как «защиту» и «самозащиту». Защиту русскоязычного населения ДНР и ЛНР и самозащиту от перспективы размещения военных баз НАТО на территории Украины. И параллельная задача: ликвидация и разоружение националистических организаций. Собственно, так гласит и официально озвученная задача:

демилитаризация и денацификация Украины. В рамки этих двух задач вписываются и другие ответы.

Один их ключевых вопросов – это вопрос о степени поддержки спецоперации гражданами России (график 1).

График 1

Скажите, Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины?

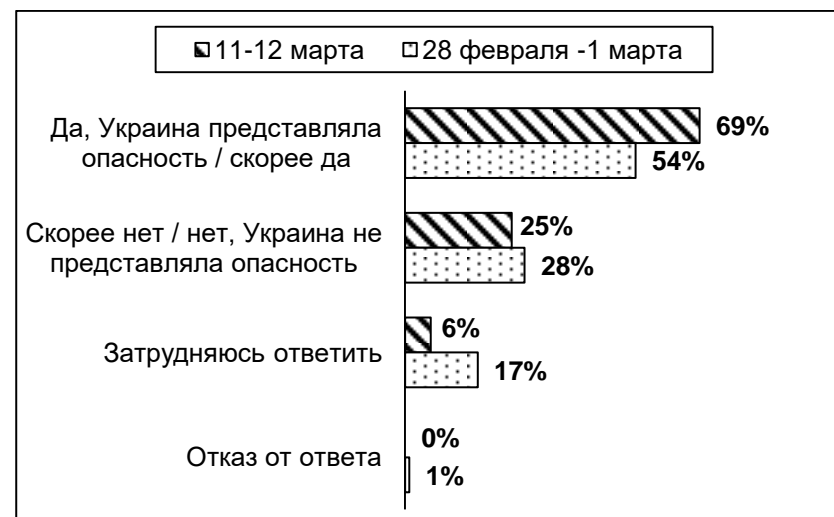
Война – это всегда катастрофа и трагедия, особенно, если это война между бывшими братскими народами. Тот факт, что в целом большинство населения (58%) высказалось в пользу поддержки военной операции в самом её начале, говорит о достаточно высоком уровне лояльности к действиям руководства страны и, если можно так выразиться, априорного доверия, поскольку люди ещё не успели разобраться в происходящем и выработать собственное мнение. Не поддержали военные действия в конце февраля 23% опрошенных. Но уже в начале марта это число сократилось до 14%, а число поддержки подскочило до 80%.

Ответы на вопрос: «*Как Вы думаете, Украина, как страна или политика ее руководства представляли опасность для Российской Федерации достаточную, чтобы начинать широкомасштабные*

военные действия на всей территории Украины?», - показали, как изменилось число сторонников того или иного суждения за две недели хода операции (график 2).

График 2

Украина как страна или политика ее руководства представляла достаточную для России опасность, чтобы начинать широкомасштабные военные действия на всей территории Украины?

Число тех, кто уверен в том, что Россия представляла опасность для Украины, выросло с 54% до 69%. По мере повышения возрастной планки респондентов уверенность в опасности, исходящей от Украины, возрастает. С повышением уровня благосостояния этот показатель тоже повышается.

Уже с 2014-го года было понятно, что Запад будет использовать Украину как средство политического давления на Россию. Главный тезис многих экспертов сегодня – это то, что война идет не между Украиной и Россией, а против неонацистского режима, поддерживаемого глобальными игроками на нашей исторической территории. Управляемая гражданская война постепенно перерастает в межцивилизационное противостояние. Есть мнение, что Россия специальной операцией предотвращает югославский сценарий развития событий.

Хотя многие СМИ начали называть спецоперацию войной, это не вполне война, а если и война, то вовсе не обычная. Воюют с врагом, а Россия не считает врагом Украину. Более того, российским военным был дан приказ не стрелять по гражданским объектам, стараясь как можно более сохранить жизни мирным жителям. Так войну не ведут, так ведут спецоперацию. Спецоперация затягивается, потому что украинские власти вовсе не озабочены жизнью мирных жителей. Украинские войска ставят свои орудия в жилых кварталах, вблизи школ и детских садов, прикрываются местными жителями, как живым щитом, не дают им вырваться из окружения, удерживая в подвалах и заминированных зданиях. Именно так поступают враги по отношению к завоеванному им народу. Получается, что украинское войско не щадит собственного народа, тогда как обязано его защищать и оберегать. А российское войско, напротив, щадит и оберегает украинский народ в ущерб скорости осуществления планов намеченной спецоперации.

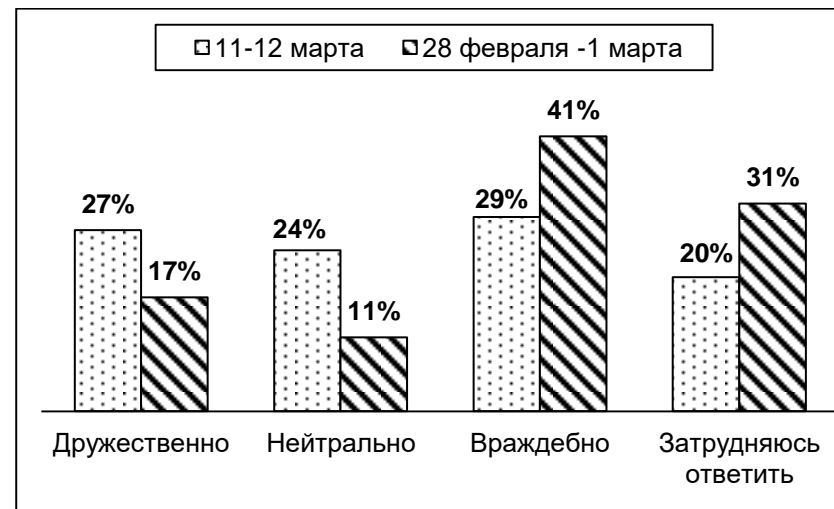
Пренебрежение жизнью собственного народа, похоже, является характерной чертой украинской власти, которая раздается без счета оружие всем желающим. Украинская власть давно уже воюет с собственным народом – и восьмилетняя война на Донбассе является тому прямым доказательством. Россия поступает как врач, который намерен вырезать злокачественную опухоль из тела больного, сохранив при этом ему жизнь и здоровье. Сама же опухоль всегда стремится захватить все тело и погибает вместе с ним.

Но сами украинцы этого могут пока не понимать и протестовать против врача, который приступает к нему со скальпелем. Ведь против российской цивилизации и постсоветского пространства идет ментальная война, которая находится на втором месте после ядерной по опасности. Целые народы и цивилизации погружаются в искусственно созданную реальность, разрушается национальное самосознание и общая историческая память.

Многие россияне понимают, что российские войска встретят неоднозначное отношение со стороны населения Украины, как показывают результаты опроса. Судя по ответам большинства российских граждан – у них нет иллюзий по поводу того, что украинцы будут встречать российских солдат цветами и песнями (график 3).

График 3

Как Вы думаете, большинство населения Украины встречает российские войска дружелюбно, нейтрально или враждебно?

Самым популярным ответом был и остается вариант о враждебной встрече российских войск. Однако за две недели осуществления спецоперации это число уменьшилось с 41% до 29%. А гипотеза о вероятности дружеской встречи увеличила число своих сторонников с 17% до 27%. Чем старше респонденты, тем больше у них надежды на дружескую встречу российских войск. Причина, видимо, в том, что старики не разорвали в своих сердцах связи с братской Украиной и искренно верят в то, что российские войска освобождают украинский народ от бандеровцев, азовцев, айдаровцев и проч. По крайней мере, на дружескую встречу со стороны жителей ДНР и ЛНР, которые подвергались обстрелам 8 лет, вполне можно рассчитывать.

В российских СМИ превагирует термин «освобождение». «Но я не просила меня освобождать!» - взрываются подобными репликами социальные сети. Неизбежные жертвы среди украинского мирного населения переживаются как трагедия самими россиянами.

У российских граждан есть родственники или знакомые в Украине, с которыми они могут поддерживать живую связь и узнавать

не только хронику событий «из первых рук», но и отношение украинцев к операции. Ответы на вопрос: *«Есть ли у вас близкие знакомые и родственники, проживающие сегодня в Украине? Если да, общались ли вы с ними с помощью любых средств связи в последнюю неделю?»*, – показали, что знакомые и родственники среди украинцев есть у каждого третьего жителя России. Из них 19% опрошенных не поддерживали связи с ними после начала спецоперации, 11% россиян связывались раз или два с украинскими знакомыми и родными, а 2% жителей нашей страны поддерживают с близкими им украинцами постоянный контакт. Для чего? Утешить, помочь, успокоить, поддержать в трудную минуту...

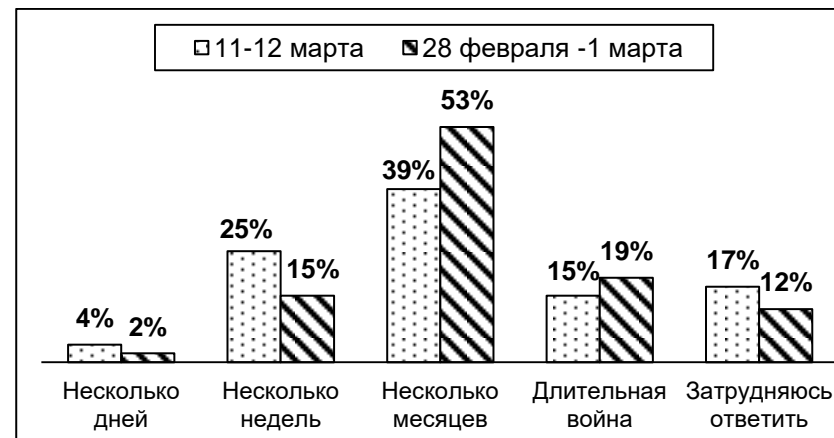
Понятно, что эмоции жителей осажденной страны не могут быть положительными – это страх и боль даже в случае изначально дружественного отношения к России или ненависть и агрессия в случае враждебного отношения к ней. Исключение составляют ДНР и ЛНР, которые Украиной уже не являются, и ведут совместную операцию вместе с российскими войсками. Настрадавшееся за восемь лет население Донецкой и Луганской республик приветствует российских солдат как избавителей, хотя обстрелы суверенных республик продолжаются и по-прежнему гибнут люди. Но у них появилась надежда.

Нельзя забывать, что потери несет и российская армия. Как показал опрос, у 28% жителей страны есть военнослужащие среди родственников и близких им людей. Вопрос о потерях неразрывно связан со сроками военной операции на Украине (график 4).

В начале марта россияне чаще всего полагали, что война продлится несколько месяцев (39%). В то же время некоторые надеялись, что она завершится через несколько недель (25%) или даже через несколько дней (4%). Но это оптимистические прогнозы. А пессимисты подозревают, что война может длиться долго, и у России есть опасность «завязнуть» на территории Украины. Тогда в зависимости от того, как будут разворачиваться события, российская армия может столкнуться с партизанским движением и диверсионной деятельностью, проплачиваемой западными «недружественными» странами.

График 4

Как Вы думаете, как долго еще продлится военная кампания, начавшаяся 24 февраля: несколько дней, несколько недель, несколько месяцев или Россия втянется в длительную войну?

Верят ли россияне в победу российской армии? Ответы на вопрос: *«Как Вы думаете, удастся или не удастся России добиться военной победы над Украиной (капитуляции войск Украины)?»*, – свидетельствуют о том, что в победу верит большинство жителей страны (график 5).

Число россиян, убежденных в победе российских войск, за пару недель увеличилось с 73% до 89%. Количество сторонников противоположного мнения пока не меняется - 5%.

Сложность военных действий в Украине заключается в том, что конфликт с братским народом носит ценностный характер. А ценностный конфликт – это один из глубинных типов конфликтов. По ценностям, как правило, уступок не бывает. Поэтому украинские нацбатальоны, сторонники Бандеры, сражаются насмерть, не щадя жизни мирных жителей, действуя по отношению к ним, как террористы. Ничего удивительно, ведь их кумир Степан Бандера и был принципиальным адептом террора.

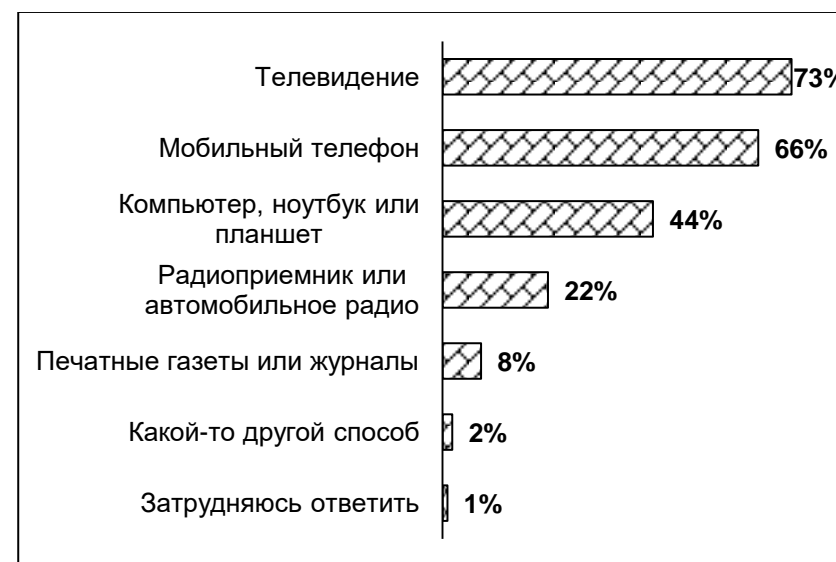
График 5
Как Вы думаете, удастся или не удастся России в итоге добиться военной победы над Украиной?

Современная война – это не столько захват территорий, сколько захват картины мира. Картина мира сегодня формируется с помощью различных информационных источников. Ниже представлены приоритетные информационные источники получения информации для россиян в начале марта (график 6).

При ответах на этот вопрос респондентам предлагалось указать до трех основных источников информации, поэтому сумма ответов превышает 100%. Почти три четверти россиян черпают информацию о спецоперации из телеканалов (73%). Мобильные телефоны занимают второе место в качестве источника информации (66%). На третьем месте компьютеры, ноутбуки и планшеты (44%). Чем старше респонденты, чем чаще они составляют телевизионную аудиторию, чем моложе – тем скорее пользуются ютьюб-каналами и социальными сетями посредством мобильных телефонов и компьютеров. Радио слушают чаще всего автомобилисты, а печатные СМИ сохранили себе весьма незначительную аудиторию (8%).

График 6
За последние семь дней для получения новостей о военных действиях на Украине Вы использовали следующие источники?

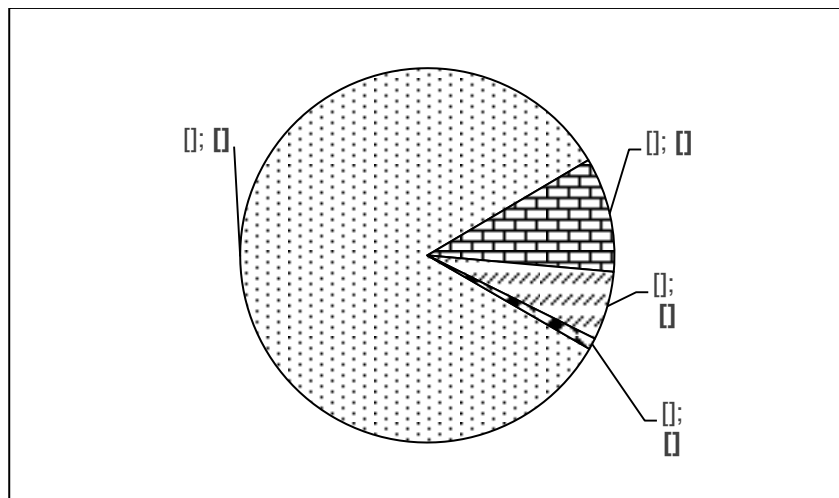

По данным опроса 28 февраля-1 марта, интернет сайты (в том числе зарубежные) используют 24% опрошенных. Ютьюб-каналами пользуются 12% россиян. Каждый десятый доверяет информации от знакомых, родственников и коллег (10%). Блоггеры в Инстаграм пользуются доверием у 7% граждан страны и столько же опрошенных (7%) использует новости телеграмм-канала. Из популярных соцсетей наибольшим авторитетом пользуется группа ВКонтакте (5%), на втором месте – Одноклассники – 2%, на третьем – Фейсбук (1%). Только 2% опрошенных не следят за специальной военной операцией.

Вопрос о справедливости специальной военной операции – это фактически вопрос о её легитимности. Справедливая война вдохновляет солдат, идущих на смерть, сомнения в справедливости военных действий подрывают успешность военной кампании. Сколько россиян объединены чувством справедливости военной операции на Украине? (график 7)

График 7

Как Вы считаете, Россия ведёт на Украине справедливую или не справедливую военную кампанию?

Оказалось, что 84% россиян считают военную кампанию справедливой. Противоположного мнения придерживаются 10% опрошенных. Получается, что каждый десятый житель России отрицает справедливость военной спецоперации на Украине. В рамках огромной страны (145 млн чел) это не так уж и мало – около 15 миллионов граждан. Какие действия они готовы предпринять в защиту своих убеждений? (график 8).

Кто-то даже не слышал об антивоенных протестах (23%), но большинство слышали и вовсе не поддерживают подобные действия (59%). Готовы активно протестовать на сегодняшний день лишь 3% опрошенных. Выйдут ли они на улицу или нет – это зависит от двух факторов: успехов на поле военных действий и на поле информационной битвы. «Объединенный Запад» ведет мощную и хорошо проплачиваемую информационную атаку на Россию с целью очернить действия российских вооруженных сил и представить российских граждан чем-то вроде монстров, недостойных жить на земле.

График 8

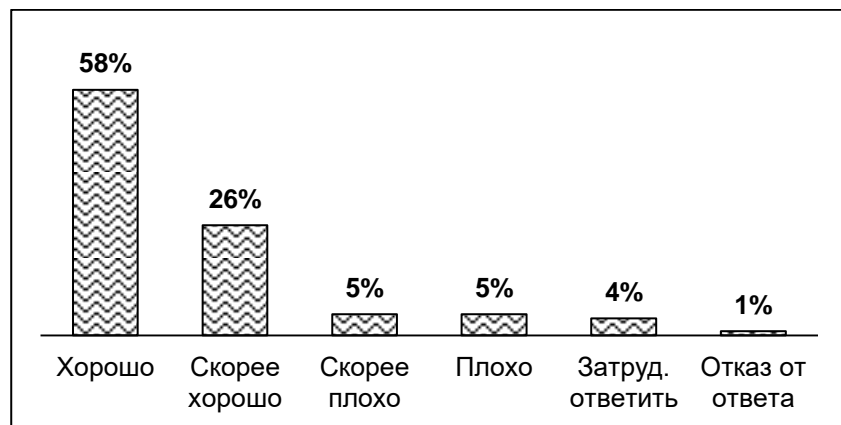
В нескольких городах люди, не довольные военными действиями на Украине, вышли на улицы с акциями протеста. Слышали ли Вы об этом и готовы ли сами протестовать против войны?

Особенно много инсинуаций со стороны Запада направлены против главнокомандующего РФ. Как население России воспринимает сегодня своего Президента? 11-12 марта российские граждане оценили работу главы государства (график 9).

График 9

Как Вы считаете, Владимир Путин работает на посту Президента России хорошо или плохо?

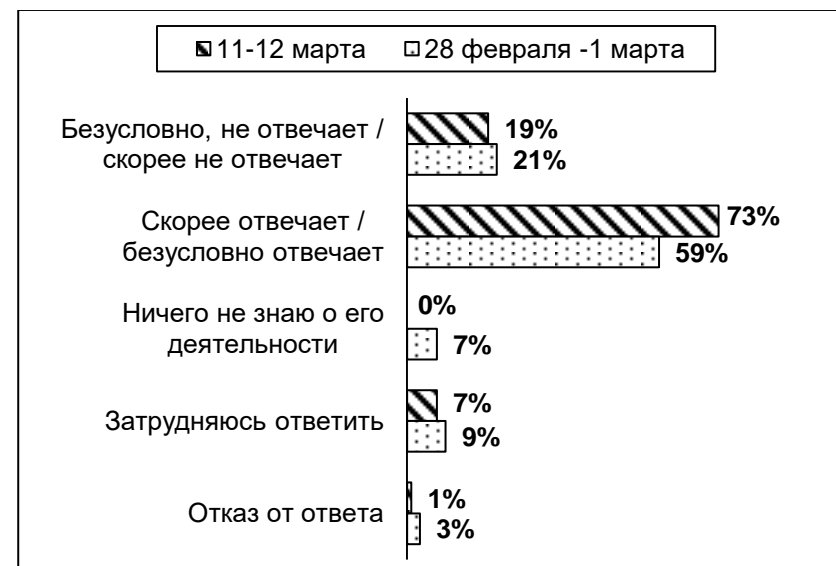
В целом 84% россиян уверены, что Владимир Владимирович работает на своем посту хорошо. В плохой работе обвиняют Президента РФ 10% опрошенных. Очевидно, что это те же 10%, которые считают это спецоперацию несправедливой. Но на митинги, как показал опрос, далеко не все из них готовы выйти.

Впрочем, проблемы, стоящие перед страной, не всегда волнуют обывателей – для них «ближе к телу» собственные обыденные трудности и неприятности. Поэтому актуальны ответы россиян на вопрос о соответствии деятельности Президента интересам обывателей (график 10).

Если в начале военной операции 59% россиян были уверены в соответствии своим интересам деятельности В.В.Путина, то спустя две недели это число повысилось до 73%. Количество отрицательных ответов уменьшилось ненамного (с 21% до 19%). Личные интересы далеко не всегда совпадают с интересами страны, и это понятно – заблокированные счета, невозможность международных транзакций, отмененные рейсы авиалайнеров, ограничения в сфере интернет-ресурсов (как следствия западных санкций) никак не отвечают интересам российских жителей.

График 10

Как Вы думаете, отвечает ли нынешняя деятельность Президента России интересам таких людей, как Вы?

Тем не менее, поддержка главнокомандующего большинством населения страны неоспорима (график 11).

Большинство россиян желают Владимиру Путину оставаться на своем посту как можно дольше. Это желание возрастает от 55% среди молодежи до 80% среди пожилых людей (по результатам опроса 28 февраля-1 марта). А спустя две недели военной операции на Украине общий показатель желания бессменности действующего лидера подпрыгнул до 78%.

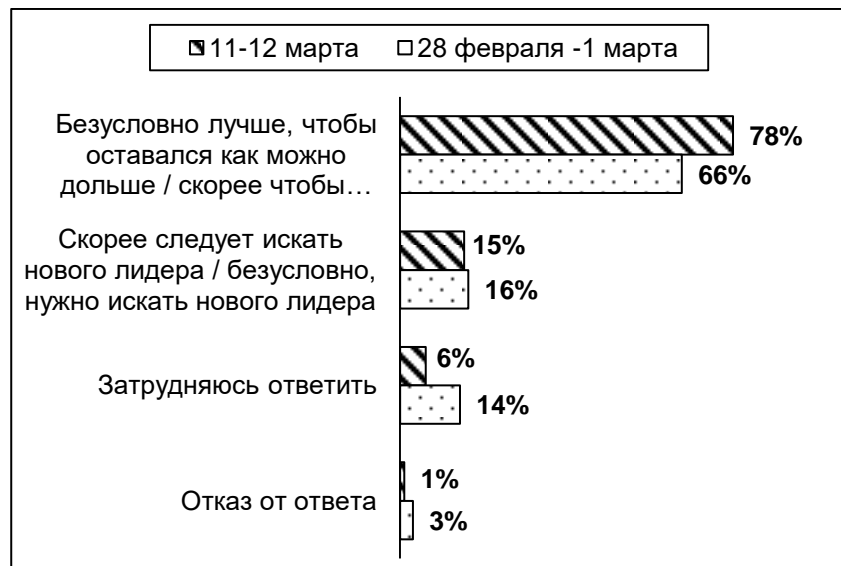
Сменить лидера желают 15-16% опрошенных (этот показатель за две недели практически не изменился). Следовательно, доля поддерживающих В.В.Путина увеличилась за счет того, что определились со своим мнением те, кто затруднялся с ответом ранее.

Поддержка спецоперации, как и Президента РФ зависит от двух факторов: успешности хода спецоперации и её скоротечности. Если же военная кампания затянется, особенно, если перейдет в партизанскую фазу, то поддержка населения станет весьма спорной.

Об этом предупреждают военные теоретики, в частности Мартин ван Кревельд, в своей книге «Трансформация войны» [4].

График 11

Как, по-Вашему, для России было бы лучше, если бы Владимир Путин как можно дольше оставался во главе страны, или лучше, чтобы во главе страны встал новый лидер?

Он утверждает, что поскольку ядерная война не может быть применима для разрешения межгосударственных противоречий, то её место занимают конфликты «низкой интенсивности». В такого рода вялотекущих конфликтах есть шанс мощному государству проиграть несопоставимо более слабому сопернику в случае, если он «завязнет» на территории противника. С точки зрения автора, это может свидетельствовать о том, что нас ожидают изменения в военной стратегии, фокусировании её на противопартизанских действиях. В перспективе, по мнению автора, это может привести к тому, что старые нормы гуманитарного права (права войны) разделяющее военных и гражданских, могут уйти в прошлое или серьезно видоизмениться.

Выводы

Поставленная Россией цель освобождения русского и украинского народов от неонацистского режима в соседней Украине вызвала противостояние нашей страны и почти всего остального мира. Тумблер ненависти, ещё не остывший после времен холодной войны, легко включился снова. Россия ещё раз убедилась в том, что у неё только два надежных союзника: армия и флот. «Империя лжи» раздувает агрессию среди своего населения, отключив российские информационные источники. Удивительно, что восьмилетние страдания Донбасса и кровь убитых детей ничуть не волновали мировую общественность, в которой пацифисты выявились лишь с началом военной операции России.

Самое недалёковидное, что можно сделать в такой ситуации, это локализовать военный конфликт на уровне друзей, знакомых, коллег по работе и родственников. Не подлежит сомнению, и результаты опросов это доказывают, что российское общество расколото: большая часть населения поддерживает спецоперацию в Украине, а менее четверти опрошенных выступает против. Противостояние началось не с началом военной операции, а задолго до неё. За восемь лет войны на Донбассе противостояние между россиянами заявляло о себе иногда в латентных, а иногда в совершенно открытых формах. Имели место семейные конфликты и даже разводы по политическим причинам, а также ожесточенная конфронтация в реальном и информационном, в том числе, виртуальном пространстве. Некоторые горячие головы и сегодня пытаются оборвать дружеские и даже родственные связи с теми, кто не согласен с их мнением. Это ошибочная тактика и провальная стратегия. Правда в любом случае пробьет себе дорогу, нужно лишь подождать.

Проведенное исследование демонстрирует поддержку большинства населения России военной операции в первые две недели от её начала. Одновременно выявляются и многие не определившиеся со своей позицией. Их мнение, как и мнение прочего населения, будет зависеть не только перевеса сил в информационной войне. Многочисленные фейки, как и прочие информационные взбросы дают кратковременный эффект, который стирается памятью за повседневными заботами. Главным образом, поддержка населения будет определяться успешность операции (не только в военном отношении, но и в отношении сбережения украинского населения), а также её скоротечностью. В современных войнах есть риск «завязнуть» на территории противника, если конфликт примет вялотекущий характер. Одно несомненно – заканчивать войну

неизмеримо тяжелее, чем её начинать. Сегодня весьма распространенным стал слоган: «Война не началась, она заканчивается!». Остается желать, чтобы она закончилась скорее, и наступил вожделенный мир, который принесет свои проблемы, но только не взрывы бомб.

Список литературы

1. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, ИД «Социум», 2016. 544 с.
2. Исследование отношения жителей России к специальной военной операции РФ в Украине. 07.03.2022. URL: <https://www.extreamscan.eu/> (дата обращения: 09.03.2022).
3. Итоги второй волны всероссийского опроса на тему отношения населения к специальной военной операции в Украине. 30.03.2022. URL: http://www.qualitas.ru/new/news/2022/March/mart_466.html (дата обращения 08.04.2022)
4. Faiola Anthony. Through Putin's looking glass: How the Russians are seeing — or not seeing — the war in Ukraine // The Washington Post. 08.03.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/08/russian-media-state-television-ukraine/>(дата обращения: 09.03.2022)

РИСКИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Сенюшкин Е.А.

*Кандидат политических наук,
Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных
отношений
E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема управления рисками в условиях формирующейся многополярности. Подчеркивается, что современный мир находится в состоянии высокой степени неопределенности, в связи с чем возникает запрос на реформирование и повышение эффективности механизмов управления рисками. По мнению автора, БРИКС, который рассматривается

сегодня как один из современных институтов управления мировой политикой, также должен изучаться с точки зрения потенциальных рисков.

Ключевые слова: Управление мировой политикой, риски, БРИКС, БРИКС+, многополярность, национальные интересы, сетевые взаимодействия.

RISKS OF GLOBAL GOVERNANCE IN A MULTIPOLAR ENVIRONMENT

Senyushkin E.A.

*Candidate of Political Sciences,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
Associate Professor of the Department of Political Sciences and
International Relations
E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru*

Annotation. The article deals with the problem of risk management in the conditions of emerging multipolarity. It is emphasized that the modern world is in a state of a high degree of uncertainty, in connection with which there is a demand for reforming and improving the effectiveness of global risk management mechanisms. According to the author, BRICS, which is considered today as one of the modern institutions of global governance, should also be studied from the point of view of potential risks.

Keywords: Global governance, risks, BRICS, BRICS+, multipolarity, national interests, network interactions.

Современный мир находится в состоянии высокой степени неопределенности. Борьба с преодолением последствий пандемии коронавируса, продовольственный, энергетический и климатический кризисы, обострение напряженности в области международной безопасности — все эти факторы продемонстрировали слабость институтов глобального управления [3]. В этих условиях возникает запрос на реформирование и повышение эффективности механизмов управления мировой политикой.

Нарастающие процессы глобализации все более отчетливо выявляют фундаментальные императивы при выработке такой модели мироустройства, геополитическая конфигурация которой была бы устойчивой, стабильной, надежной, интегрирующей как национально-государственные, так и транснациональные интересы [2, с. 235].

Отдельная тема, которая вызывает особый интерес исследователей – это риски глобального управления в условиях формирующейся многополярности. На основные смысловые узлы этой проблемы указывает В.Г.Калюжный: «во-первых, стремление Соединенных Штатов Америки, опираясь на свою экономическую, политическую и военную мощь, сохранить и по возможности укрепить свое единоличное доминирование в мире; во-вторых, глобализация и унификация мировой экономики, которые сопровождаются потерей или ослаблением суверенитета национальных государств, а также появлением на политической арене новых акторов в лице различного рода неправительственных организаций, транснациональных корпораций, полукриминальных сетевых структур и т.д.; в-третьих, поиск целым рядом государств, своего геополитического кода развития, социокультурной и цивилизационной идентичности и привлекательности, базирующихся на возврате утраченных культурных традиций, устоев, исторических святынь и т.д.; в-четвертых, все более усиливающееся социальное неравенство в мире, ведущее к росту недовольства и возмущения бедного большинства мирового сообщества, способное пошатнуть выстроенную Западом иерархию «золотого ядра» и периферии; в-пятых, активизацию международного терроризма; в-шестых, истощение сырьевых ресурсов и ухудшение состояния окружающей среды» [2, с. 235-236].

Важное значение для понимания рисков в системе управления мировой политикой имеют результаты исследований, изложенные в коллективной монографии «Россия в полицентричном мире» под редакцией А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой [4], в которой проведен анализ проблем и перспектив глобального управления от финансов и экологии до проблем безопасности. В частности, авторы указывают на сложности формирования механизмов глобального управления, а также международно-политические последствия формирования новых региональных образований по периметру российских границ. Основное внимание уделяется выявлению возможностей, вызовов и рисков, которые возникают у России в рамках формирования полицентричного мира.

По мнению Ан.А.Громыко, в многополярном мире «возникла сетевая структура, в которой происходят масштабные политические процессы, в том числе изменение соотношения сил между центрами власти. Чем дальше, тем больше это давление обстоятельств (экономики, науки и техники, военной силы, социальных и природных катаклизмов) будет определять структуру и характер сетевого

многополярного мира» [1, с. 15]. Рассуждая в этом контексте, можно предположить, что особый род рисков может быть связан с сетевой структурой формирующейся многополярности, т.к. сетевой процесс основывается на взаимодействии различных акторов, нацеленных на достижение собственных интересов при помощи обмена ресурсами.

В ходе сетевого обмена ресурсами взаимодействуют разные типы акторов – геополитические, политические, экономические и культурно-идеологические. При этом «способ взаимодействия акторов в рамках перечисленных выше сетей и представляет собой реальную конфигурацию борьбы за ресурсы» [5, с. 35]. Так как количество любых ресурсов всегда ограничено, борьба за доступ к этим ресурсам неизменно сопровождает любую форму коалиций и союзов и новый формат многополярности не является в этом смысле исключением.

В этой связи БРИКС, который рассматривается сегодня как один из современных институтов управления мировой политикой, также должен изучаться с точки зрения потенциальных рисков. Эта международная структура в совокупности представляет более 40% населения мира, 25% мирового ВВП и 20% международного товарооборота. На XIV саммите БРИКС, который состоялся 23–25 июня 2022 г., Аргентина и Иран также заявили о желании вступить в объединение.

Превратится ли «пятерка» в «семерку», и как потенциальное расширение состава участников скажется на деятельности БРИКС? Как сотрудничество в рамках БРИКС поможет России реализовать свою повестку? Каковы перспективы развития БРИКС+? Сможет ли эта структура сыграть весомую роль в глобальном управлении в обозримой перспективе? Эти и многие другие вопросы активно обсуждаются сегодня на политическом, теоретическом и экспертно-аналитическом уровне.

В контексте этих размышлений заслуживает особого внимания вывод В.Г. Калюжного о том, что в современных переходных условиях «многие центры силы стремятся упрочить свое положение за счет ослабшей России, активно проникая в традиционно контролируемые ею геополитические зоны (политика США в Восточной Европе, пантюркистские призывы в Средней Азии, конфликты на Кавказе, ярко выраженные антироссийские действия японского парламента и т.д.). Становится очевидным: вытеснение Российской Федерации из мировой политики идет полным ходом. Подобными действиями, потенциальные геополитические противники России, в новом создающемся конструкте миропорядка, обеспечивают

в первую очередь свои геополитические интересы» [2, с. 236]. В связи с этим крайне важная задача сегодня заключается в том, чтобы обеспечить позиционирование России в новой системе мироустройства на основе её собственных национальных интересов.

Список литературы

1. Громыко Ан.А. Глобализация и глобальное управление: возможности и риски // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 3. С.3-26.
2. Калюжный В.Г. Многополярный мир: реальность и перспективы // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7 (78). Выпуск 14. С. 235-239.
3. Роль БРИКС в глобальном управлении. URL: <https://russiancouncil.ru/news/gorodskoy-zavtrak-rsmd-rol-briks-v-globalnom-upravlenii/>
4. Россия в полицентричном мире. Под. ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М., Весь Мир, 2011, 580 с.
5. Сеньюшкина Т.А., Сеньюшкин Е.А. Управление международными конфликтами как сетевой процесс // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 33-37.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН БРИКС: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сеньюшкина М.А.

Кандидат экономических наук,

Заслуженный работник образования АРК, почётный член

Крымской академии наук

E-mail: marsen@yandex.ru

Аннотация. В определении современного вектора развития мировых финансово-экономических отношений особую роль играет межгосударственное объединение БРИКС. В статье рассматриваются основные механизмы финансово-экономического взаимодействия стран БРИКС, в частности, механизм межбанковского сотрудничества, создание единого финансового пространства на базе формирования Нового банка развития и Пула

валютных резервов. По мнению автора, процессы, связанные с финансово-экономическим сотрудничеством в рамках БРИКС и БРИКС+ следует рассматривать и анализировать в контексте взаимосвязи этих процессов с политическими и геополитическими процессами, с учётом более глубокого осмысления и прогнозирования возможных рисков. Фундаментальным условием принятия управленческих решений в этой сфере на национальном уровне следует считать строгое соответствие принимаемых решений национальным интересам.

Ключевые слова: БРИКС, БРИКС+, механизмы финансово-экономического взаимодействия стран БРИКС, управление рисками, национальные интересы.

FINANCIAL AND ECONOMIC COOPERATION OF THE BRICS COUNTRIES: REALITIES AND PROSPECTS

Senyushkina M.A.

Candidate of Economic Sciences, Honored Worker of Education of the ARC, Honorary Member of the Crimean Academy of Sciences

E-mail: marsen@yandex.ru

Abstract. The BRICS interstate association plays a special role in determining the current vector of development of global financial and economic relations. The article discusses the main mechanisms of financial and economic cooperation between the BRICS countries, in particular, the mechanism of interbank cooperation, the creation of a single financial space based on the formation of a New development Bank and a pool of foreign exchange reserves. According to the author, the processes related to financial and economic cooperation within the framework of BRICS and BRICS+ should be considered and analyzed in the context of the relationship of these processes with political and geopolitical processes, taking into account a deeper understanding and forecasting of possible risks. The fundamental condition for making managerial decisions in this area at the national level should be considered strict compliance of the decisions taken with national interests.

Key words: BRICS, BRICS+, mechanisms of financial and economic cooperation of the BRICS countries, risk management.

В условиях турбулентности мировой политической системы наблюдаются кардинальные изменения не только в сфере

геополитики, но и в экономической и финансовой системе. Вряд ли кто-то станет утверждать, что эти процессы не взаимосвязаны. Более того, иногда в публичном информационном пространстве можно услышать мнение экспертов о том, что есть и обратная взаимосвязь – экономические и финансовые изменения являются одним из глубинных факторов современных геополитических трансформаций. На основе методологии К.Маркса и М.Вебера это утверждение можно было бы обосновать не только с точки зрения аналитической проекции, но и на уровне теоретической рефлексии.

Наряду с этим, как отмечает Е.А.Сенюшкин, «современная динамика изменений в обществе, как национального, так и международного масштаба, свидетельствует о расширении пространства политических рисков. При этом внутренний рисковый потенциал государства нередко актуализируется в результате внешних факторов, действующих в мировом политическом пространстве» [8, с. 191].

В определении современного вектора развития мировых финансово-экономических отношений особую роль играет межгосударственное объединение БРИКС. Страны, входящие в это объединение, обладают существенным экономическим, инвестиционным, сырьевым и демографическим потенциалом; на их долю приходится около 30% мирового ВВП, 16% мировой торговли, 12% исходящих инвестиций, кроме того, в этих странах проживает 40% населения мира, а также они занимают 29% общемировой территории [10]. Страны БРИКС принимают активное участие в деятельности международных финансовых институтов и работе по реформированию системы глобального управления и поддержанию стабильности международной торговой системы [4]. Экономическое сотрудничество государств — членов межгосударственного объединения БРИКС согласно Стратегии экономического партнерства до 2025 г., предусматривает диверсификацию инвестиционного сотрудничества, расширение доступа на фондовые рынки стран — членов БРИКС, содействие торговому сотрудничеству [11, с. 110].

Основой взаимодействия государств — членов БРИКС служат их собственная правовая база и достигнутая в 2007 г. договоренность между центральными банками стран-партнеров о расширении использования национальных валют. В настоящее время функционирует инфраструктура центральных банков государств-членов, фондовых рынков, банков развития. Эксперты отмечают положительную динамику развития Нового банка развития БРИКС —

международной финансовой организации, созданной в 2014–2015 гг. [11, с. 112].

Механизм межбанковского сотрудничества между странами БРИКС обеспечивает разнообразное финансовое обслуживание экономического, технического направления, развитие торговли и инфраструктуры, энергетики и высокотехнологичных сфер. В структуре финансового механизма важную роль играют банки стран БРИКС, благодаря которым удастся развивать многостороннее финансовое сотрудничество, создавать и совершенствовать базовые механизмы урегулирования платежей и осуществлять вложения в инвестиционные проекты в национальных валютах. Особое значение в развитии сотрудничества имеют Биржевой альянс БРИКС и Деловой совет БРИКС. Биржевой альянс включает в себя крупные фондовые биржи государств содружества. Деловой совет БРИКС при помощи рабочих групп по ключевым направлениям сотрудничества выявляет проблемные факторы, препятствующие росту экономического взаимодействия между странами БРИКС и разрабатывает предложения по их устранению.

Особое направление сотрудничества связано с созданием единого финансового пространства на базе формирования Нового банка развития и Пула валютных резервов. Выгоды от данного направления — это привлечение финансовых средств с помощью новых механизмов, новые возможности традиционных рынков. Ожидается, что таким образом можно будет проводить финансовые операции за пределами МВФ. А используя национальные валюты, удастся увеличить инвестиционные потоки и уменьшить зависимость от экономик других государств.

Инвестиционная привлекательность и международная конкурентоспособность достигается благодаря усилению внешнеторгового сотрудничества всех стран-участниц БРИКС. Организация стремительно движется к роли влиятельного межгосударственного объединения, активно вовлеченного в систему глобального управления [6].

Страной-председателем в 2022-м году является Китай, который на текущий год запланировал в общей сложности более 100 мероприятий в рамках китайского года БРИКС. В частности, 3–24 июня 2022 г. в формате видеоконференции прошёл 14-ый саммит БРИКС, а уже через несколько дней после саммита заявки о вступлении в БРИКС подали Аргентина и Иран [1]. О планах присоединиться к БРИКС сообщили также Саудовская Аравия, Египет

и Турция. Ожидается, что решение о расширении состава участников объединения может быть принято на саммите БРИКС в 2023 году.

Главы государств БРИКС на июньском саммите 2022 г. приняли Пекинскую декларацию, а также провели встречу в формате «БРИКС плюс» с участием глав 18 государств — Алжира, Аргентины, Бразилии, Египта, Индии, Индонезии, Ирана, Казахстана, Камбоджи, Китая, Малайзии, России, Сенегала, Таиланда, Узбекистана, Фиджи, ЮАР, Эфиопии. Перед саммитом во встречах «БРИКС плюс» также принимали участие представители ОАЭ, Нигерии, Саудовской Аравии.

Одной из новинок председательства Китая в БРИКС в 2022 году стал запуск расширенной встречи БРИКС+ на уровне министров иностранных дел, в которой, помимо основных стран БРИКС, также участвовали представители Египта, Нигерии, Сенегала из Африки, Аргентины из Латинской Америки, Индонезии, Казахстана, Саудовской Аравии, ОАЭ и Таиланда. И хотя включение Саудовской Аравии и Индонезии может отражать роль в *G20* и общий масштаб их экономик в развивающемся мире, включение таких стран, как Сенегал (председательство в Африканском союзе в 2022 году), ОАЭ (председательство в Совете сотрудничества стран Персидского залива в 2022 году) и Аргентины (председательство в Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна в 2022 году) свидетельствует о региональном подходе к строительству платформы БРИКС+.

В ходе встречи министров иностранных дел стран БРИКС Китай также объявил о планах открыть возможность присоединения развивающихся стран к основной группе БРИКС. Такой подход несколько отличался от линии, которую БРИКС проводила в предыдущие годы, когда любая экспансия за пределы ядра БРИКС считалась компетенцией формата БРИКС+. Пока неясно, будет ли расширение основной группы БРИКС поддерживаться другими членами, но на данном этапе маловероятно, что в ближайшем будущем произойдёт быстрое присоединение какой-либо отдельной развивающейся экономики.

Осмысление процессов, связанных с кардинальными изменениями роли БРИКС в мировом масштабе, нацеливает как теоретиков, так и экспертов и практиков на более тщательное изучение рисков в этой сфере. В этой связи Е.А.Сенюшкин подчёркивает, что в условиях «обострения противоречий в современной мировой политической системе особое значение приобретают исследования, посвящённые анализу геополитических

рисков» [7, с. 232]. Добавим к этому, что геополитические риски следует оценивать в их взаимосвязи с геоэкономическими рисками, а стратегию управления рисками выстраивать, исходя из национальных интересов. При этом следует согласиться с Т.А.Сенюшкиной, которая утверждает, что «несмотря на теоретический и практический интерес к этой теме, у российского научного сообщества на сегодняшний день нет единства в ответе на следующие вопросы: что понимается под национальными интересами? Каковы их системообразующие и структурно-функциональные элементы? Как они соотносятся с понятиями «государственные интересы» и «общественные интересы»?» [9, с. 20-21].

Оценивая риски, связанные с включением новых стран в «ядро БРИКС», следует указать на возможные диспропорции и асимметрии с точки зрения представительства основных регионов развивающегося мира в БРИКС. Существует также «риск большей сложности в достижении консенсуса с более широким кругом основных членов БРИКС. В то время как возможность присоединения к ядру должна оставаться открытой, должны быть определены чёткие и прозрачные критерии для «процесса присоединения к БРИКС» [5].

Наряду с этим, эксперты отмечают, что расширение БРИКС усилит позиции объединения в экономической и торговой областях, приблизит возможность создания «новой независимой финансовой системы с использованием резервной валюты, которая может стать альтернативой доллару. О разработке странами БРИКС новой международной валюты, основанной на корзине существующих валют объединения (бразильского реала, российского рубля, индийской рупии, китайского юаня и южноафриканского рэнда), сообщил в июне президент РФ Владимир Путин [3].

Однако, по мнению Е.А.Ефимовой [2], создание валютно-финансовой зоны стран БРИКС имеет свои достоинства и недостатки. К достоинствам этот автор относит: увеличение спроса на кредитные ресурсы, их вложение в инфраструктурные проекты благодаря Банку развития, а соответственно и рост экономического развития стран-участниц; осуществление кредитования на выгодных условиях; снижение зависимости от международных финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк и др.); поддержание валютной ликвидности и регулирование платежных балансов; расширение использования национальных валют и как результат – экономия на конвертации валют.

В числе возможных недостатков указываются следующие: «во-первых, большая финансовая нагрузка на страны БРИКС и увеличение

взаимозависимости между ними; во-вторых, создание союза требует много времени и детального обсуждения функционирования всех элементов, что может вызвать споры и недовольства ряда стран [2, с. 93].

В качестве необходимых мер для углубления финансового сотрудничества между странами БРИКС рассматриваются:

«1. Поддержание макроэкономической стабильности. Низкие и стабильные темпы инфляции будут способствовать проведению взаимных расчетов в национальных валютах, а также повысят конкурентоспособность валют стран на мировом рынке.

2. Проведение политики по либерализации капитальных операций.

3. Создание эффективной финансовой инфраструктуры, позволяющей эффективно осуществлять регулирование финансовыми рынками.

4. Дальнейшее реформирование системы квот МВФ и системы органов управления МВФ и ВБ.

5. Развитие новых финансовых инструментов торговли на фондовых рынках, например, запуск торговли парами рубль/реал или рубль/рупия, а также появление новых инструментов.

6. Осуществление эффективного контроля и надзора за финансовой политикой стран. Перспективным видится создание регулятивного и консультационного механизма (возможно при НБР БРИКС), целями которых было бы эффективное управление финансовыми рынками, совместная разработка финансовых стандартов и правил, а также оказание консультационных услуг, выявление проблем и рекомендаций путей их решения.

7. Создание рейтингового агентства стран БРИКС, гарантирующего независимость оценки» [2, с. 93].

При этом, как отмечает Е.А.Ефимова, «без совершенствования национальных финансовых рынков невозможно полноценное и эффективное финансовое сотрудничество. Странам БРИКС необходимо углублять финансовое партнерство, в целях расширения использования национальных валют, обретения большего веса на политической арене и постепенного образования финансового союза на основе НБР и Пула валютных резервов» [2, с. 93].

Подводя итог сказанному, отметим, что процессы, связанные с финансово-экономическим сотрудничеством в рамках БРИКС и БРИКС+ следует рассматривать и анализировать в контексте взаимосвязи этих процессов с политическими и геополитическими процессами, с учётом более глубокого осмысления и прогнозирования

возможных рисков. Фундаментальным условием принятия управленческих решений в этой сфере на национальном уровне следует считать строгое соответствие принимаемых решений национальным интересам. Добавим к этому, что кроме «явной целесообразности расширения пространства академических дискуссий на эту тему, необходимо заложить устойчивые механизмы определения концепта «национальные интересы», насыщения его содержанием, которое не должно зависеть от изменения политической конъюнктуры» [9, с. 23].

Список литературы

1. БРИКС в январе-июне 2022 года. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/mihail-lavrov/brics-january-june-2022/>
2. Ефимова Е.А. Направления развития финансового сотрудничества между странами БРИКС: перспективы и предложения // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 10 (52) С.89-94.
3. Заплатите нам в «бриксах». URL: <https://expert.ru/expert/2022/26/zaplatite-nam-v-briksakh/>
4. Ларионова М.В. БРИКС в системе глобального управления. Международная жизнь. 2012. № 4. С.1–14.
5. Лисоволик Я. БРИКС+ возвращается с размахом и амбициями. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/briks-vozvrashchaetsya-s-razmakhom-i-ambitsiyami/>
6. Направления развития финансового сотрудничества между странами БРИКС // TV BRICS. 20.11.2019. URL: <https://tvbrics.com/news/napravleniya-razvitiya-finansovogo-sotrudnichestva-mezhdu-stranami-briks/>
7. Сенюшкин Е.А. Геополитические риски с точки зрения цивилизационной теории Н.Я.Данилевского // Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве. Сборник научных трудов XXXVI Международного Харакского форума 15–17 мая 2019 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной и Д.Танчича. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С.232-235.
8. Сенюшкин Е.А. Управление политическими рисками как теоретическая проблема // Религия и политика в постсекулярном обществе / Под ред. Т.А. Сенюшкиной,

- А.В. Баранова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – С.191-197.
9. Сеньюшкина Т.А. К вопросу о концептуализации понятия «национальные интересы» // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура: материалы Международной научно-практической конференции / ответственные редакторы В.В. Касьянов, А.В. Баранов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С.20-23.
 10. Сидорова Е.А. Интеграционно-инвестиционный потенциал БРИКС. Мир экономики и управления. 2016. № 16(2). С.111–122.
 11. Ярыгина И.З., Жигляева А.В. Торгово-экономическое сотрудничество БРИКС: проблемы и перспективы // Мировая экономика. 2020. № 4. С. 110-120.
 12. Ярыгина И.З., Боровикова О.А. БРИКС + как фактор экономического роста и инвестиционного развития // Мировая экономика. 2019. № 4. С. 111-120.

КРИТЕРИИ И КОНТУРЫ УПРАВЛЯЕМОСТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Сеньюшкина Т. А.

*Доктор политических наук,
заслуженный работник образования Республики Крым,
Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
профессор кафедры политических наук и международных отношений
E-mail: senyushkinata@cfuv.ru*

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема управляемости в условиях формирования нового мирового порядка. Следуя отечественной традиции, сложившейся в науке управления, под критериями управляемости автор подразумевает признаки, свидетельствующие о сохранении структуры системы, поддержании режима деятельности и достижении цели (программы). Делается вывод о том, что при исследовании вариантов самоорганизации*

системы российского общества и государства в условиях формирования нового мирового порядка, на теоретическом и аналитическом уровне следует более предметно изучать возможные векторы новой версии глобализации и связанные с ней риски с учётом системного понимания и прогнозирования экономических, политических и социокультурных процессов в России при восточном и южном направлении внешнеполитических взаимодействий. При этом критерии и контуры управляемости этими процессами должны определяться, исходя из национальных интересов России.

***Ключевые слова:** Новый мировой порядок, критерии управляемости, национальные интересы России, БРИКС, Китай, риски в российско-китайских отношениях, восточный и южный вектор внешнеполитических взаимодействий России.*

CRITERIA AND CONTOURS OF CONTROLLABILITY IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A NEW WORLD ORDER

Senyushkina T. A.

*PhD, Doctor in Political Science
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Professor of the Department of Political Sciences and International
Relations*

***Abstract.** The article deals with the problem of controllability in the conditions of the formation of a new world order. Following the national tradition established in the science of management, under the criteria of manageability, the author means signs indicating the preservation of the structure of the system, the maintenance of the mode of activity and the achievement of the goal (program). It is concluded that when studying the options for self-organization of the system of Russian society and the state in the conditions of the formation of a new world order, at the theoretical and analytical level, it is necessary to study more thoroughly the possible vectors of further development and the risks associated with them, taking into account the systematic understanding and forecasting of economic, political and socio-cultural processes in Russia in the eastern and southern direction of foreign policy interactions. At the same time, the criteria and contours of controllability of these processes should be determined based on the national interests of Russia.*

***Key words:** New World Order, controllability criteria, Russia's national interests, BRICS, China, risks in Russian-Chinese relations, eastern and southern vector of Russia's foreign policy interactions.*

Острейший кризис в современной системе международных отношений, очевидцами которого являемся мы сегодня, актуализирует исследования, посвящённые комплексному осмыслению проблемы управляемости в условиях формирования нового мирового порядка. Один из аспектов этой темы связан с критериями и контурами управляемости в процессе перехода к новому формату глобализации и наблюдающемуся в этих условиях разрыву «между глобализацией мира и деглобализацией управления» [4, с. 5].

Согласно отечественной традиции, сложившейся в науке управления, под критериями управляемости мы подразумеваем признаки, свидетельствующие о сохранении структуры системы, поддержании режима деятельности и достижении цели (программы). С этой точки зрения в данной статье будет рассмотрена проблема управляемости в условиях формирования нового мирового порядка.

По мнению многих исследователей, современная международная система претерпела ряд тектонических сдвигов, изменивших расстановку сил на мировой арене. В этой связи О.Карпович и А.Вильчинский отмечают: «снижение влияния Запада на фоне укрепления развивающихся стран, появление новых глобальных вызовов в условиях растущей конкуренции между различными центрами силы, усиление позиций крупнейших технологических компаний, обострение террористической угрозы и ослабление системы ядерного нераспространения в совокупности с возросшим риском новых пандемий и других невоенных угроз недвусмысленно сигнализируют о турбулентности мирового порядка» [5].

Термином «мировой порядок», как правило, «обозначается конвенциональная система мирового устройства, определяющая принципиальный характер взаимодействия между государствами и негосударственными акторами» [3, с. 5]. Впервые понятие «мировой порядок» ввёл в научный оборот в 1977 г. представитель английской школы международных отношений Хэдли Булл, который выделил три элемента «порядка» в международной системе: 1) преобладающий принцип поведения государств; 2) определенный уровень устойчивости и целостности системы; 3) «правила», осуществляющие управление международной системой и обеспечивающие ее стабильность [1, с. 302].

Цивилизационная версия мирового порядка представлена в известной книге С.Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [11]. Оценивая идеи, изложенные в этой книге, прежде всего следует обратить внимание на то, что в оригинале название книги на

английском имеет также и вторую часть, которая в переводе на русский язык звучит как «изменение мирового порядка» [12]. В 7-й главе этой книги, которая называется «Стержневые государства, концентрические круги и цивилизационный порядок», автор утверждает: «В мире сложится либо порядок цивилизаций, либо вообще никакого» [7, с. 239].

Актуальные исследовательские вопросы для современного этапа изучения проблемного поля, связанного с темой мирового порядка, сформулировал И.Н.Тимофеев в публикации «Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений» [10]. В частности, автор задаёт следующие вопросы: «Какова иерархия центров силы на мировой арене? Что собой представляет структура и система современного мироустройства? Что является «валютой» международного влияния и какие ресурсы распределяют место отдельных стран в мировой иерархии? Как именно распределяются эти ресурсы — каков баланс «жесткой», «мягкой» и экономической силы между ключевыми игроками? Какие возможности дает сложившийся или складывающийся мировой порядок отдельным державам? И, наконец, почему отдельные государства ведут себя на международной арене тем или иным образом — выбирают военные или мирные действия, формируют коалиции или разрушают их, борются за статус-кво или стремятся к его нарушению?» [10, с. 4].

Одна из версий ответов на эти и ряд других вопросов содержится в книге Рэя Далио «Принципы изменения мирового порядка: почему одни нации побеждают, а другие терпят поражение?», которая была опубликована в 2021-м году [12] и стала одним из бестселлеров, по версии New York Times. В 2022-м году ожидается выход из печати перевода этой книги на русский язык [2]. Будучи крупным инвестором, Рэй Далио заметил «взаимосвязь политических и экономических факторов, в частности, таких как огромные долги и нулевые или почти нулевые процентные ставки, которые привели к массовому печатанию денег в трех основных резервных валютах мира; крупные политические и социальные конфликты внутри стран, особенно в США, из-за неравенства в богатстве, политике и ценностях, а также растущей мировой державы (Китая), который готов бросить вызов существующей мировой державе (США) и существующему мировому порядку» [12]. В предисловии к книге автор отмечает: «Мироустройство сейчас стремительно и кардинально меняется, и такого не происходило в нашей жизни, но происходило много раз в истории. Цель этой книги - показать эти случаи и

механику, которые привели их в движение, и с этой точки зрения попытаться представить себе будущее» [12].

Тема формирования нового мирового порядка получила новый импульс после начала Специальной военной операции 24 февраля 2022 г. и последовавшей вслед за этим беспрецедентной санкционной политикой в отношении России. 23 марта глава МИД РФ С.В. Лавров отметил, что «происходящее в мире завязано не только вокруг ситуации на Украине, но и вокруг попытки установить новый мировой порядок. По его словам, узкий круг западных стран пишет правила, которые пытается выдать «за истину в последней инстанции и требует от всех эти правила выполнять» [7]. Развивая эту тему, 30 марта заместитель главы МИД С.А.Рябков заявил: «Я думаю, что страны БРИКС, которые составляют почти половину населения мира и значительную часть мирового ВВП, будут одним из костяков нового формирующегося миропорядка» [7].

20 июля 2022 г., выступая на форуме «Сильные идеи для нового времени» Президент РФ В.В.Путин отметил, что сегодня «как на национальном, так и на глобальном уровне идёт выработка основ, принципов гармоничного, более справедливого, социально ориентированного и безопасного миропорядка – альтернативного существующему или, можно сказать, существовавшему до сих пор однополярному мироустройству, которое по своему характеру, безусловно, становится тормозом для развития цивилизации» [14].

Особую роль в современных процессах, связанных с переформатированием однополярной системы мироустройства, большинство исследователей и аналитиков отводит Китаю. В частности, указывается на то, что «разворот возвышающегося Китая к активной внешней политике образует новые вызовы в международных отношениях и мироустройстве» [6, с. 32].

По мнению Т.Н.Лобановой, «внешняя политика при Си Цзиньпине приобрела наступательные очертания с политическим содержанием альтернативы западным концепциям развития: реализация амбициозных проектов по созданию «Экономического пояса шелкового пути» и «Морского шелкового пути» – наглядное тому доказательство» [6, с. 43].

Учитывая степень экономического и политического влияния Китая на современном этапе, Т.Н.Лобанова формулирует ряд вопросов, которые, на наш взгляд, заслуживают особого внимания с точки зрения как теоретической, так и аналитической проекции: «Сколь глубоким и прочным будет сотрудничество между Россией и Китаем в экономической и политической сфере? Каковы будут

реальные результаты инвестиционного сотрудничества? Сформируется ли в итоге глобальная «двойка» Китай и США? Станут ли Россия и Китай военными союзниками? Каков будет уровень конкуренции между Россией, Китаем и США на геополитическом пространстве Тихоокеанской Азии? До каких пределов расширит Китай свое влияние на регион, прежде всего – страны Юго-Восточной Азии? Как будут решаться проблемы ядерной безопасности в регионе? В каком направлении будет эволюционировать китайская экономика и китайская политическая система? Как интенсивно будет развиваться китайский военно-промышленный комплекс? Как будут разрешаться споры Китая с другими государствами региона в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях? В связи с активизацией внешней политики КНР возможны ли еще конфликты? Возрастет ли при этом уровень конфронтации между странами-участниками конфликтов? Насколько успешно удастся России интегрировать трансграничные регионы – Дальний Восток РФ и Байкальский регион – в экономику Китая? Не отгеснят ли проекты «Один пояс – один путь» и Экономический пояс Шелкового пути интересы по приграничному сотрудничеству между Дальним Востоком РФ и Северо-восточным Китаем в сторону регионов Центральной Азии и Москвы? Ориентирован ли российский дальневосточник на восприятие китайских социокультурных ценностей в условиях сложившейся разницы в демографическом и социально-экономическом положении приграничных регионов РФ и КНР?» [6, с. 43].

Пытаясь найти ответы на обозначенные выше вопросы, необходимо учитывать, что состояние современной системы мироустройства имеет все признаки нахождения в точке бифуркации. Согласно И.Пригожину, в точке бифуркации система теряет устойчивость и потенциально содержит в себе разные векторы направленности дальнейшего развития, в соответствии с принципами самоорганизации. Оценивая варианты самоорганизации системы российского общества и государства как элемента более общей системы формирующегося нового мирового порядка, который представляет из себя, на наш взгляд, *очередной способ переформатирования процесса глобализации*, на теоретическом и аналитическом уровне следует более предметно исследовать проблему управляемости общественными процессами с учётом системного понимания изменений, происходящих в экономической, политической и культурной сфере под влиянием формирования нового вектора внешнеполитических взаимодействий России с внешними акторами.

В качестве методологического основания исследования указанных процессов можно использовать системно-синергетический подход, который «позволяет проследить, как изменяется соотношение между организацией и самоорганизацией в сфере государственного управления, благодаря чему становится возможным объединение методологии научного познания с методологией практического управления со стороны государства и гражданского общества» [9, с. 204].

Подводя итог сказанному, отметим, что критерии и контуры управляемости в условиях формирования нового мирового порядка должны определяться в российском политическом дискурсе, исходя из национальных интересов России. При этом «кроме явной целесообразности расширения пространства академических дискуссий на эту тему, необходимо заложить устойчивые механизмы определения концепта «национальные интересы», насыщения его содержанием, которое не должно зависеть от изменения политической конъюнктуры» [8, с. 23].

Главным критерием управляемости глобальными процессами для России должен быть российский народ, его сохранение и развитие как с биологической точки зрения (имеется ввиду воспроизводство населения), так и с культурной, духовной и ценностной. Экономическое содержание при этом должно играть вспомогательную роль, обеспечивая синхронизацию с политическими процессами, которые и призваны создать условия для духовного и культурного сбережения и развития российского народа.

Список литературы

1. Булл Х. Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике // Антология мировой политической мысли. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX века. М.: АСТ-Пресс. 1997. 805 с.
2. Далио Р. Принципы изменения мирового порядка: почему одни нации побеждают, а другие терпят поражение? М.: Изд-во МИФ, 2022. 528 с.
3. Ефремова К.А. Формирование «нового мирового порядка»: теоретические интерпретации и практическая реализация // Сравнительная политика. 2016. № 2 (23). С. 5-13.
4. К Великому океану, или новая глобализация России. Аналитический доклад Международного

дискуссионного клуба «Валдай». Москва, июль 2012 // URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22553/>

5. Карпович О., Вильчинский А. О современном миропорядке // Международная жизнь. 18.01.2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/33293>
6. Лобанова Т.Н. Китайский фактор в конструировании нового мирового порядка в XXI веке: возвышение Китая и возможные геополитические последствия // Международные отношения. 2017. № 2. С. 32-47.
7. Рябков назвал страны БРИКС возможной основой будущего миропорядка // Известия. 30 марта 2022. URL: <https://iz.ru/1313053/2022-03-30/riabkov-nazval-strany-briks-vozmozhnoi-osnovoi-budushchego-miroporiadka>
8. Сенюшкина Т.А. К вопросу о концептуализации понятия «национальные интересы» // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура: Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 20-23.
9. Сенюшкина Т.А., Сенюшкин Е.А. Синергетический потенциал управляющего воздействия государства // Политическое пространство и социальное время / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – 270 с.
10. Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: рабочая тетр. № 18/2014 / [И. Н. Тимофеев]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М. : Спец книга, 2014. — 48 с.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер с англ. Т.Велимеева. М.: АСТ МОСКВА, 2007. 571 с.
12. Dalio R. Principles for Dealing with the Changing World Order: Why Nations Succeed and Fail. N.Y.: Avid Reader Press / Simon & Schuster, 2021. 576 p.
13. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. NY: Simon & Schuster, 2007. 368 p.
14. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69039>

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ КАК ФАКТОР РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Синкевич И.С.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
студентка, Студенческое научное общество «Школа молодого
политолога», председатель*

E-mail: inna.sinkevich.02@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется языковая политика Украины, связанная с вытеснением русского языка из официальной сферы, медийного пространства, системы образования и сферы услуг. Делается вывод о том, что языковая политика украинского государства является конфликтогенным фактором, т.к. обостряет отношения не только с Россией, но и с Венгрией, Румынией и Польшей, которые защищают языки национальных меньшинств, проживающих на Украине.

Ключевые слова: языковая политика Украины, положение русского языка на Украине, факторы российско-украинского кризиса, образование на родном языке.

THE LANGUAGE POLICY OF UKRAINE AS A FACTOR OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT

Sinkevich I.S.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
student, Student Scientific Society «School of Young Political
Scientist», Chairman*

E-mail: inna.sinkevich.02@mail.ru

Abstract. The article analyzes the language policy of Ukraine, associated with the displacement of the Russian language from the official sphere, the media space, the education system and the service sector. It is concluded that the language policy of the Ukrainian state is a conflict-causing factor, since it aggravates relations not only with Russia, but also with Hungary, Romania and Poland, which protect the languages of national minorities living in Ukraine.

Key words: the language policy of Ukraine, the situation of the Russian language in Ukraine, factors of the Russian-Ukrainian crisis, education in the native language.

Российско-украинский конфликт, который резко обострился в 2022-м году, характеризуется комплексом факторов, одним из которых является языковая политика Украины. Сосуществование украинского и русского языков на Украине всегда являлось почвой для острых споров, как в среде лингвистов, так и политиков. В настоящее время русский язык фактически исключен из всех сфер жизни на территории страны.

На основании обзора литературы можно утверждать, что на Украине в начале нулевых сформировалось два языковых подхода, которые можно назвать украинофонным и русофонным [1].

Сторонники первого подхода выступали за прекращение дискриминации украинского языка, поскольку, по их мнению, он доминировал не во всех областях Украины. Вторые, в свою очередь, заботились о русском языке, указывая на его ущемление. Их аргументы заключались в том, что, по европейскому законодательству, при большой численности населения, говорящего на втором (русском) языке, его должны признать не региональным, а вторым государственным.

В начале 2000-х, после избрания В. Ющенко президентом Украины, ситуация изменилась. Издавались указы, которые ограничивали использование русского языка в стране. Под действие этих указов попали учебные учреждения. В школах, средних и высших профессиональных учебных заведениях украинское руководство поставило своей целью вытеснить русский язык из образовательного пространства и «украинизировать» подрастающее поколение граждан страны, в т.ч. и русских по происхождению. Тем не менее потребность в русском языке была несравнимо большей, что выражалось в спросе на художественную, публицистическую, научную литературу на русском.

Украинские политики отказывались признать русский язык вторым государственным, обосновывая это тем, что это будет равносильно отказу от украинского. Использование русского языка приравнялось к одному из факторов влияния России на Украину.

Переломным моментом в языковой политике украинского государства стал Майдан 2014 г. После прихода к власти оппозиции правительство Украины проголосовало за отмену закона «Об основах государственной языковой политики», который действовал с августа

2012 г., и по которому русскому языку и языкам нацменьшинств предоставлялся статус региональных в тех местах, где они являются родными для 10% населения.

Вопрос о русском языке стал одной из основных причин массовых протестов на Донбассе весной 2014 г., которые затем переросли в вооруженный конфликт. Представители ЛДНР выступали в т.ч. и за право жителей региона использовать русский язык во всех сферах жизнедеятельности. Жители Крыма, выбравшие воссоединение с Россией, навсегда решили для себя языковой вопрос.

Россия учла интересы многонационального населения Крыма, среди которого есть носители не только русского языка, но и украинского, и крымско-татарского языков. Эти языки получили в республике статус государственных.

Наиболее значительные изменения в языковой политике Украины произошли в периоды правления двух последних президентов Украины – П. А. Порошенко (7 июня 2014 г. – 20 мая 2019 г.) и В. А. Зеленского (20 мая 2019 г. – по настоящее время).

Все законодательные инициативы в языковой политике, сформированные в ходе президентского срока Петра Порошенко, были направлены на дискриминацию русского языка:

1. Петр Порошенко отстаивал необходимость введения особого статуса английского, а не русского языка [2].

2. Подписан 16 июня 2016 г. Закон Украины № 1421-VIII «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно доли музыкальных произведений на государственном языке в программах телерадиоорганизаций» [3]. Целью закона является обеспечение в общем объеме вещания каждой телерадиоорганизации не менее 50% национального аудиовизуального продукта.

3. 5 сентября 2017 года парламент Украины принял новую редакцию закона «Об образовании» (25 сентября 2017 года документ был подписан президентом Петром Порошенко, 28 сентября 2017 года вступил в силу). Документ предусматривает поэтапное запрещение использования русского языка и языков других национальных групп Украины в образовательной системе.

4. В 2018 г. Петр Порошенко подписал указ об укреплении государственного статуса украинского языка [4].

Резонансным стало заявление, сделанное П. Порошенко в ходе своей предвыборной кампании в 2019 г., об освобождении Украины от якобы «культурной оккупации» со стороны России.

Завершающим этапом «украинизации» в его президентской деятельности стал закон «Об обеспечении функционирования

украинского языка как государственного», который 25 апреля 2019 г. приняла Верховная рада [5].

Суть данного закона заключается в максимальном сокращении роли русского языка и языков этнических меньшинств. Согласно этому закону государственным и официальным языком на территории Украины является только украинский язык. Игнорирование положений данного закона приравнивается к надругательству над государственными символами. За непочтительное отношение к языку налагается штраф.

Стоит отметить, что все русскоязычные школы с 1.09.2020 г. были переведены на преподавание на украинском языке. В регионах с нацменьшинствами допускается преподавание родного языка только в начальной школе до 5-го класса наряду с украинским.

Также, вступившими в силу 16 января 2021 года, нормами закона «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», касающимися сферы обслуживания, устанавливается следующее положение: обслуживание клиента на отличном от государственного языке возможно только по просьбе клиента и при обоюдном согласии сторон. За нарушение этого порядка обслуживания предусмотрено предупреждение и требование устранить нарушение в течение 30 дней, за повторное подобное нарушение в течение года – денежный штраф [5].

Отношение чиновников и простого населения к языковым новшествам двоякое. Население Западной Украины полностью его поддерживает, в то время как жители центральной Украины и юго-востока высказываются против.

Владельцы СМИ, книгоиздатели считают, что украинизация вредит теле- и кинопроизводству, снижая конкурентные преимущества на российском рынке и на всей территории стран СНГ, а также толкает местное население, предпочитающее русский язык, подключать российские каналы. Местный бизнес также недоволен, т.к. попросту не готов к новым правилам работы – где взять официантов в ресторанах, продавцов в магазинах, парикмахеров в салонах, говорящих на хорошем украинском.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что языковая политика украинского государства обладает конфликтогенными свойствами, т.к. обостряет отношения не только с Россией, но и с Венгрией, Румынией и Польшей, которые защищают языки национальных меньшинств, проживающих на Украине.

Список литературы

1. Кулик В. Языковая идеология в украинских политических дискурсах // Отечественные записки, 2007. № 1. С. 299–313.
2. «Вторым языком на Украине должен быть английский, считает Порошенко». URL: <https://ria.ru/20141003/1026835543.html>
3. Закон Украины от 16.06.2016 №1421-VIII «Про внесення змін до деяких законів України що до частки музичних творів державною мовою у програмах теле радіо організацій» // Верховна Рада України, 2016.
4. Порошенко подписал указ об укреплении государственного статуса украинского языка в стране. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5252137>
5. Закон Украины от 25.04.2019 № 2704-VII «Про забезпечення функціонування української мови як державної» // Верховна Рада України, 2019.

ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

Тарасевич А.С.

*Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского,
студентка*

E-mail: sasha_tarasevich_02@bk.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается ситуация в экономике Российской Федерации в условиях системного кризиса. Показывается, что наложение рядом западных стран экономических санкций на российский банковский сектор, Центральный банк РФ, отдельные секторы российской экономики и ряд компаний способствуют усугублению экономического кризиса.*

***Ключевые слова:** российская экономика, глобальный кризис, предпосылки возникновения системного кризиса, санкции.*

ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE SYSTEMIC CRISIS

Tarasevich A.S.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, student

***Abstract.** The article examines the situation in the economy of the Russian Federation in the context of the global crisis. It is shown that the imposition of economic sanctions by a number of Western countries on the Russian banking sector, the Central Bank of the Russian Federation, certain sectors of the Russian economy and a number of companies contribute to the aggravation of the economic crisis.*

***Keywords:** Russian economy, global crisis, prerequisites for the emergence of a systemic crisis, sanctions.*

Кризис – явление, объективно существующее и периодически повторяющееся. Кризисам подвержены как отдельные страны, так и мировая система в целом, что мы наблюдаем сегодня. Кризисы имеют циклический характер и повторяются через определённый промежуток времени. Данные закономерности достаточно полно описаны в литературе, посвящённой кризисам, и служат теоретическими и методологическими предпосылками нашего исследования заявленной темы.

Основные предпосылки возникновения современного кризиса возникли в результате развития тех аспектов глобализации, которые связаны с усилением зависимости экономик различных стран от мировых экономических и политических процессов. В качестве показателей кризиса в современной России выступают: спад производства (рецессия) в ряде областей, низкое качество жизни определённых категорий населения, отток капитала, демографические диспропорции, рост скрытой социальной напряжённости и др. В связи с этим можно утверждать, что анализ экономических оснований современного кризиса – одна из актуальных задач для российских гуманитарных исследований.

Рассмотрим содержание понятия «кризис». Если опираться на экономическую энциклопедию, то под понятием «кризис» понимается следующее: «Кризис – это глубокое расстройство, резкий перелом, период противоречий в процессе развития какой-либо сферы человеческой деятельности» [1].

Для обозначения масштаба кризисного явления в экономической науке применяется термин «системный кризис». По определению Ш. Султанова: «Системный кризис – это постепенное, но неуклонное, неуправляемое людьми, корпорациями, государственными институтами нарастание, усиление дисфункций, проблем» [3]. Основными чертами системного кризиса являются: одновременный охват основных сфер общественной жизни – экономической и политической системы, социальной сферы; тесная взаимосвязь

кризисных явлений в разных сферах, что зачастую приводит к усугублению кризиса.

Существенным элементом системного экономического кризиса является финансовый кризис. Наложение двух кризисов друг на друга затрудняет выход на траекторию устойчивого роста, обуславливает необходимость проведения структурных и институциональных реформ. Поэтому возрастает роль национального регулирования финансовых рынков.

К предпосылкам появления экономического кризиса в Российской Федерации можно отнести, во-первых, высокие темпы инфляции, постоянно растущие цены, которые способствуют не расширению, а наоборот, уменьшению объема производства. Именно ценообразующие факторы могут вести к регрессии конкурентоспособности товаров и снижению потребительского спроса. Во-вторых, сомнения предпринимателей открывать бизнес из-за политической и финансовой нестабильности. И такая экономическая неустойчивость влияет на все этапы организации производства, материально-технического обеспечения и реализации товаров. Особый ряд проблем связан с санкционными мероприятиями, которые служат одной из причин экономического кризиса в России.

Одним из негативных проявлений кризиса является снижение уровня качества рабочей силы, в особенности на предприятиях реального сектора экономики. К основным причинам можно также отнести ухудшение здоровья населения, снижение продолжительности жизни, падение уровня образования, уровня подготовки и переподготовки кадров на производстве и в системе повышения квалификации, а также увеличение оттока квалифицированных кадров.

Исходя из этого, можно сказать, что многие предприятия не могут приспособиться к новым экономическим условиям, что является следствием как трансформационного кризиса российской экономики, так и неразвитости финансовой инфраструктуры, незаконченности процесса формирования класса собственников, неподготовленности менеджеров к применению тонких рыночных инструментов и др.

Следствие системного кризиса – резкое снижение заработной платы специалистов и квалифицированных рабочих, в особенности по сравнению с доходами в различных областях, привела к оттоку многих квалифицированных кадров с производственных предприятий.

Завершение системного кризиса, по мнению Ш. Султанова, может быть осуществлено в соответствии с одним из двух вариантов:

Во-первых, качественной трансформацией общества в кардинально новое системное состояние, переходом в принципиально новую фазу существования (например, Россия после гражданской войны 1918-1921 гг. и революции, которая произошла в рамках этой гражданской войны, трансформировалась в советскую Россию);

Во-вторых, полной катастрофой и элиминацией (цивилизационной, культурной, ценностной, политической) социума; эта катастрофа может быть растянута во времени и не восприниматься именно как катастрофа большинством конкретных индивидов (исчезновение Западной Римской империи, Византии) или же быть предельно форсированной (ликвидация Советского Союза в 1991 году) [2].

Подводя итог сказанному, отметим, что сочетание экономических и социальных рычагов управления является гарантом стабильного функционирования экономической системы. Достижение и поддержание устойчивости экономической системы в большой степени зависит от точности выбора государственной стратегии экономического развития, в рамках которой должны быть систематизированы действия региональных органов власти и отдельных предприятий для достижения требуемых результатов, а также учтены и сведены к минимуму социальные проблемы населения.

Список литературы

1. Белоусов А.Р. Эволюция системы воспроизводства российской экономики: от кризиса к развитию / А.Р. Белоусов. — М.: МАКС Пресс, 2006. — 396 с.
2. Гурвич Е. Долгосрочные перспективы российской экономики // Экономическая политика. 2013. № 3. С. 7—32.
3. Каплан Р.С. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Р.С. Каплан, Д.П. Нортон. — «Олимп-Бизнес», 2004. — 304 с.

**ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ НА ПУТИ
К ГЛОБАЛЬНОМУ ЛИДЕРСТВУ: ОТ БИПОЛЯРНОГО
МИРА «ЗАПАД И НЕ-ЗАПАД» К БИПОЛЯРНОМУ МИРУ
«РОССИЯ И НЕ-РОССИЯ»**

Трухан А.В.

кандидат философских наук

*Ростовский филиал ФБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»,*

*доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин*

E-mail: axioma.maxima@mail.ru

***Аннотация.** Современный распад мировой системы осуществляется по глобальному сценарию: от мирового хаоса к новому мировому порядку. В социально-политическом дискурсе теоретической мысли разрабатываются два наиболее вероятных сценария развития событий: первый - сохранение гегемонии западного мира; второй – установление многополярного мира. В статье проводится обоснование третьего варианта развития – установление гегемонии России и разделение мира по биполярному принципу «Россия и не-Россия». Разработка и обоснование этой позиции проводится в идеократической парадигме мысли. Раскрывается структура и содержание русского универсального проекта общечеловеческой цивилизации. На основании последних событий 2020 – начала 2022 годов определяются предпосылки перехода России к глобальному лидерству.*

***Ключевые слова:** биполярный мир, многополярный мир, полицентризм, моноцентризм, универсализм, глобализм, глобальное лидерство, Россия и Запад, богатые и бедные, цивилизация, империя, идеократия, президент В.В. Путин, специальная военная операция.*

**POST-SOVIET RUSSIA ON THE WAY TO GLOBAL
LEADERSHIP: FROM THE BIPOLAR WORLD "WEST AND NON-
WEST" TO THE BIPOLAR WORLD "RUSSIA AND NON-RUSSIA"**

Trukhan A.V.

*Rostov branch of the Russian State University of Justice,
Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-
Economic Disciplines*

***Abstract.** The modern disintegration of the world system is carried out according to the global scenario: from world chaos to a new world order. Two scenarios are developed in the socio-political discourse of theoretical thought: the first is the preservation of the hegemony of the Western world; the second is the establishment of a multipolar world. The article substantiates the third development option - the establishment of Russian hegemony and the division of the world according to the bipolar principle "Russia and non-Russia". The development of this position is carried out in the ideocratic paradigm of thought. The structure and content of the Russian universal project of human civilization is revealed. Based on the latest events of 2020 - early 2022, the prerequisites for Russia's transition to global leadership are being determined.*

***Key words:** bipolar world, multipolar world, polycentrism, monocentrism, universalism, globalism, global leadership, Russia and the West, rich and poor, civilization, empire, ideocracy, President V.V. Putin, special military operation.*

Тема XXXIX Харакского форума «Стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира» находится в тренде VIII Российского философского конгресса «Философия в полицентричном мире», дата проведения которого переносилась дважды (с 27-30 мая 2020 г. на май 2021 г., и далее на 26-28 мая 2022 г.). Отмечая эту задержку в проведении «многострадального конгресса», академик РАН А.В. Смирнов в своем пленарном докладе отметил, что тема конгресса возникла задолго до назначенной даты его проведения как направление исследования фундаментальных вещей, углубленных до уровня настоящей философии. «Но, вот видите, как складывается жизнь, - говорит он. - Наш конгресс собирается в тот момент, когда вдруг эта тема зазвучала как никогда остро и актуально. Это показывает, что философия как фундаментальная наука, не только не оторвана от жизни, она видит дальше, чем сегодняшнее течение политических событий. Потому что именно сегодня должна быть востребована фундаментальная проработка этих вопросов. Что такое полицентричность и как строить эффективный проект, который может противостоять глобалистскому проекту?» [1].

В свою очередь, мы хотели бы отметить, что глобальные процессы политического противостояния не только становятся основным предметом философского познания, но и фактором, определяющим специфику философского мышления современности. Актуальная политика втягивает в себя философский дискурс,

превращая его в средство противостояния глобальных игроков на мировой арене. Политический тренд перехода мировой системы от «однополярного мира» к «многополярному» навязывает философскому сознанию доминанту многого над единым (множества над единством). Частным случаем этого политического давления является легализация в философском мышлении концепта полицентризма.

Повторяя вопрос академика А.В. Смирнова о возможности полицентризма стать альтернативой западному глобализму, мы принимаем его отрицательные ответы относительно политического и культурного уровней, но не принимаем положительный ответ относительно цивилизационного уровня. Не можем согласиться и с вводимым им концептом «множественности универсализмов», в силу его логической противоречивости и разрушительности для философии, понятой как *philosophia perennis*. Легализация в философском дискурсе этого концепта тождественна отрицанию фундаментальных философских принципов монизма истины и единства человеческого рода.

Проблематичным является заимствование философией из актуальной политики и таких понятий как «однополярность», «многополярность» и «полицентризм», в силу их противоречивости. Как языковые выражения они представляют собой оксюмороны, а как логические формы – пустые понятия. Ибо полярность строго мыслится как «биполярность», а центризм как «моноцентризм». Использование этих «терминов» в политическом дискурсе в качестве метафор может быть оправдано наглядностью и простотой заключенного в них смысла. Однако применение этих метафор в качестве философских понятий или концептов ведет к разрушению логической целостности философского взгляда на вещи. Кроме того, за легализацией «полицентризма» и «многополярности» скрывается демонтаж *биполярной логики исторического процесса*.

На основании сказанного мы относим возникшие в языке актуальной политики метафоры «полицентризма», «однополярного» и «многополярного» миров к философским фикциям и считаем непродуктивным их использование в философском аппарате исследования современных социальных процессов. Появление таких «понятий» в философии отражает процесс распада моноцентричного мира, в котором биполярная логика взаимодействия скрывается за множественностью взаимодействующих элементов распада. Мы полагаем, что логически и методологически выверенными понятиями социально-философского анализа современных процессов могут

считаться «*биполярный мир*» и «*моноцентризм*». Именно в этом понятийном аппарате мы формулируем основной тезис данной статьи.

Социальный процесс современности есть переход от моноцентризма западной цивилизации к моноцентризму русской цивилизации в биполярной логике истории идеократического противостояния двух противоположных общественных идеалов в глобальном информационно-идеологическом пространстве. Это переход от биполярного и моноцентричного мира «Запад и не-Запад», в котором Россия выступает главным антагонистом Запада в составе не-западной периферии, к биполярному и моноцентричному миру «Россия и не-Россия», в котором Запад оказывается в ситуации бинарного выбора: интеграции в российское цивилизационное ядро или локализации в не-российской периферии в качестве главного антагониста России. Таким образом, социально-политический процесс современности может быть определен как процесс идеократической смены общественного идеала, центрирующего глобальную систему мироустройства. Это значит, что происходит инверсия общественных идеалов Запада и России в глобальном политическом и идеологическом пространстве. Общественный идеал западного идеократического сознания уступает свое место общественному идеалу русского идеократического сознания.

В качестве аргументов заявленного тезиса мы используем прогноз А.С. Панарина и интерпретацию двух «роковых событий» (термин В.Н. Расторгуева) современности в идеократической парадигме мысли. Эти события мы будем именовать «*событие 2020*» и «*событие 2022*».

Биполярный мир – это мир, в котором социальный процесс осуществляется и осмысливается в биполярной логике противоборства движущих сил истории. В последней своей книге 2004 года А.С. Панарин, излагая глобальный прогноз на нынешнее столетие, говорит: «Грядущая... *биполярность* будет выстраиваться не в геополитической, а в *социальной и моральной* логике» [3, с. 428]. Эти наложенные друг на друга *социальная и моральная биполярности* совпадают точно по линии противостояния богатых и бедных. Моральное превосходство оказывается на социальной стороне бедных, для которых богатые готовят чудовищный по своему аморализму и бесчеловечности переход из рассыпающегося неокOLONиального моноцентричного социального мира в моноцентричный социальный мир классического античного рабства, но на современном технологическом уровне. «Мы ничего не поймем в сути наступившего века, - предупреждает нас Панарин, - если не уясним

самого главного» - сегодня не демократия борется с тоталитаризмом, не модерн – с традицией, не Суша – с Морем, не Запад – с Востоком, «а новые богатые, начисто порвавшие с традицией продуктивной экономики, борются с новыми бедными, экспропрированными в ходе всемирной либеральной реформы... Вот – истинный смысл глобального противостояния. США – это сверхдержава, призванная стать глобальной «пиночетовской» диктатурой богатых, вытесняющей всех обездоленных из «цивилизационного пространства» в резервации» [3, с. 425-426].

Таким образом, заключает А.С. Панарин, сегодня в мировой истории сталкиваются два имперских проекта (не три, не пять и не шесть), а только два. При этом империя богатых в лице моноцентричной сверхдержавы коллективного Запада использует все свои ресурсы, чтобы воспрепятствовать реализации глобального проекта империи бедных. В биполярной логике противостояния Запада и не-Запада судьба общечеловеческой цивилизации решается событием вступления в мировую историю субъекта, способного воплотить данный антизападный имперский проект в жизнь. Выбор этого субъекта логически был решен Панариным безвариантно в пользу России (прежде всего по критериям социальной и моральной полярности Западу).

В.Н. Расторгуев, друг и соратник А.С. Панарины, отмечает один парадоксальный факт русской истории XX века: «Гибельные последствия сокрушительного военного поражения и экономической разрухи, вызванных революцией и не давших России встать в ряды победителей Первой мировой войны и, соответственно, в ряды имперских распорядителей мира, обернулись возвращением России к ее исторической миссии» [2, с. 37]. Этому факту Панарин дает следующую оценку: «Выбыв из «первого мира» колониального Запада, она повернулась к миру колонизованного Востока и остановила, в конечном счете, процесс мировой колонизации. Можно сколько угодно говорить о геополитических играх Сталина, о советской империи, но факт остается фактом: Россию в этом исходе из первого мира вдохновляла великая христианская идея союза со слабыми и гонимыми против сильных и наглых» [цит. по 2, с. 37].

Не повторяется ли тот же самый процесс возвращения России к своему предназначению после того, как сокрушение советской сверхдержавы ниспровергло Россию из «первого мира» в «третий»? «Да, России уже вряд ли стать сверхдержавой, объединяющей перспективных и могущественных. На это в мире даже помимо Америки претендентов окажется предостаточно. Но сверхдержавой

неперспективных, достойных одной только человеческой жалости и сострадания, способна стать только Россия» [3, с. 438]. В этом, собственно, и состоит альтернативность русского духа, русской идеи, русского общественного идеала, архетипов русского идеократического сознания – западному духу господства и превосходства, утверждающего власть своих идеалов холодным и безжалостным умом, военной и полицейской силой, двойными правилами игры, соблазном слабых и обманом сильных. Теоретически Панарин сформулировал все ответы на вопросы о субъектности глобального лидерства и нового гегемона еще в начале века, однако, исторически эти вопросы оставались без ответа до связи роковых событий 2020 и 2022 гг.

«Событие 2020» представляет собой начало реализации пандемического сценария перехода к новой реальности постиндустриального общества. В нем обнажилась не только рукотворность процесса глобализации как реализации конкретного проекта социальной трансформации с использованием NBIC-технологий, но и был явлен миру волевой субъект, реализующий этот проект. На наших глазах «Великий инквизитор» Достоевского вышел из закулисья, продемонстрировав свою глобальную власть в реализации антиковидной повестки дня, и заговорил в манифестах Клауса Шваба. Высокотехнологическое экономическое счастье было предложено в качестве нового идеала общечеловеческой цивилизации. При этом в пакет социальных преобразований скрытно был включен демонтаж институтов частной собственности, прав человека, демократических свобод, всеобщего образования и иных достижений новоевропейской цивилизации модерна, гарантирующих свободу индивидуального волеизъявления. Пандемический консенсус мировых элит, тотальный контроль национальных администраций и глобальных средств массовой информации, использование современных технологий индивидуального контроля и манипуляции массовым сознанием – весь этот арсенал средств был использован для того, чтобы сломить одиночное сопротивление несогласных. Казалось, что в созданных условиях нет никакой возможности появления в современности политического субъекта, способного оказать сопротивление глобалистской элите. Однако не прошло и двух лет, как этот субъект заявил о себе в «событии 2022».

«Событие 2022» - начало специальной военной операции России на Украине. Постсоветская Россия вступила в противостояние с глобалистским Западом, демонстрируя решимость в защите своих идеалов и архетипов русского идеократического сознания. Это

событие состоялось в условиях *экзистенциального выбора между жизнью и смертью*: либо Россия исполнит свой нравственный долг и защитит Русский Донбасс, либо сохранение пассивной позиции означает отказ от борьбы за существование исторической России и ее неминуемую гибель. Верховной властью России был сделан выбор в пользу жизни исторической России. Проведение Президентом России заседания Совета безопасности и признание независимости Донецкой и Луганской народных республик 21 февраля 2022 года ознаменовало изменение постсоветского политического курса страны. Последовавший за этим 24 февраля 2022 года ввод войск на территорию Украины сделал изменение политического курса страны необратимым.

Против победы России в локальной войне восстал весь «коллективный Запад», подняв тем самым статус военной операции на уровень глобального противостояния России и Запада. Вскрывшийся масштаб противоборства со стороны западных государств засвидетельствовал, что на территории бывшей Советской Украины война идет не за Украину, а за будущее человеческой цивилизации. В этих обстоятельствах начал рассеиваться информационный туман глобалистской пропаганды, надвинутый на глаза постсоветского человека, сознанию которого стал открываться реальный масштаб России в решении исторических судеб мира. Фактически постсоветская Россия, оказавшись в ситуации экзистенциального выбора, выступила «против» сохранения моноцентричной гегемонии Запада. Она начала войну «против», не имея ясного осознания «за», не понимая конечной цели начатого противоборства, без собственного проекта глобального будущего и понимания своего исторического предназначения. Однако экзистенциальная необходимость победы поставила нас перед экзистенциальной необходимостью самоопределения собственной коллективной идентичности, определив победу в войне критерием ее подлинности.

Чтобы победить в войне, надо найти ключи к социальной энергии архетипов общественного сознания. Этими ключами стали слова Президента России, сказанные в связи с *«событием 2022»*, которые подтверждались делами. Из нескольких важнейших речей выберем лишь два фрагмента, устанавливающих тактические и стратегические цели специальной военной операции.

Определяя **тактические цели** начатой военной операции на Украине, Президент России в «Обращении от 24.02.22» сказал четыре «ключевых слова», направленных на актуализацию социальной энергии соответствующих архетипов русского идеократического

сознания: 1) первое слово – *«защита людей от геноцида со стороны киевского режима»* актуализирует архетип защиты слабых от произвола сильных; 2) второе слово – *«демилитаризация»* – архетип укрощения злой силы доброй; 3) третье слово *«денацификация»* – архетип защиты своих идеалов (святынь); 4) четвертое слово – *«предание суду тех, кто совершил многочисленные, кровавые преступления против мирных жителей»* – архетип справедливого возмездия [4]. Обращаем внимание на четвертый пункт, который высшими руководителями и средствами массовой информации в большинстве случаев опускается. Однако Президент настойчиво публично повторяет: «Все цели специальной военной операции будут выполнены». Как вы думаете, кто входит в поименный список кровавых преступников, которые будут преданы суду? И что будет делать Россия, если они окажутся за территориальными пределами бывшей Украины? Очень важно, чтобы суд был правым и акт справедливого возмездия состоялся. Малейшая слабость и непоследовательность в решении этого вопроса может привести к разрыву идеократической связи власти с народом, последствия чего будут, скорее всего, катастрофическими.

В речи от 16.03.22 на Совещании о мерах социально-экономической поддержки регионов Президент, говоря о том, что многие страны в мире смирились давно уже с тем, чтобы жить, согнув спину и подобострастно принимая все решения своего суверена, поставил перед высшим и региональным руководством страны **стратегическую цель**: *«Но Россия никогда не будет в таком жалком и униженном состоянии»* [5]. Тем самым Президент России поднял знамя *нового вектора движения страны*, совершая долгожданную «смену курса» от *«вхождения России в Европу»* к *«вставанию России с колен»*.

«Россия никогда не будет стоять на коленях перед Западом». Этих слов мы так долго ждали от нашего Президента. Гимном вставания с колен прозвучала песня Ярослава Дронова «Встанем», которой завершилась презентация и доклад одного из участников XXXIX Харакского форума. Эта песня очень точно легла на видеоряд героики Русской весны на Донбассе. Непонятно как, но это случилось: совсем молодой человек смог выразить в словах, музыке и вокале символы, открывающие наши сердца к восприятию своего высшего предназначения, пробуждающие энергию победы русского духа в смертельной войне за свои идеалы. Этот гимн, который моментально разлетелся по социальным сетям, стал нашим общественным ответом

на постановку тактических и стратегических целей нового курса Президента России. А это значит, что Мы встаем!

Список литературы

1. Доклад академика РАН А.В. Смирнова «Смыслы полицентричности» на пленарном заседании VIII Российского философского конгресса, 26 мая 2022 [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=a3UgX47sdLo&list=PLevHcab5QY_qcNVSBvKls125ttUz38Hoe (время 1.07.10 – 1.18.50)
2. Национальная память в эпоху перемен [Текст]: монография / Т.В. Беспалова, С.П. Поцелуев, В.Н. Расторгуев; отв. ред. Т.В. Беспалова. – М., 2021. – 208 с.
3. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. – 640 с.
4. Стенограмма обращения Президента Российской Федерации. 24 февраля 2022 года. [Электронный ресурс] URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-obraschenija-prezidenta-rossiiskoi-federacii-24-02-2022.html> (дата обращения 17.06.22)
5. Стенограмма совещания Путина о мерах социально-экономической поддержки регионов. 16 марта 2022 года. [Электронный ресурс] URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-soveschaniya-putina-o-merah-socialno-ekonomicheskoi-podderzhki-regionov-16-03-2022.html> (дата обращения 17.06.22)

ДИАЛОГ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Фароян Э. М.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», аспирант
kisame1122@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущностных характеристик политического диалога и его роли в социальной коммуникации и развитии общества. Автор, исследуя проблему политического диалога отмечает, что именно диалог, как наиболее

эффективная форма взаимодействия государства и общества, способствует решению общенациональных проблем и противоречий, достижению согласия и понимания. Автор анализирует особенности становления (генезиса) политического диалога государства и общества, а также рассматривает точечное развитие данного феномена в современных условиях и выделяет факторы, которые способствуют более эффективному государственно-общественному сотрудничеству и описывает те аспекты, которые затрудняют проведение политического диалога, делают его недостаточно эффективным. Акцентируется внимание на вопросах развития культуры диалога, как основополагающего принципа взаимодействия государства и общества. Взаимодействие государства и общества, построенное на основе культуры диалога, создает условия для развития сильного и процветающего государства.

Ключевые слова: политический процесс, государство, гражданское общество, политический диалог.

DIALOGUE BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY AS A POLITICAL PROCESS

Faroyan E. M.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
PHD-student

Abstract. The article is devoted to the study of the essential characteristics of political dialogue and its role in social communication and the development of society. The author, exploring the problem of political dialogue, notes that it is dialogue, as the most effective form of interaction between the state and society, that contributes to solving national problems and contradictions, reaching agreement and understanding. The author analyzes the features of the formation (genesis) of the political dialogue between the state and society, and also considers the point development of this phenomenon in modern conditions and identifies factors that contribute to more effective state-public cooperation and describes those aspects that make it difficult to conduct a political dialogue, make it insufficiently effective. The attention is focused on the issues of the development of the culture of dialogue as a fundamental principle of interaction between the state and society. The interaction of the state and society, built on the basis of a culture of dialogue, creates conditions for the development of a strong and prosperous state.

Key words: political process, state, civil society, political dialogue.

Политический диалог является конструктивным средством цивилизованного разрешения возникающих противоречий в политической жизни современного общества. Современный этап политического развития не мыслим без конструктивного диалога, так как способствует публичному выражению взглядов, мнений, оценок, стилей политического мышления субъектов, достижению их согласия, выработывая программу и механизм политической деятельности.

Проблемы теории и практики диалога, диалоговых коммуникаций становились предметом анализа, научной разработки Л.П. Якубинского, Г. Буша, М.М. Бахтина, Б.Ф. Ломова, В.С. Библера, М.С. Кагана, А.Ф. Лосева, В.М.Межуева, Ф.И. Шаркова, О.Н.Астафьевой и др. Однако концепция политического диалога, которая могла бы критически проанализировать и синтезировать уже имеющиеся наработки в этой предметной области, отражающие диалогические взаимодействия в политической практике современного общества, так и не была предложена.

Становление и развитие политического диалога государства и общества происходило еще в советский период. Важнейшими атрибутами данного процесса стало «появление ряда внепартийных, внегосударственных организаций, называемых «самодеятельными», или «неформальными», объединениями» [1, с. 77]. Данные структуры способствовали объединению советских граждан и избавлению чувства изолированности, дали толчок росту самосознания, развитию неофициальной коммуникации граждан.

В дальнейшем, для корректировки работы органов власти с общественными организациями и обществом в целом, создавались различного рода консультативные органы (Общественная палата Конституционного совещания в 1993 году, Политический консультативный совет при Президенте РФ в 1996 году).

Главный итог прединституционального этапа (1985–2000 гг.) заключается в появлении многочисленных общественных организаций, политических партий, коммерческих и некоммерческих структур, лоббировавших как частные, так и общественные интересы, и искренне желавших принимать участие в публичной политике, в диалоге с государственной властью. Иными словами, в этот период становления политического диалога началось формирование полноценного партнера по диалогу с государством в лице легитимного гражданского общества, испытывавшего потребность в коммуникации с властью.

Второе важнейшее обстоятельство заключается в новом понимании термина «диалог». На данном этапе термин «диалог»

получил новые смыслы и стал восприниматься не только как общение между двумя или несколькими физическими лицами, но и как взаимодействие в публичной сфере между крупными образованиями – государством и обществом в целом.

В конце 20-го века Юрген Хабермас, пришел к пониманию гражданского общества как особой сферы, отделенной как от государства, так и от рынка, названной им публичной сферой, где и происходит диалог государства, бизнеса и гражданского общества.

Действительно, данный диалог представляет собой не общение между различными личностями, а взаимодействие именно институтов, общественных организаций, коммерческих структур и органов государственной власти. Это коммуникация, которая осуществляется иными способами и средствами, нежели чем межличностная языковая диалоговая коммуникация в традиционном понимании слова «диалог». Данное обстоятельство позволяет нам говорить об особых разновидностях интересующего диалога, например о диалоге между цивилизациями, о диалоге исторических эпох, о диалоге культур, о межгосударственном диалоге и так далее. Особой разновидностью таких типов диалога есть диалог государства и гражданского общества.

Сам диалог между государством и обществом может протекать как согласованный процесс сотрудничества единомышленников или процесс, который будет содержать в себе глубоко укоренившиеся конфликты по поводу основных вопросов или принципов. Он (диалог) может завершиться единогласным мнением или же выявить острейшие разногласия, которые нельзя урегулировать на данном этапе. Он может варьироваться от спокойного обсуждения до эмоционального обмена мнениями. Это может быть открытая публичная дискуссия или прямые диспуты. Участие в таком диалоге может быть ограничено или привлекать идеи и мнения заинтересованных групп.

Даже самый острый диалог является не столько конфликтогенным фактором, сколько примирительной процедурой, позволяющей его участникам лучше понять друг друга, уточнить позиции, вникнуть в суть проблем. Такой диалог требует развитой политической культуры, владения основами публичной ораторики, логики и аргументавистики. Успех во многом будет зависеть от правильно избранной тактики и стратегии коммуникации, где навешивание ярлыков, оскорбление оппонентов или уход от актуальных и злободневных тем, молчание, обидчивость конкретных акторов публичного диалогического дискурса могут лишь обострить и

без того непростую социально-политическую ситуацию в сфере взаимоотношений государства и структур гражданского общества. И наоборот, коммуникативная компетентность субъектов диалога, правильно избранная стратегия и тактика, аргументированный дискурс, открытость, уважительность к чужому мнению, умение достойно оппонировать, подмечая не только слабости, но и рациональное зерно в позиции других коммуникантов, — способны изменить ситуацию в более благоприятном направлении.

Вступая в диалог с властью, отстаивая права и интересы, гражданские организации неизбежно вступают на политическое поприще. Каждая отдельная организация может быть вполне аполитичной, но гражданское общество не существует вне политики. Более того, оно привносит с собой в политику новые начала, самым своим появлением изменяет принятые традиционными политическими силами правила и представления [2, с. 160].

Современный период развития государственно-общественного общения характерен тем, что деятельность многих государственных органов неэффективна (нерешенность многих вопросов социально-коммунальной сферы, здравоохранения, образования и т.д.). Государство, как сложнейшая политическая система, как определенная совокупность людей нуждается в очищении, освобождении от криминализации, коррумпирования, бюрократизации, возвращении ему доверия общества и народа. Все эти пороки настолько болезненны для общества, что они затрудняют равноправный диалог с государством, подрывает доверие к нему. В конечном итоге это осложняет политический диалог государства и общества, а порой делает его просто невозможным.

В России проживает более ста наций и народностей, множество иных культурных групп, придерживающихся различных вероисповеданий, культурных традиций, обычаев. Они вступают в активную коммуникацию друг с другом, что вызывает ряд проблем, причины возникновения которых едва ли можно однозначно определить без научного исследования межнациональных отношений и межкультурной коммуникации [2, с. 189].

Достаточно сложная международная и внутривнутриполитическая обстановка предполагает осуществление политического диалога в экстремальных ситуациях. Это относится к решению межэтнических, межконфессиональных проблем, проблем безопасности, социальной напряженности и других.

В таких условиях для повышения эффективности политического диалога необходимо государству и обществу «двигаться» по

направлению друг к другу, к взаимопониманию, облегчению возможных эксцессов и проблем, которые в многонациональном государстве и многосложном обществе неизбежны.

Особенности политического диалога государства и гражданского общества в современных условиях «характеризуются отсутствием постоянного конструктивного, равноправного диалога между государством и обществом. С одной стороны, государственная власть признает необходимость развития и укрепления гражданского общества и расширения общественного диалога. С другой стороны, эти процессы осуществляются под жестким контролем со стороны самой власти и, вследствие этого, формализуются, лишаются живого творческого начала со стороны» [3, с. 23].

Подводя итоги, можно отметить следующее.

Диалог государства и общества можно определить как значимый для государства и общества политический процесс по поводу согласования интересов государства и общества, целью которого является гармонизация этих интересов для снятия противоречий и конфликтов на пути поступательного развития страны.

Какие механизмы видятся на пути этого движения? Это вопрос, который требует отдельного исследования и, к сожалению, не входит в проблематику данной статьи.

Однако стоит заметить, что на данном этапе уже существуют некоторые, наиболее распространенные в современной России формы диалога государства и гражданского общества, к которым можно отнести деятельность общественно-консультативных советов при органах и институтах государственной власти, общественные слушания, экспертизы, механизмы гражданского контроля, опросы общественного мнения, интерактивные выступления руководителей власти всех уровней, конкретные практики участия, партнерства, переговорные процессы, обращения граждан в органы власти, парламентские и внепарламентские дебаты, вещание интересов социума в СМИ политическими партиями, профсоюзами, органами местного самоуправления и другими организациями и институтами гражданского общества.

Список литературы

1. Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89.

2. Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации. М.: Политиздат, 2013. 203 с.
3. Зайцев А.В., Диалог государства и гражданского общества как вид общественного диалога: компаративный анализ // Социодинамика. 2014. № 11. С. 1–25.

**РУСОФОБИЯ И ОСОБЕННОСТИ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ
В ПОСЛЕДНИЕ СТОЛЕТИЯ**

Шевченко В.Н.

Доктор философских наук

*Институт философии РАН, главный научный сотрудник
Главный редактор интернет-журнала Института философии
РАН «Проблемы цивилизационного развития»*

E-mail: vladshevchenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается в широком диахроническом аспекте влияние западной русофобии как идеологии и как комплекса практических действий на особенности цивилизационного развития России. Цель русофобии, подчеркивается в статье, экономическое, политическое, духовное порабощение России, установление стратегического контроля над ходом протекания общественных процессов в стране. В статье дается краткое изложение основных этапов развития русофобии, которая выступает неустранимой стороной и продуктом взаимодействия коллективного Запада с Россией. Значительное место в статье занимает рассмотрение причин периодической смены российской властью политического вектора развития страны с проевропейского, либерального на антилиберальный. Далее в статье идет речь о трех взаимосвязанных понятиях, посредством которых раскрывается своеобразие цивилизационного развития России – особый путь, осажденная крепость и поворот к Востоку. В заключение делается вывод о том, что пока Запад не откажется от идеи властвовать над миром, будет сохраняться русофобия как оружие Запада в борьбе с Россией. И эта ситуация ставит перед Россией конкретные задачи поиска эффективных путей противодействия всем видам русофобской агрессии.

Ключевые слова: русофобия, особый путь, осажденная крепость, поворот к Востоку, антилиберальная политика, цивилизация, советская цивилизация.

**THE INFLUENCE OF RUSSOPHOBIA ON THE FEATURES
OF THE CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF RUSSIA**

Shevchenko V.N.

Doctor of philosophical sciences

Institute of Philosophy RAS, Chief Researcher

Editor-in-Chief of the online journal Institute of Philosophy RAS

"Problems of civilizational development"

E-mail: vladshevchenko@mail.ru

Abstract. The influence of Western Russophobia as an ideology and as a set of practical actions on the features of the civilizational development of Russia is considered in the paper in a broad diachronic aspect. The purpose of Russophobia, as emphasized in the paper, is the economic, political, spiritual enslavement of Russia, the establishment of strategic control over the course of social processes in the country. A brief summary of the main stages in the development of Russophobia, which is an inevitable side and a product of the interaction of the collective West with Russia, is given in the paper. A consideration of the reasons for the periodic change by the Russian authorities of the political vector of the country's development from pro-European, liberal to anti-liberal is occupied a significant place in the paper. Further, the paper deals with three interrelated concepts, through which the originality of the civilizational development of Russia is revealed - a special path, a besieged fortress and a turn to the East. In the end the paper highlights that until the West gives up the idea of dominating the world, Russophobia will remain as a dangerous weapon of the West in the fight against Russia. This situation poses specific tasks for Russia to find effective ways to counter all types of Russophobic aggression.

Key words: Russophobia, special path, besieged fortress, turn to the East, anti-liberal policy, civilization, Soviet civilization.

Русофобская агрессия «коллективного Запада» в отношении России демонстрирует сегодня крайнюю степень растерянности и безумства. Тем важнее становится спокойный и объективный анализ влияния русофобии на конкретный ход отечественной истории,

которое представляется более значительным, чем это обычно понималось ранее.

Русофобия есть неустранимая сторона, продукт, а возможно, и сущность исторического взаимодействия «коллективного Запада» с Россией, хотя это взаимодействие имеет много сторон и аспектов. Швейцарский автор Ги Меттан, автор важной для понимания русофобии книги «Запад-Россия: тысячелетняя война», верно замечает, что, «пытаясь навязать России свои взгляды, Запад затеял войну, которая длится уже тысячу лет и не закончится, пока он не откажется от идеи властвовать над миром» [1, с. 441]. В этом широком смысле слова я и буду употреблять русофобию в сегодняшнем моем сообщении. Русофобия есть и теория, и идеология, и практическая политика.

Явно недостаточно в философско-историческом аспекте изучаются особенности торгово-экономических, финансовых отношений Запада и России, которые раскрывают, по нашему мнению, наиболее важные причины нередко радикальных перемен, которые происходили и происходят во взаимоотношениях России с Западом. Необходимо, прежде всего, принять во внимание то объективное обстоятельство, что уже к середине XVII в. Русское государство оказывается на периферии складывающейся европейской капиталистической системы. Запад постепенно и настойчиво превращает Россию в регулярного поставщика сельскохозяйственной продукции, в первую очередь зерна, а также сырья и природных ресурсов. Сначала это межгосударственное (и межцивилизационное) разделение труда не вызывало особой тревоги в России, оно не воспринималось как основная причина отставания. Но с началом промышленной революции на Западе и после Французской революции ситуация меняется коренным образом.

Именно в 20-30-е годы XIX века стартовала русофобия как базовое оружие, прежде всего, англосаксов, прозападных элит в войне против России. Время мощного наступления русофобии было выбрано не случайно: именно тогда Россия становится смертельным врагом трех сил, организовавших Французскую революцию 1789-1799 годов. Известный историк А.И. Фурсов дал верную в целом характеристику этих сил [2].

Во-первых, это Великобритания, борющаяся за гегемонию в мировой капиталистической системе с Францией и одержавшая над ней победу силами, прежде всего, России. Россия из-за победы над Наполеоном, которая превратила Англию в сильнейшую

континентальную державу, стала в глазах британцев противником номер один.

Во-вторых, это европейский финансовый капитал, поднявшийся в ходе Французской революции и наполеоновских войн. Речь идет прежде всего о Ротшильдах, уже в 1818 году продиктовавших свою волю и намерение крупнейшим западноевропейским державам (Австрии, Пруссии, Франции), создать единый европейский банк. Майер Амшель Ротшильд (1744—1812) основал банк во Франкфурте-на-Майне. Однако на пути реализации этих планов оказалась Россия - сначала поздний Александр I, а затем Николай I, в общем русские цари не позволили западному финансовому капиталу глубоко внедриться в Россию и сильно ограничили его амбициозные намерения.

В-третьих, эпоха революций 1789-1848 годов в значительной степени была эпохой масонских революций - в том смысле, что масоны составляли руководящее ядро сил, направлявших и руководивших революциями. Масонские ложи Англии стремились к установлению полного контроля над всеми масонскими ложами на континенте. Недаром 1 августа 1822 года последовал высочайший рескрипт (правовой акт) Александра I «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ». «Все тайные общества под какими бы они наименованиями не существовали, как то: масонские ложи или другими — закрыть и учреждения их впредь не дозволять» [3, с. 49].

Приход к власти Николая I и смена внешней и внутренней политики на антилиберальную есть ключевая точка в истории России, именно ее анализ позволяет понять, как русофобская политика Запада влияет на смену вектора политического развития страны, а в дальнейшем ходе истории и на цивилизационные характеристики российского общества.

Эта проблема смены политического вектора развития страны и его реализации представлена в основной массе литературы в искаженном виде. А сам император оболган, и все это далеко не случайно. Трактовки многих событий в отечественной истории пришли в российскую мысль с Запада [4]. Масштабы фальсификации отечественной истории в западной литературе, которые идут уже не одно столетие, просто поражают. Исторические конюшни постепенно разгребаются, но пока недостаточно решительно.

Николаевская эпоха, это особая эпоха, - решающая в судьбах страны не только XIX века. Николай I не был реакционером, каким его часто изображают, он был консерватором, совсем не чуждым идее

эволюционного прогресса и способным к умеренным реформам сверху.

Но именно в этот период в 1830-1840-е гг. складывается в обществе в полной мере национальное самосознание и национальное самоуважение, национальная русская литература, получившая мировое признание. Были достигнуты огромные успехи не только в литературе, но и в изобразительном искусстве, музыке, театре, публицистике, в культуре в целом. Есть несомненная связь между политикой «удаления» России от Западной Европы, противостояния западной критике российского общества и его традиций и достижениями в сфере науки, культуры, образования на национально-ориентированном пути развития.

Николай I умело проводит политику протекционизма, и промышленность вновь стала расти быстрыми темпами. А появление избытка товаров при узком внутреннем рынке рождает так называемый Восточный вопрос. Новый таможенный тариф Николая I в 1841 году вызвал взрыв негодования в Англии. Русофобские настроения становятся главной официальной линией ее внешней политики. Из союзника либеральной Англии царь превратился в деспота, варвара, вероломного захватчика. Впоследствии Николай Первый будет изображен английским русофобствующим автором Б. Стокером в образе вампира Дракулы. Сосущий кровь вампир - аллегория жестокой варварской России [1, с. 260-264].

А когда в 1856 году занявший трон Александр II отменил николаевский таможенный тариф, английская пресса рассыпалась в комплиментах ему, пела ему осанну. Теперь о некоторых вопросах теоретического характера.

Осмысление николаевской эпохи приводит, на наш взгляд, к появлению трех взаимосвязанных понятий, которые открывают новые возможности для понимания своеобразия дальнейшего цивилизационного развития России. Первое для меня понятие – особый путь России. Разумеется, дело здесь не в том, что Россия развивается в течение многих столетий по своему собственному пути. В определенном смысле у каждой страны свой собственный путь. Речь идет о другом.

Можно указать на огромную научную литературу по проблеме особого пути России (5). Постоянно и очень остро обсуждается этот вопрос применительно в основном к двум странам - к России и Германии.

Центральная идея национальной общественной мысли – торговый протекционизм, без которого невозможно самостоятельное

развитие Германии, как впрочем, и России. Мне представляется, что особый путь, действительно, начал реализовываться в Германии Бисмарком в ходе форсированного развития страны по капиталистическому пути после революции «сверху» 1871 года. Это была грандиозная по тому времени попытка создания второго Центра силы (второго Центра развития капитализма, но иного исторического типа) на европейском пространстве, альтернативного английскому капитализму, который Англии удалось впоследствии ликвидировать. Ею также была ликвидирована аналогичная, но более ранняя по времени, попытка Николая I через развязывание Крымской войны (нередко называемой нулевой мировой войной).

Особый путь формируется применительно к России не только для этой конкретной николаевской эпохи. Первая попытка при Николае I – это только смутные поиски иного пути, он был продолжен в советское время, имеется в виду путь развития СССР.

Смысл заключается в том, в центр мировой капиталистической системы Россию не пускали и никогда не пустят, и Германия за свою настойчивость войти в него была разгромлена. Черчилль говорил о том, что «мы воюем не с Гитлером, а с немецким духом, духом Шиллера, чтобы этот дух не возродился» [6]. Скорее всего, Черчилль лицемерил, но это очень сложный вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

Второе - важное для меня понятие – осажденная крепость, ключевое для понимания особенностей цивилизационного развития России последних трех столетий, начиная с николаевской эпохи. Рассмотрев само это явление «осажденная крепость», можно отчетливо представить, как выглядит цивилизация не только при антилиберальной политике царской власти, но при дальнейшем движении России по своему особому пути.

Второй конкретно-исторический облик осажденная крепость приобретает после революции 1917 года с возникновением Советского Союза и строительством советского социализма. Именно Сталин впервые заговорил о советской стране как об осажденной крепости. «Мы живём не на острове. Мы живём в капиталистическом окружении. То обстоятельство, что мы строим социализм (и революционизируем тем самым рабочих капиталистических стран,) - не может не вызывать ненависть и вражду со стороны всего капиталистического мира. Думать, что капиталистический мир может равнодушно смотреть на наши успехи на хозяйственном фронте, успехи, революционизирующие рабочий класс всего мира, - это значит впадать в иллюзию. Поэтому, пока мы остаёмся в капиталистическом

окружении, пока пролетариат не победил, по крайней мере, в ряде стран, мы не можем считать свою победу окончательной» [7, с. 362].

Историки, стремящиеся к научной объективности, как например, А.И. Уткин пишет о таком мощном военном, экономическом и дипломатическом давлении на советскую страну в XX веке, что с полным правом можно говорить «об осаде СССР-России» [8]. Напротив, либерально настроенные авторы пишут о периоде советского социализма исключительно в негативных тонах. Именно таким предстает советское общество в книге Л.М. Млечина «Осажденная крепость», посвященной его истории, который пишет: «В нашей стране ненависть к Западу, Америке, вообще внешнему миру намеренно культивировалась властью. Все десятилетия советской власти государство тщательно изолировалось от внешнего мира. Никого не впускать и никого не выпускать. Штампы советской пропаганды укоренились в сердцах и умах, хотя, если вдуматься, - эти страны несколько не виноваты в несчастьях, постигших Россию в XX столетии» [9, с. 258]. Как бы не так. Позиция автора это что - плод его личных заблуждений или выполнение определенного политического заказа?

Третья важная черта – перенос центра тяжести в экономике, торговле, в геополитике на Восток, о чем здесь нет возможности говорить подробно. Хорошо известно, что взаимодействие Запада с Россией носит циклический характер. Безуспешное стремление России догнать и стать похожей на Запад, сменяется государственной политикой максимального дистанцирования от Запада. При каждом таком повороте цивилизационное богатство прежнего периода оказывается лишь частично способным содействовать развитию общества в новых условиях. Прерывистость цивилизационного накопления серьезно осложняет стране выход на лидирующие позиции в мире. И здесь свою большую разрушительную роль играет русофобия.

Практическое построение здания советского социализма, как и его теоретическая основа, строились на базовом принципе - защите национальной безопасности. Проблема государственной (национальной) безопасности выступает или должна выступать исходной точкой для создания эффективной теоретической модели общества и, прежде всего, его институтов власти и управления. Этот момент в отечественной социальной науке и философии отрефлексирован довольно слабо. Сегодня мы пользуемся, по существу, либеральной социологией с ее категориальным аппаратом, претендующим на универсальность. В ней для национальной

безопасности объективно нет места, потому что рядом с социологически понятным обществом, как универсальным, не может в теории располагаться другое общество, цивилизационно отличное от него.

Можно ли говорить о современной России как об «осажденной крепости XXI века»? Наверное, да. Началась принципиально новая историческая эпоха. События после 24 февраля в течение длительного исторического периода будут оказывать огромное, можно сказать определяющее влияние на жизнь нескольких поколений. И нам, россиянам, нужно «проснуться» и произвести перезапуск всех общественных процессов в кратчайшие сроки. Но никакой поворот не станет возможным, если не будет объяснено то, что с нами произошло за последние тридцать лет, 24 февраля перейден рубикон, отделяющий две исторические эпохи. Как и почти сто лет назад на стороне Украины теперь тоже весь «коллективный» Запад. Известно, что первый вариант Евросоюза, который был создан под диктовку нацистской Германией, вместе с ней воевал с Советским Союзом.

В последнее время Германия становится инициатором проведения Евросоюзом предельно враждебной русофобской политики. Если до последнего времени Германия сохраняла известное чувство вины перед Россией за нацистские преступления, то сегодня русофобия в ней зашкаливает. Кажется, с этой исторической виной покончено или будет покончено в ближайшее время. Один из немецких авторов отмечает, «всякие тренды переменны, лишь ненависть к России – постоянна. Ее давили в себе немецкие деды-фашисты, ее гасили в себе их толерантные потомки, но ее и возвращали десятилетиями местные СМИ, начиная от комиксов про русских медведей и заканчивая статьями высокопоставленных профессоров. Как пишет советский российский философ, живущий в Базеле, Карен Свасьян, «эти профессора от дикарей отличаются лишь тем, что ходят на конференции с ноутбуками. Немецкой нации нет, я здесь, на месте, уже столько лет фиксирую отсутствие немецкой нации. В политическом смысле Германия – марионетка, а в духовном смысле она просто кончена» [10].

Россия стала самым опасным врагом Запада не из-за решительных действий России по освобождению Украины от нацизма. Россия стала врагом, потому что она хранит свои традиционные ценности! В ней живут нормальные мужчины и женщины, которые создают нормальные семьи, в ней работают и учатся, строят храмы и мечети и многое другое. Вновь осажденная крепость, но уже 21 века. На страну обрушилось огромное давление - разрыв отношений,

блокада и санкции, политический шантаж и обман, нечестная конкуренция, насильственный отъем российских финансов. Конечно, есть немало принципиальных отличий. Прежде всего, есть возможность совершить реальный поворот на Восток. «Осажденная крепость» вполне может стать форпостом с хорошим тыловым обеспечением после перевода наших энергетических потоков на восточное направление. Это отличает нас от советской осажденной крепости 30-50-х годов XX века.

С тем, чтобы не произошло отката назад, необходима ротация элиты. Нецелесообразно в сегодняшних условиях принимать жесткие репрессивные меры против пятой колонны, но она должна быть морально, финансово и информационно изолирована. Вступать с ее представителями в научные дискуссии с целью поиска истины, правды, справедливости и бесполезно, и бессмысленно. Цель российского русофоба - не поиск истины, а нанесение ущерба России: с далеки идущими последствиями. Фактический запрет на русофобию внутри страны - это шаг в правильном направлении.

Пытаясь навязать России свои общечеловеческие ценности, Запад ведет против нее войну тысячу лет. Эта война будет продолжаться пока Запад не откажется от своей навязчивой идеи достигнуть мирового господства. Но Россия никогда не отступит от своего права идти своим собственным путем и не откажется от своих вековых традиций. И своей русской, российской мечты. И мы должны уметь защищать свои национальные ценности и интересы.

Список литературы

1. Меттан Ги. Запад-Россия: тысячелетняя война. Почему они так любят ненавидеть Россию. М.: Paulsen, 2017. – 465 с.
2. Фурсов А.И. Русофобия и информационная война против России// andreyfursov.ru?IGKKHo
3. Карпачев С. Тайны масонских орденов. М.: Яуза-Пресс, 2007. - 348с.
4. См. впервые изданный на русском языке полный текст работы: Кюстин Астольф де. Россия 1839. М.: КоЛибри, Азбука -Аттикус. 2020. - 1051 с.
5. Шевченко В.Н. К современным дискуссиям вокруг «особого пути» развития России // Вестник РФО. 2019.№3-4 - 2020. №1-2. С.39-51.

6. Говорил ли Черчилль о том, что Британия воюет не с Гитлером, а с немецким духом //provereno.media>...cherchill...vojuet...nemeckim-duhom/
7. Сталин И.В. О социал-демократическом уклоне в нашей партии. Доклад на XV Всесоюзной конференции ВКП (б). 1 ноября 1926 г. // Сочинения. Т.8. М.: Госполитиздат, 1953. С. 234-297.
8. Уткин А. СССР в осаде. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. - 288 с.
9. Млечин Л.М. Осажденная крепость. М.: Центрполиграф. 2013. - 413 с.
10. Хакимова-Гатцемайер М. Немецкая ненависть к русским вырвалась на свободу // Взгляд. Деловая газета.14 марта 2022 // vz.ru>Мнения>2022/3/14/1148096.html

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ОРГАНАХ ВЛАСТИ КАК ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Щербина Е.А.

кандидат политических наук, доцент
Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР, заместитель директора
E-mail: adenas@list.ru

Аннотация. В статье представлены результаты экспертного опроса, проведенного в ряде республик Северного Кавказа, по вопросам этнического представительства в органах власти. Основной акцент делается на ответах экспертов, которые являются модальными и репрезентативными. Принцип этнического представительства во власти выступает неформальной, имеющей конвенциональную основу политической системой с присущими ей функциями, выполняющей определенную стабилизирующую роль. Отмечено, что управленческая модель, основанная на принципах этнического представительства, поддерживается федеральным центром и региональными элитами, а с другой стороны, находится под неформальным контролем республиканской общественности, в частности, этнически ориентированных общественных организаций и их активистов. Особенностью современной модели управления в республиках Северного Кавказа, по мнению активистов, является

сочетание этнического представительства с принципом профессионализма при политических назначениях.

Ключевые слова: этническое представительство во власти, конвенциональный характер, неформальный политический институт.

ETHNIC REPRESENTATION IN GOVERNMENT BODIES AS A PROBLEM OF THEORY AND PRACTICE

Shcherbina E.A.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor

*Deputy Director of the Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian
Studies under the Government of the KChR*

E-mail: adenas@list.ru

Abstract. *The article presents the results of an expert survey conducted in a number of republics of the North Caucasus on issues of ethnic representation in government. The main focus is on survey results that are modal and representative. The principle of ethnic representation in power acts as an informal, conventionally based political system with its inherent functions, which performs a certain stabilizing role. It is noted that the management model based on the principles of ethnic representation is supported by the federal center and regional elites, and on the other hand, is under the informal control of the republican public, in particular, ethnically oriented public organizations and their activists. A feature of the modern model of governance in the republics of the North Caucasus, according to activists, is the combination of ethnic representation in political appointments with the principle of professionalism.*

Key words: *ethnic representation in power, conventional character, informal political institution.*

Принципы формирования органов власти в современной России основываются на общих постулатах демократии, Конституции РФ, политических доктринах, определяющих основные принципы государственного управления на разных уровнях власти. Актуальность данной проблемы на Северном Кавказе сохраняется, не смотря на то, что её острота была снята со временем в ходе формирующихся принципов организации органов власти в условиях новой государственности.

Тем не менее, принципы этнического представительства во власти в условиях полиэтничности социума вызывают интерес, на наш

взгляд, именно тем, что длительное время существуют, сохраняются и поддерживаются как политической элитой, так и населением.

В республиках Северного Кавказа принцип неформального этнического представительства во власти первоначально (первая половина 90-ых годов) рассматривался как:

- одна из первоочередных проблем (ставился этническими лидерами, национальными общественными организациями с начала 90-ых годов прошлого века);

- рассматривался народами Северного Кавказа как ресурс экономического и политического решения этнических проблем;

- и ранее, и в настоящее время рассматривается как основа или гарант обеспечения этнополитической стабильности.

В 2017 году на территории Дагестана, КБР, КЧР и Республики Северная Осетия - Алания прошла серия формализованных экспертных интервью, основной задачей которых стало изучение мнения экспертов о сложившемся и действующем в северокавказских республиках принципе этнического квотирования во власти.

Результаты опроса позволили исполнителям сделать несколько основных выводов:

- в полиэтничных республиках Северного Кавказа с момента создания существует управленческая модель, основанная на системе пропорционального неформального этнического представительства, обеспечивающего политический баланс народов региона. Данная управленческая модель является результатом негласного общественного договора, призванного обеспечить этнополитическую стабильность в регионе, то есть она носит конвенциональный характер;

- система этнического квотирования затрагивает, в первую очередь, высшие должностные лица в республиках;

- в условиях отсутствия формально- правовых норм, регулирующих проблему политического представительства этнических групп во власти, по мнению экспертов, эта система поддерживается и работает под влиянием двух главных факторов: во-первых, заинтересованности в ней, прежде всего, федерального центра и региональных политических элит. Во-вторых, функционирование данной системы находится на контроле республиканской общественности, особенно этнически ориентированных общественных организаций и их активистов, которые внимательно следят за кадровыми перестановками и бьют тревогу, когда нарушается сложившийся на текущий момент баланс;

– эксперты воспринимают неформально существующую практику учета этничности при распределении властных позиций как один из главных факторов сохранения этнополитической стабильности и единства республик;

– неформальное этническое представительство распространяется не только на органы государственной власти субъекта, но и на органы местного самоуправления;

– сегодняшняя кадровая политика руководства республик направлена на соблюдение неформальной практики пропорционального этнического представительства во власти. Особенность современного этапа, по мнению экспертов, клановость;

– система неформального этнического представительства - это реально сложившаяся модель политического управления в республиках Северного Кавказа, укоренившаяся с момента создания новых субъектов РФ. Это уже традиционность в современности;

– большинство экспертов считают систему этнического квотирования уже сложившимся политическим институтом, носящим неформальный характер. Главная задача этого института – обеспечение межэтнического мира и политической стабильности через реализацию представительства всех народов в органах власти. При этом эксперты подчеркивают, что вследствие своей неформальности, система может использоваться и как лозунг, и как инструмент политического влияния в межэтнических спорах, и как принцип лоббирования этнических интересов. В принципе, выделенные параметры можно интерпретировать как функции системы;

– большинство экспертов полагают, что принцип этнического представительства при политических назначениях в настоящее время сочетается с принципом профессионализма. Вместе с тем, эксперты в беседе подчеркивали, что без учета этнического представительства во власти стабильности в республиках не будет. Получается, что система настолько укоренена, что ей отводится значительная роль в сохранении общественно – политической стабильности;

– система этнического квотирования, а именно соблюдение пропорционального представительства основных этносов во властных структурах нивелирует протестно-мобилизационный потенциал этнических активистов по данному вопросу;

– молодые общественники в республиках отмечают её декларативный характер, некачественный и клановый подбор

персоналий, определенную «этническую нелегитимность» (народ не выбирал);

– большинство экспертов подчеркивают её регулирующую и контролирующую роль при политических назначениях.

Включение этничности в политико-управленческую модель республик Северного Кавказа является объективной реальностью, формирующейся с 90-ых годов двадцатого века, укрепившейся в годы постсоветского государственного строительства, и в настоящее время соответствующей современному состоянию северокавказского общества.

СЛАВЯНОФИЛЫ ОБ ОПАСНОСТИ ПОЛИТИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА И О РОЛИ ЦЕРКВИ В ПОЛИТИКЕ

Широкова М. А.

доктор философских наук

*Алтайский государственный университет,
профессор кафедры философии и политологии*

E-mail: mshirokova1@rambler.ru

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам взаимоотношений церкви и государства, духовной и светской власти в идейном наследии основоположников славянофильства - А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина. Автор придерживается мнения, что славянофильские мыслители являлись продолжателями "нестяжательской" философско-политической традиции. Они рассматривали церковь и государство как принципиально несопоставимые институты, действующие в разных сферах жизни человека и общества, и использующие различные средства достижения своих целей. Однако, выстраивая концепцию своего социально-политического идеала на основе диалектического метода, славянофилы полагали, что в будущем противоречие между церковью и государством должно быть снято в высшем синтезе. Говоря о возможности политизации церкви как института и использования религиозного фактора в политике, родоначальники славянофильства осуждали вмешательство церкви в политические конфликты на стороне какой-либо группы или организации. В подобных случаях, по убеждению славянофилов, церковь изменяет своей природе, так как переходит из области вечного в область*

временного и начинает действовать посредством рассудка, а не веры.

Ключевые слова: религия, политика, церковь, государство, славянофильство, русская философия, русская культура.

SLAVOPHILES ON THE DANGER OF POLITICIZATION OF THE RELIGIOUS FACTOR AND THE ROLE OF THE CHURCH IN POLITICS

Shirokova M.A.

The Altay State University, professor

E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Abstract. *The article is devoted to the relationship between church and state, spiritual and secular power in the ideological heritage of the founders of Slavophilism - A.S. Khomyakov, I.V. Kireevsky, K.S. Aksakov and Yu.F. Samarin. The author is of the opinion that the Slavophile thinkers were the successors of the "non-possessive" philosophical and political tradition. They considered the church and the state as fundamentally disparate institutions operating in different spheres of human life and society, and using different means to achieve their goals. However, building the concept of their socio-political ideal on the basis of the dialectical method, the Slavophiles believed that in the future the contradiction between church and state should be removed in a higher synthesis. Concerning the possibility of politicizing the church as an institution and using the religious factor in politics, the founders of Slavophilism condemned the intervention of the church in political conflicts on the side of any group or organization. In such cases, according to the Slavophiles, the church betrays its nature, as it passes from the realm of the eternal into the realm of the temporal and begins to act through reason, and not faith.*

Key words: *religion, politics, church, state, Slavophilism, Russian philosophy, Russian culture.*

Проблематика, связанная с взаимоотношениями церкви и государства была проработана в славянофильской концепции довольно тщательно. Со времени создания Московского централизованного государства эти вопросы неоднократно ставились в трудах русских богословов – ведь именно в рамках богословия развивалась тогда и философия, и политическая мысль. «Борьба шла за теократию, подчинение государства церковной иерархии (патриарх

Никон) либо за союз церкви и государства (Иосиф Волоцкий), либо за подчинение церкви государству и превращение ее в государственное учреждение (Феофан Прокопович). Лишь у «нестяжателей» (Нил Сорский) была позиция, в значительной степени сходная со славянофильской» [1, с. 85]. Она заключалась в принципиальном разграничении сферы государства и церкви как разнопорядковых и несопоставимых явлений на современном этапе, но в будущем, по мнению славянофилов и «нестяжателей», постепенное нравственное совершенствование каждого отдельного человека и общества в целом позволит достичь общественного устройства, в котором церковь и государство совпадут.

Впрочем, как полагали славянофилы, присвоение церковью государственных функций было оправдано один раз в истории человечества – по отношению к народу, который был хранителем света истины до появления христианства. Согласно богословским построениям лидера славянофильства А.С. Хомякова, народ Израиля был призван один «во всем роде человеческом» и познал Бога «не как идею, не как философскую тему, но как факт живой, несомненный, преданный». Божественные истины были вверены Израилю «на хранение» для всего остального мира. «Израиль их сохранит, – писал Хомяков, – но сохранит не в величии свободы (к ней человек неспособен без Христа), а в рабстве закона» [2, с. 112]. Если бы духовная сила церкви не была подкреплена политической мощью государства, у народа израильского просто «не достало бы сил» сохранить «закон, ему вверенный», поскольку «оковы, бедствия пустыни, опасности войны на конечное истребление... все обольщения идолопоклонства самого фанатического, самого сладострастного, самого соблазнительного во вселенной... разврат власти и богатства... искушения собственных страстей, пылких и разнузданных» постоянно увлекали это племя на тот путь, которым пошли другие народы. Далее Хомяков рассуждает, применяя известную терминологию митрополита Илариона из «Слова о Законе и Благодати». После пришествия в мир Спасителя необходимость в строгом внешнем «законе» отпала, и человек получил право свободно приобщиться к благодати Божьей, «ибо для того Израиль в продолжении веков пребывал в рабстве закона, чтобы мы могли пребывать навсегда в свободе и благодати» [2, с. 113].

Христианство сделало невозможной не только теократию, но и противоположный тип – обожествленное государство – каким был Рим. Римские божества, по Хомякову, имели чисто символическое значение, истинным предметом веры было государство,

«поставлявшее» богов. Жители империи были убеждены, что «только тот бог, кому Рим позволяет, и тот несомненно бог, кого Рим признает» [3, с. 213]. Церковь и государство в римском просвещении были связаны так тесно, что «западный человек не мог понять самой Церкви на земле иначе, как в государственной форме» [3, с. 204].

Как отмечает Т.И. Благова, социально-экономические истоки воззрений славянофилов на сущность церкви и связь ее с государственной властью, безусловно, связаны с реальными общественными и экономическими взаимоотношениями официального православия с российским абсолютизмом. Тип этих взаимоотношений для имперской России сложился в эпоху петровских преобразований, когда православная церковь превратилась в идеологическое учреждение, лишенное какой бы то ни было автономии по отношению к государству [1, с. 86].

В период оформления славянофильской теории, как с точки зрения образованного общества, так и с точки зрения царской администрации, Православная Церковь воспринималась, прежде всего, как официальный идеологический институт, встроенный в государственную систему, основная функция которого заключается в легитимации политического режима. Такое соотношение церкви и государства отразилось и в законодательстве, и в православном богословии тех лет. Так что сформулированный в трудах Хомякова и поддержанный другими славянофилами тезис о необходимости значительной автономии церкви, основанный на идее свободы человека, был противоположен не только официальной охранительной доктрине, но и догматическому богословию Российской Империи.

Хомяков в своем учении о принципах «церковности» и соборности провозгласил необходимость возвращения к истинам первоначального христианства. Для него церковь – воплощение христианской любви и братства. Стремясь дистанцироваться в этом вопросе от идей триады «Православия, Самодержавия, Народности» С.С. Уварова, Хомяков, очевидно, сознательно максимально избегал при разговоре о церкви всяких ее институциональных характеристик. Идея соборности привела философа к выводу, о том, что, «как сфера любви и свободы», церковь по своей природе отлична от государства, являющегося порождением вещественной необходимости. Церковь действует в сфере трансцендентной, недоступной для государства. Государство всегда конкретно, географически и исторически ограничено. Церковь же – единая, святая, вселенская, независимая от земных условностей места и времени, «она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности, потому что ею святится все

человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или страна» [2, с. 7].

Вполне в духе нестяжательских воззрений, Хомяков утверждал, что церковь связана с «Царством Божиим», государство же – с царством «мира сего», и поэтому они соотносятся как вечное и временное, божественное и человеческое. Церковь славянофилы всегда трактовали как живой духовный организм (хотя это понятие, признавали они, не исчерпывает всех характеристик совершенства Церкви); государство же – как механизм, действующий в сфере необходимости и по необходимости прибегающий к насилию: «Область государства – земля и вещество, его орудие – меч вещественный. Единственная область церкви – душа, единственный меч, которым она может пользоваться... есть слово» [2, с. 27]. «Государство есть устройство общества, имеющее целью жизнь земную, временную. Церковь же есть устройство того же общества, имеющее целью жизнь небесную, вечную» [4, с. 105], – писал И.В. Киреевский.

И все же, при всех довольно резких противопоставлениях церкви и государства, основоположники славянофильства (несколько особую позицию по данному вопросу занимал лишь К.С. Аксаков) не отказывали государству в возможности развивать нравственные начала, и, следовательно, самому постепенно становиться не только политической, но и нравственной организацией. В славянофильской философии всякое противоречие движется к синтезу и снимается в нем.

Признавая возможность нравственности государства, славянофилы, с другой стороны, признавали и возможность безнравственности реально существующих церковных институтов. С этим связано их настороженное отношение к политизации церкви и использованию религиозного фактора как инструмента политики. По мысли А.С. Хомякова, «Церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершение всей Церкви» [2, с. 5] Он умел отделить Церковь в качестве высокого идеала соборности, любви и свободы от ее конкретно-исторических институциональных воплощений, как в России, так и в других странах. Хомяков справедливо отмечал, что призывы церкви ждать «милостей Божьих» непосредственно обслуживают интересы правительства. А все правительства «хорошо понимают практическую выгоду религии, какой бы то ни было, в особенности по отношению к низшим слоям народа, и потому, опасаясь встретиться лицом к лицу с открытым неверием, показывают вид, будто сами во что-то верят» [2, с. 110]. Уточним: для Хомякова

«религия» отнюдь не то же самое, что «вера». «Мир утратил веру и хочет иметь религию, какую-нибудь; он требует религии вообще» [2, с. 110], – с сожалением констатировал философ, подчеркивая приземленный, прагматический смысл «религии», противоречащий духу истинной веры и истинной церкви.

С лидером славянофильства был совершенно согласен Ю.Ф. Самарин, который в предисловии к первому изданию богословских сочинений Хомякова обстоятельно доказывал, что церковь вовсе не противостоит основным личным и общественным свободам – «свободе гражданской», «свободе политической» и свободе мысли. Самарин утверждал, что церковь (как идеал) не препятствует народному поиску оптимальной политической формы. «Церковь благословляла идею государства вообще, как народного общежития под одною властью, – писал Самарин, – и никогда не приковывала ее к той или другой форме ее юридического проявления за исключением других, прошедших или будущих» [5, с. 77-78].

Таким образом, славянофилы осуждали политику церкви, направленную на нарушение права народа установить такое политическое правление, какое он пожелает. Но не меньшее осуждение со стороны деятелей славянофильства вызывали и случаи вмешательства церкви в социальные волнения на стороне народа. Конечно, рассуждал по этому поводу Хомяков, каждый христианин обязан перед Богом заботиться о том, чтобы все его братья достигли возможно высокой степени благосостояния (как бы при этом он ни был равнодушен к своему собственному благополучию). Отсюда вытекает и общее стремление целых народов, озаренных христианством, «доставить всем сполна ту долю свободы, просвещения и благоденствия, какая доступна обществу и может быть достигнута правдою и любовью» [2, с. 66]. Но по отношению к церкви это есть результат не прямой, а косвенный, к которому она должна относиться безразлично, не принимая в нем непосредственного участия, ибо ее цель, та, к которой она стремится, стоит бесконечно выше всякого земного благополучия. «Есть какая-то глубокая фальшь в союзе религии с социальными тревожениями, – писал Хомяков. – Стыдно становится за церковь, до того низко упавшую, что она уже не совестится рекомендовать себя правительствам или народам, словно наемная дружина, выторговывающая себе за усердную службу денежную плату, покровительство или почет» [2, с. 66]. Борьба отдельных личностей, народов или социальных групп за свои права и свободы (необходимость признания последних осознавалась и самими славянофилами), относится, по их мнению, к области разума, а не к

области веры. А если церковь начнет действовать посредством разума, рационализма, то она перестанет быть церковью. Хомякову вторит И.В. Киреевский: «Не полезно Церкви, а противно ей, когда ее употребляют как средство для государственных или мирских целей» [4, с. 108].

Но, несмотря на провозглашение церкви и государства противоположными сферами, в славянофильском политическом учении отсутствует концепция полного отделения церкви от государства. Государство должно соответствовать христианским принципам и, тем самым, служить интересам церкви. С другой стороны, и церковь своими средствами должна способствовать процветанию государства и его продвижению к политическому идеалу. По существу, церковь принимает на себя идеологическую функцию воспитания общества, которая заключается, в том числе, и в привитии гражданам определенных политических ценностей, в формировании личностей, лояльных политической власти (разумеется, при условии, что сама эта власть способствует проведению в жизнь принципов христианства).

В концепции славянофилов была разработана теория диалектического развития взаимоотношений церкви и государства. Первоначально, в ветхозаветный период, единственная церковь, хранившая начало истинной веры, была абсолютно слита с государством и выполняла политические функции. Затем, со времен появления христианства, сферы компетенции церкви и государства были жестко разграничены. Этот этап еще не закончился, как полагали славянофилы, однако уже наметился переход к завершающей стадии развития – диалектическому синтезу церкви, государства и общества. Они объединятся так же, как в Библии объединены Ветхий и Новый Завет. Это будет синтез благодати и закона, свободы и необходимости. Данная теория входила в явное противоречие с либерализмом, который основывается на автономии различных сфер жизни общества, на разделении светской и духовной власти, гражданского общества и государства.

Список литературы

1. Благова Т.И. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский. Жизнь и философское мировоззрение. М.: Наука, 1994. 240 с.
2. Хомяков А.С. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. М.: Медиум, 1994. 478 с.

3. Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» // Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М.: Высшая школа, 1995. С. 196–243.
4. Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2007. 448 с.
5. Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 720 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<p>К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РСФСР И ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (К 100-ЛЕТИЮ РАПАЛЛЬСКОГО ДОГОВОРА) <i>Афонина А. А.</i>.....</p>	3
<p>ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ, ОПОСРЕДОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЕЙ НА ИНДИВИДУАЛЬНУЮ, КУЛЬТУРНУЮ И НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ <i>Боривое В. Балтезаревич, Марина Д. Миятович.</i>.....</p>	7
<p>НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК И БУДУЩЕЕ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ VS ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ <i>Баранецкий А.Н.</i>.....</p>	14
<p>ПРОЕКТЫ ПОЛИТИКО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА <i>Баранов А.В.</i>.....</p>	21
<p>СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: «ФИЗИЧЕСКОЕ ВЫЖИВАНИЕ – ЭТО ИМПЕРАТИВ, ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ – РОСКОШЬ» <i>Баранов Н.А.</i>.....</p>	27
<p>ПАНДЕМИЯ КОВИД: НОВЕЙШИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА И ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ <i>Буркова Е.И.</i>.....</p>	34
<p>РОЛЬ РОССИИ И АРМЕНИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА <i>Гзоян А. А.</i>.....</p>	39
<p>ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ ИЛИ ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ СМУТА: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ И ПОНИМАНИИ СМЫСЛОВ (К 100-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ) <i>Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б.</i>.....</p>	45

ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ ЭТНИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО СООБЩЕСТВА: ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ <i>Гриценко Г.Д.</i>	53
ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ <i>Дан-Чин-Ю Е.Ю.</i>	60
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ИНДИЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ <i>Дас Прити</i>	66
МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ <i>Донцев С. П.</i>	71
ГРУППОВОЕ ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ В ВУЗЕ И РАЗВИТИЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ <i>Зиновьева В.И.</i>	77
КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕНТИФИКАЦИИ FAKE NEWS И СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ VUCA-МИРА <i>Иванкина Л.И.</i>	82
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО БРЕНДИНГА <i>Кнухова Ж.Н.</i>	90
КУЛЬТУРА КАК ОРУЖИЕ ВОЙНЫ <i>Ковальска-Стус Ханна</i>	98
УКРАИНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ <i>Когут В.Г., Нурдыев Г.Н.</i>	110

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА – ПРИОРИТЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ <i>Кубанова Л.В.</i>	118
НЕРАВЕНСТВО И ДИСПРОПОРЦИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СКФО) <i>Куриева Ф.Х.</i>	126
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ А. Г. ДУГИНА В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ГИБРИДНЫХ ВОЙН И ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ В XXI ВЕКЕ <i>Масаев М.В.</i>	132
ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПАРАМЕТРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ <i>Мелибаев А.С.</i>	138
ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ А.С.ПАНАРИНА <i>Мохов А.В., Сеньюшкина Т.А.</i>	141
ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА, НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА КОЛЧАКА. 1918-1920 ГГ. <i>Наумова Н.И.</i>	148
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ <i>Павловцева О.В.</i>	154
ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Паиковский П. И.</i>	164

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И АРМЕНИИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ СОЮЗНИКИ ИЛИ СИТУАТИВНЫЕ ПАРТНЁРЫ? <i>Петросян Д.А.</i>	170
ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ТЕХНОЛОГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И РИСКИ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ <i>Попова О.В.</i>	176
АРХАИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ <i>Римский В.Л.</i>	183
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ: НЮАНСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ <i>Романович Н. А.</i>	190
РИСКИ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОСТИ <i>Сенюшкин Е.А.</i>	208
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН БРИКС: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ <i>Сенюшкина М.А.</i>	212
КРИТЕРИИ И КОНТУРЫ УПРАВЛЯЕМОСТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА <i>Сенюшкина Т. А.</i>	220
ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ КАК ФАКТОР РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА <i>Синкевич И.С.</i>	228
ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА <i>Тарасевич А.С.</i>	232

ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ НА ПУТИ К ГЛОБАЛЬНОМУ ЛИДЕРСТВУ: ОТ БИПОЛЯРНОГО МИРА «ЗАПАД И НЕ-ЗАПАД» К БИПОЛЯРНОМУ МИРУ «РОССИЯ И НЕ-РОССИЯ» <i>Трухан А.В.</i>	236
ДИАЛОГ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС <i>Фароян Э. М.</i>	244
РУСОФОБИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПОСЛЕДНИЕ СТОЛЕТИЯ <i>Шевченко В.Н.</i>	250
ЭТНИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ОРГАНАХ ВЛАСТИ КАК ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ <i>Щербина Е.А.</i>	259
СЛАВЯНОФИЛЫ ОБ ОПАСНОСТИ ПОЛИТИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА И О РОЛИ ЦЕРКВИ В ПОЛИТИКЕ <i>Широкова М. А.</i>	263

Научное издание

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ
ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА»**

**Сборник научных трудов XXXIX Международного
Харакского форума**

(Ялта, 26-28 апреля 2022 г.)

Под общей редакцией Т.А. Сеньюшкиной

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 16,04. Тираж 500 экз. Заказ № 12А/07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru